ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р С Ф С Р

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

24

ТОМ ПЯТЫЙ (ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ)

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

О Т П Е Ч А Т А Н О
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГИЗа.
Москва, Пятницкая, 71.
Главлит № А—3077. Гиз № 24128.
Заказ № 5191. Тираж 2000 экз.

Июльские дни в Петрограде.

Окончание [1])

VI.

3 ПЕХОТНЫЙ ЗАПАСНЫЙ ПОЛК.

Удостоверение [2]).

Дано сие исполнительным комитетом 3 пехотного запасного полка товарищу Сергею Полуэктову в том, что он действительно командирован в качестве делегата во 2 пулеметный полк в Стрельну.

Председатель исполнительного комитета 3 пехотного запасного полка (подпись).

За секретаря (подпись).

Гор. Н.-Петергоф, 4 июля 1917 г.

Постановление Исполнительного Комитета Петергофского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов [3]).

1. Все воинские части должны исполнять приказания Исполнительного Комитета и не делать отдельных выступлений без распоряжения Исполнительного Комитета.

2. Все солдаты должны быть в полной боевой готовности. Ночью должны быть вооруженные дежурные взводы в каждой отдельной части.

3. Никаким телефонным сообщениям не верить; все распоряжения Исполнительного Комитета будут отдаваться письменно за подписью председателя и приложением Советской печати Исполнительного Комитета.

4. Снестись с Кронштадтом, Ораниенбаумом, Стрельной и Петроградом.

5. На телеграф для связи и контроля послать членов Совета.

6. Сообщить начальнику станции беспрекословно подчиняться распоряжениям, отдаваемым в письменной форме Исполнительным

---

[1]) «Красный Архив», т. XXIII, стр. 1—63.

[2]) Архив Октябрьской Революции, ф. 349, д. № 3, л. 1.

[3]) А. О. Р., ф. 349, д. № 3, л. 2.

Комитетом Петергофского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

7. Вызвать конный разъезд из 30 человек в распоряжение Петергофского Совета.

8. О всем случившемся сообщать в Исполнительный Комитет по телефону № 6.

9. Распределение караула и патрулей Совета возлагается на члена Исполнительного Комитета Лепина.

Председатель Исполнительного Комитета (подпись).

Приказание по 3 пехотному запасному полку [1]).

Гор. Н.-Петергоф.

По распоряжению командира полка объявляю почто-телеграмму № 185 начальника Петергофского гарнизона [2]).

4 июля 1917 г. № 252.

Список членов революционного штаба 18 июля 1917 года [3]).

Копия.

№№ Фамилии. Примечание.

1. Булин.
2. Толкачев, пред.
3. Фирсов.
4. Чернявский.
5. Блинов, секр.
6. Гирсяков.
7. Рождественский.
8. Другов.
9. Молохин.
10. Коваленко.
11. Пр. Дзевульский.
12. Ком. 2 б. [4]) Дорофеев.
13. » » Лаврентьев.
14. Ком. полка полковник Лебедев.

С подлинным верно:

Председатель исполнительного комитета *Блинов*.

---

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 2 л. 3.

[2]) Далее приводится предыдущая почто-телеграмма.

[3]) А. О. Р., ф. 349, д. № 3, л. 113 об. Дата относится ко времени посылки списка в следственную подкомиссию.

[4]) Так в подлиннике.

Показания секретаря революционного штаба Блинова [1]).

Председатель ротного комитета, секретарь исполнит. ком. и полкового совета и секретарь бывшего революционного штаба Павел Евгеньев Блинов, православный, 23 года, живет в помещении казарм, показал:

3 числа часов в 6 — 7 вечера товарищ наш приехал из Петрограда и сообщил мне частным образом, что в Петрограде выступили на улицу войска и разъезжают вооруженной [2]) автомобили. Выслушав рассказ товарища, я не придал ему особого значения, ушел к себе в роту и, частным же образом, поделился этими сведениями со своими товарищами. В 1 час. ночи приблизительно меня разбудили и потребовали в экстренное заседание совета; по приход [2]) собрание было уже в сборе; председательствовал тов. Фирсов; на собрании было человек 40 приблизительно. Повестка дня была уже выработана, и некоторые вопросы уже решены. Я присутствовал при обсуждении последнего вопроса об организации охраны полка. Собрание совета происходило в порядке большой спешности, меня ознакомили с принятыми резолюциями и сообщили, что я выбран секретарем революционного штаба. Революционный штаб был выбран на неопределенный срок,—на время продолжительности текущих событий. Все распоряжения революционного штаба за исключением вопросов о выступлении, безусловно были обязательны для полка. Поясняю, что вопрос о выступлении стоял в следующей плоскости. Самовольно решать этот вопрос революционному штабу право не было дано, но в случае получения приказа от [3]) Всероссийского Съезда С. Р. и С. Д. или же от Петроградского Совета о выступлении, революционный штаб имел право отдать приказ о выступлении по нашему полку. Такого приказа о выступлении от полномочных органов демократии получено не было; наоборот, было получено прямое [4]) постановление о невыступлении, со стороны Петергофского Совета Раб. и С. Депутат., впредь до получения приказа из Петрограда, и это постановление было привезено нашим представителем тов. Соколовым, того же 3 июля. Содержание постановления было следующее: без прямого приказа от Всеросс. Съезда через Петергофский Совет не могут быть проведены в жизнь никакие распоряжения о выступлении. В случае выступления какой-либо части Петергофский Совет снимает с себя ответственность Тов. Толкачев [5]) опроверг постановление, привезен-

---

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 2, л. л. 123—125. Показание дано «следственной комиссии при Центр. К. Советов Р., С. и Кр. Депутатов для расследования событий, имевших место в Петрограде и его окрестностях 3—6 июля 1917 г., их причин и следствий», в «числе трех лиц: О. С. Буренкова, В. М. Селецкого и В. Д. Розенкранца». — А. О. Р., ф. 349, л. № 2, д. 120.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Далее зачеркнуто: «Сов.».

[4]) Далее зачеркнуто: «приказ» и надписано сверху: «постановление».

[5]) Далее зачеркнуто: «выслушав».

ное тов. Соколовым, несмотря на то, что мы, остальные члены революционного штаба, были вполне согласны с постановлением. Ночью же тов. Толкачев собрал митинг нашего полка. На митинге присутствовало человек 100—200. На этом митинге Толкачев призывал к выступлению. Говорилось на митинге, что в Петрограде льется кровь, а мы здесь безучастно сидим. На этом митинге, насколько помню, члены революционного штаба, кроме Толкачева, не присутствовали, потому что большинство членов были выбраны заочно и о митинге своевременно не были извещены. Со слов товарища, возвратившегося с митинга, было решено никуда не расходиться, быть наготове и [1]) ждать распоряжения.

После митинга революционным штабом было отдано официальное приказание быть наготове, никуда не расходиться, выделить из батальонов полка 3 революционные роты, которые должны выступить по первому вызову революционного штаба. Кроме того, революционный штаб приступил немедленно к осуществлению постановления экстренного полкового совета от 4 числа.

Около 8 часов утра прибыла делегация от Петергофского Совета с подтверждением постановления о невыступлении до распоряжения. После горячих прений тов. Толкачев напечатал постановление о вооруженном выступление [2]) к 10.30 мин., каковое сам и подписал как председатель революционного [3]) штаба. Затем т. Толкачев обратился ко мне, как к секретарю, с требованием подписи. Я категорически отказался. Вместо меня постановление было подписано лицом, не входящим в состав революционного штаба, кажется, юнкером 1 роты Ориенбаумской [2]) школы Ботмером, который в это время находился у нас. Подпись под постановлением полковника Лебедева была получена следующим образом: в кабинет командира явился т. Толкачев и потребовал его подписи. Командир отказывался и направился в революционный штаб. Здесь т. Толкачев продолжал требовать подписи в тоне угрозы, из которой было ясно, что для командира полка был один из двух выходов: либо подписать, либо рисковать не только своей жизнью, но и жизнью многих солдат своей части, при стычке. Полковник решил подписать, решив, что отказ безусловно вызовет столкновение в части. До выступления в Петроград мы, члены револ. штаба, решили совместно с делегатом Петергофск. Совета устроить второй митинг в надежде, что нам удастся остановить выступление. Часть членов революц. штаба присутствовала на этом митинге. На митинге выступали прежде всего делегаты, призывавшие к невыступлению. К тому же призывали и некоторые офицеры, которым не давали говорить, так же как не дали говорить и мне. После нас выступил т. Толкачев с горячей речью о выступлении, и выступление было решено. После этого я пытался вторично говорить о том, что если уж решили выступать, то выступление

[1]) Далее зачеркнуто: «по первому призыву революционного штаба».
[2]) Так в подлиннике.
[3]) Далее зачеркнуто: «Сове».

должно быть проведено организованно, в порядке, но и здесь меня сорвали. Около 11 час. утра 4 июля 1/5 часть полка (сборная) выстроилась на плацу с плакатами и вооруженная. На плакатах были надписи, что и 18 июня: «Долой 10 министров-капиталистов», «Вся власть С.С.Р. и К. депутатов», «Долой наступление». В Петроград мы прибыли около 1 час. дня. У вокзала Балтийского мы увидали расположенный 1 пулеметный полк, который ожидал распоряжения. Мы, члены революц. штаба, совместно с командиром полка стали убеждать подождать выяснения и затем уже двигаться. Но и здесь тов. Толкачев, совместно со своими единомышленниками, одержал вверх, ссылаясь на то, что мы пришли сюда не стоять, а требовать ответа на их требования. Мы решили двинуться и пошли прямо к Таврическому дворцу с музыкой. Подошли к Таврическому дворцу около 5 ч. вечера и решили пойти в Исполнительный Комитет с докладом известным требованиям, [1]) на что нам сказали, что на наше требование мы ответа сегодня получить не можем, ввиду того, что вопрос обсуждается и пока не решен. Докладчиками пошли: командир полка, прап. Баландин, тов. Толкачев, я и тов. Булин. Докладывал один Толкачев. После ответа Исп. Ком. члены револ. штаба стали обсуждать дальнейший ход действий. Все члены, кроме т. Толкачева, были согласны возвратиться в Петергоф. Тов. Толкачев предложил вынести вопрос на обсуждение полка, на что мы и согласились. Решили, что один выступит за уход в Петергоф, а другой против. За уход взял слово я, против — тов. Толкачев. Первым говорил Толкачев. За время речи т. Толкачева раздался ружейный выстрел. Я стал успокаивать толпу. Вслед за этим раздался где-то недалеко орудийный выстрел; он вызвал панику, и все бросились через забор водокачки на луг. При этом паническом бегстве не обошлось без ранений и без случайных выстрелов. Это еще усилило панику. С час времени мы собирали полк и большинством решили отправиться в Петергоф обратно. Должен заметить, что при первом выстреле первым удрал и спрятался т. Толкачев. Обратно шли в беспорядке, отдельными группами и в одиночку. Также вразброд и прибыли мы в Петергоф, где группы сразу направлялись в казармы.

Тов. Толкачев пользуется влиянием со времени революции как оратор и как энергичный демагог. Основа его влияния — безответственный анархизм. Тактика и заманчивость лозунгов, обещающих земной рай сегодня же. В общем, по моему мнению, аудитория т. Толкачева насчитывала до четырех тысяч человек наиболее несознательных. Сейчас, после июльских событий, приверженцев Толкачева найдется не больше двух сотен. На моей памяти, со дня революции, в Петергофе как в Гренадерском манеже, так и у нас на плацу Каспийской казармы было митингов до 10. На нескольких из них выступали кронштадтцы во главе с Рошалем и Раскольниковым. Из Петрограда,

[1]) Так в подлиннике.

кроме советских членов, не приезжал никто. Успехом члены совета не пользовались, Рошаль же и матросы, как равно и т. Толкачев, пользовались колоссальным успехом. Неурядицы и недовольство на почве экономической — распред. экон. сумм, амуниция, стол и другие, и на почве общеполитической — приказ Керенского о запрещении отпусков, наступление на фронте и т. д., были ярко выражены у нас в полку. Дело доходило до отказа в маршевых ротах и до [1]) отказа приветствовать полки 18 июня. Большинство нашего полкового совета было на стороне Толкачева. Сейчас наш полк отрицательно относится к своему прошлому выступлению, и большинство быстро перешло на сторону Совета. Считаю урок 4 июля чрезвычайно полезным и оздоровляющим. И полковой и ротные суды образованы у нас не согласно приказам по военному ведомству. Так, например, полковой суд состоит из 5 [2]) солдат и одного офицера, запасных—3 солдата. Судят не по уставу. Дисциплина расшатана сильно, и до сих пор 4 батал. отказывался подчиняться обще-полковому совету и представлял собою как бы автономную часть. Он же наотрез отказался давать пополнения к маршевым ротам.

Показание мне прочитано, зачеркнутому и надписанному верить.

Блинов.

10/VII 1917 г.

Показания члена революционного штаба Дорофеева [3]).

Шт.-капитан Василий Дмитриевич Дорофеев, православный, 31 года, офицерский флигель, 9 кв. 32, показал: Мысль о создании революц. штаба принадлежала Толкачеву. По его же предложению в состав р. штаба должны были войти командир полка, батальонные командиры и 10 солдат по выбору полкового совета, при этом т. Толкачев [4]) мотивировал количество входящих в состав р. штаба солдат соображением, чтобы г.г. офицеры не имели в нем перевеса. Я, значит, вошел в состав р. ш. механически. Приказом командира полка, сначала словесным, а затем письменным, я был назначен командиром 1 сборного батальона, состоявшего из сборной роты 1 батальона и 3 рот 4 батальона. Цель создания р. ш., по моему мнению, была — подбор людей определенного партийного направления и определенной тактики. Заседаний штаба фактически не было ни одного. Приказание о выступлении полка было напечатано по личному распоряжению Толкачева и было подано командиру полка для подписи. Сначала командир полка отказался его подписать, спросив, не преждевременно ли подобное приказание. Подпись командира была вырвана, по моему впечатлению, угрозами Толкачева, каковые угрозы звучали в тоне,

---

[1]) Далее зачеркнуто: «порицания».
[2]) Далее зачеркнуто: «дейст.».
[3]) А. О. Р., ф. 349, д. № 2, л. л. 125—132 об.
[4]) Далее зачеркнуто: «ко».

заставлявшем предполагать даже возможность действия оружием, тем паче, что рука Толкачева лежала на кобуре револьвера. При этом присутствовали и другие члены р. штаба, кто именно — не помню. Третья подпись принадлежит не секретарю р. штаба, т. Блинову, а другому лицу, кажется юнкеру. Почему нет подписи Блинова, я не знаю. Я присутствовал в заседании полкового совета, как член его, в ночь на 4 июля, и затем, вплоть до 6 ч. утра, приблизительно, присутствовал в [1]) револ. штабе. Повторяю, что заседаний р. штаб не имел, члены его постановили не покидать офицерского собрания, но были моменты, когда они вместе и не держались, а разбредались. Программа практических действий, принятая в заседании полкового совета 4 же числа преобладающим большинством голосов, для револ. штаба была предложена т. Толкачевым. Заседание полк. совета, бывшее экстренным, происходило в порядке большой спешности. Слухи о том, что происходит в Петрограде, доставлены были нам солдатами нашей части, приехавшими из Петрограда около 12 ч. ночи, причем слухи эти были очень разноречивы: один говорил, что там все спокойно, а другой утверждал, что в Петрограде — полная анархия и революция. Общее собрание полк. совета 4 июля было назначено по требованию прапорщика Лепина, члена от нашего полка в Петергофск. Совете С. и Р. Д. Прапорщик Лепин сделал в заседании подробный доклад о происходивших в Петрограде событиях и ознакомил собрание с резолюцией, принятой Петергофск. Советом. Резолюция эта предлагала всем воинским частям Петергофского гарнизона быть готовыми к выступлению, но не выступать без прямого приказа Петергофского Совета. После прапорщика Лепина выступал Толкачев с призывом выступить по собственному почину, когда признаем это нужным. В этом же заседании полкового совета выступали и другие члены Петергофск. Совета и тоже предостерегали от быстрых и опрометчивых решений с призывом подчиняться Петергофскому Совету. Среди них были и два представителя от рабочих в Совете, фамилия одного из них, кажется, Матков. Р. штаб был избран на неопределенный срок; председателем его был избран т. Толкачев, секретарем т. Блинов, отсутствовавший в момент его избрания. Точно компетенция р. штаба полковым советом выработана не была, но из того факта, что предписания р. штаба становились обязательными при условии подписи этих постановлений командиром полка, председателем р. штаба и его секретарем, я заключаю, что р. ш. был временным верховным учреждением полка. Предложение это, как и все прочие, исходило от т. Толкачева. В р. штаб приехал затем т. Соколов, которого я считаю идейным большевиком, и опять призывал к подчинению Петергофскому Совету. Между т.т. Толкачевым, Соколовым и Матковым возник горячий спор, причем Толкачев объявил Соколова и Маткова черносотенцами и заявил, что весь

[1]) Далее зачеркнуто: «за».

3 полк — «большевистский». В ответ на это представители 10 роты заявили, что в таком случае 10 рота отделяется от полка, потому что в ней большевиков не имеется. 10 рота выступила главным образом, по словам командира полка, у которого на этот счет имеются точные сведения, для придания выступлению характера организованности и порядка; в виду того, что 10 рота не находилась под моим началом, точно о мотивах ее выступления сказать не могу. Могу засвидетельствовать, что 4 рота, находившаяся в моем командовании, выступила, опасаясь [1]) расстрела из пулеметов; во всяком случае, когда я, пред самым выступлениям, заявил 4 роте, что Петергофский Совет выступать не велит и что распоряжение о выступлении исходит от Толкачева, и спросил, как они поступят, мне ответили: «Что ж, надо пойти, а то нас выгонят силой». Ночью и под утро происходили у нас на плацу митинги, кажется, два. Не помню, когда происходил первый митинг и происходил ли он, но второй митинг происходил часов около 9 утра. На митингах я не участвовал, но знаю, что на них присутствовали члены Петергофского Совета, которые призывали не выступать. Первый митинг, который я видел издали, состоял приблизительно из человек 300—400. Вспоминаю, что ночью, точно не помню когда, кажется, когда расходились с первого митинга, к нам к казармам подъехали на автомобиле два студента; их остановили около плаца. Они потребовали, чтобы полк немедленно выступил в Петроград, потому что на Стрельне поставлены 2 пулеметным полком заставы для того, чтобы не пропустить 3 пех. полк в Петроград. По слухам, 2 пулеметный полк все время сохранял совершенно лойяльное положение. То обстоятельство, что т. Толкачев не получал должного отпора 4 июля со стороны остальных членов р. ш., я объясняю как особым положением момента, общей растерянностью и неизвестностью, с одной стороны, так и всей предыдущей историей отношений внутренних в нашей части и, в частности, в полковом совете, как они складывались с момента революции. В полковом совете часто и много возражали и противодействовали Толкачеву отдельные члены, но их выступления успеха не имели: Толкачев всецело брал верх и на собраниях и в солдатской массе. Думаю, что влияние Толкачева опиралось и объяснялось, главным образом, демагогией, безответственностью тактики и лозунгов и заманчивыми обещаниями, на которые он не скупился. Масса, противная Толкачеву, и даже полковой совет, в котором у Толкачева было много сторонников, были терроризованы Толкачевым. Терроризованность опиралась на бессилие бороться с Толкачевым и реальную силу массы, настроенной анархически, стоявшей за ним. К характеристике Толкачева, как политического деятеля в нашей среде, могу указать на следующие его лозунги: «Не верьте никому, даже Советам Р. и С. Д. и Всероссийскому Съезду», или «Мы, революционные войска, будем

[1]) Далее зачеркнуто: «уг.».

защищать революцию здесь, пусть солдаты в окопах делают свое дело защиты фронта». Посылка маршевых рот всегда встречала оппозицию и противодействие Толкачева, и реальным результатом этого противодействия бывало уменьшение числа отправляемых. Послано нашим полком в общем 10 маршевых рот со времени революции; роты эти комплектовались уравнительно из всех частей полка. Срывать отправку рот, в общем, Толкачеву не удавалось, но последнюю отправку Толкачеву сорвать удалось. Это было после [1]) наступления полков 18 июня, когда на требование штаба Толкачеву удалось добиться отправки вместо пополнения — простой [2]) делегации в 74 дивизию узнать, действительно ли дивизия нуждается в пополнении. Действовал Толкачев в этом направлении через ротные и полковой совет, которые, со своей стороны [3]), принуждены были считаться с настроением, создававшимся всякий раз в казармах. Личность Толкачева вызывала неоднократные нарекания в п. совете, где ему несколько раз выражалось [4]) неодобрение и даже недоверие, по каким случаям — не помню. Сейчас у нас среди офицеров циркулируют слухи о нечистоплотном отношении Толкачева в вопросах денежных; по слухам, Толкачев сейчас увез с собой около 5.000 р. [5]), принадлежащих культурно-просветительному клубу, где он состоял членом [6]) и членом правления его. Говорили и о присвоении частью [7]) Толкачевым и 2.000 р., выданных ему на устройство празднества по поводу 18 июня. Давал ли Толкачев отчет в этих деньгах, я не знаю. Мое личное впечатление, что у Толкачева деньги были, хотя человек он был небогатый, и что тратил он на себя довольно много, как раз после истории с этими 2.000 р. Мы, офицеры, были совершенно бессильны против Толкачева, потому что нам, именно как офицерам, доверия не оказывалось. Контакта между офицерами и солдатами почти не было; мне, например, командиру 1 батальона и члену полкового совета, доверия оказывалось мало. Сейчас, после 3—4 июля, положение в этом смысле начинает улучшаться, и связь крепнет. Причин экономического недовольства, в общем, в полку не было; экономические мотивы и требования были больше придирками, часто неосуществимыми. Экономические суммы требовались солдатами в распределение. Полковой совет два раза по этому вопросу выносил свое постановление с мотивированным отказом. С этим, в общем, помирились, но под давлением солдат пришлось согласиться на выдачу жировых, приварочных, табачных и иных денег едущим в отпуск. Пол. совету удалось свести такую вы-

---

[1]) Слово: «после» написано два раза.
[2]) Слово: «простой» — надписано сверху над зачеркнутым: «телеграмм».
[3]) Далее зачеркнуто: «долж.».
[4]) Далее зачеркнуто: «даже».
[5]) Далее зачеркнуто: «т.».
[6]) Далее зачеркнуто: «в».
[7]) Слово: «частью» надписано над строкой.

дачу, в конце концов, на обещание исхлопотать [1]) выдачу не за все время пребывания все же [2]) в отпуску, а на время продолжительности дороги. На стол тоже поступали жалобы, на мой взгляд, совершенно необоснованные: я сам часто пользовался котлом и утверждаю, что он меня удовлетворял, даже при хорошем столе в офицерском собрании и дома. Вопрос о котле вызвал необходимость образования контрольной хозяйственной комиссии, состоящей из солдат, совершающей закупки продуктов и наблюдающей за кухней. Недовольство выражалось, главным образом, в области обще-политической; Толкачев пользовал в этом смысле и приказы Керенского, и распоряжения Вр. Правительства и позиции Сов. Р. и С. Д. и И. Комитетов в тех случаях, когда они поддерживали Керенского и Вр. Прав. Вопрос [3]) о запрещении отпусков был особенно использован Толкачевым, и опять, под давлением, отпуска, несмотря на подтверждение приказа Керенского, продолжались у нас по постановлению полков. совета. Сейчас, после 4 июля, отпуска прекращены по постановлению исполнит. к-та полка. В полку у нас много полуграмотных и часть совершенно неграмотных солдат; среди них именно агитация Толкачева и пользовалась особенным успехом. Газеты поступали в казармы по несколько экземпляров каждой газеты из культурно-просветит. клуба. Среди газет преобладали: «Правда», «Новая Жизнь» [4]), «Известия». Были и «Дело Народа», «Биржевые» и др. «Известия» часто подвергались беспощадной критике за «буржуазность». Интерес к газетам и книге был не очень велик в общем. Ротные комитеты энергично боролись с нежелательными сторонами солдатской [5]) жизни; особенно с карточной игрой, которая сильно процветала и велась довольно крупно. У нас в полку часты были кражи, против которых боролись и сами солдаты, проведя вора с плакатом о воровстве по казармам. Полкового суда у нас еще нет. Ротные суды пока к своей деятельности не приступали: во всяком случае, в приказах я не читал о решениях ротных судов. Дисциплина очень расшатана; гарнизонная служба велась скверно. Со времени 4 июля все это заметно улучшается. В 1 батальоне за последний месяц караулы стали и продолжают [6]) нестись удовлетворительно. Как в других частях полка — не знаю. Но несомненно, что 4 июля создало сильный и заметный перелом в жизни и настроении полка. Заметны общее смущение и непонимание, как могло случиться то, что случилось. После 4 июля полк. совет остался в прежнем составе. О выступлении могу сказать следующее: решили выступить часов в 10 утра 4 июля. Выстроились для этого на плацу наших казарм. По приказа-

---

[1]) Слова: «обещание исхлопотать» надписаны над строкой.
[2]) Слова: «все же» надписаны над строкой.
[3]) Далее зачеркнуто: «об».
[4]) Далее зачеркнуто: «Быль».
[5]) Далее зачеркнуто: «быта».
[6]) Слова: «и продолжают» надписаны над строкой.

нию командира полка вместе с полком должны были выступить и офицеры. Я был назначен также приказанием и затем получил и словесное распоряжение. Часть офицеров пошла, принужденная к тому силой. Я лично и другие офицеры пойти с полком считали своим долгом для придания выступлению организованности и порядка и для предупреждения возможных эксцессов. Командир полка мне, между прочим, передавал, что Толкачев требовал выхода всех офицеров полка, угрожая, в противном случае, их арестом. Командир ему на это возразил, что этого не будет и что офицеры пойдут при своих частях. Из выступивших самовольно без приказания и без выступления своей части был только прапорщик Баландин, который один из всего офицерского состава был и вооружен карабином. Выступили следующие части полка: сборная рота 1 батальона, 10 рота, 3 роты 4 батальона, учебная команда, нештатная команда, 12 рота, часть 9 роты; все роты выступали только в частях своего состава; — в общем было до 1.400 человек по подсчету. Может быть, были и другие роты — не помню. На вокзале при отправке и посадке в пассажирский поезд пришлось разбиться на 2 эшелона; в первом из эшелонов находился я; Толкачев остался во втором. Прапорщик Баландин [1]) шел с первым эшелоном. Прапорщик Баландин является председателем ротного комитета своей роты и [2]) полуротного ком. 13 ротой, которая не шла и была оставлена для несения караулов. Назначения рот было результатом [3]) частного обсуждения вопроса Толкачевым и командиром полка, который имел в виду уменьшить количество выступающих. Из плакатов помню один: «Вся власть Советам С. и Р. Д.»; впереди несли знамя 3 национального полка, которое при уходе из Петрограда было там оставлено и затем только доставлено нам обратно. — Когда мы доехали до ст. Лигово, прапорщик Эльснер позвонил с вокзала на Балтийский вокзал и говорил с помощником коменданта, который сообщил, что у Балтийского вокзала расположен 1 пулеметный полк и что он собирается возвратиться обратно в Ораниенбаум. Затем [4]) т. Блинов позвонил в Совет Петроградский, дабы попросить кого-либо из членов И. Ком. или Совета приехать на Балт. вокзал к нашему приезду и уговорить вернуться, но не дозвонился. На ст. Петергоф тоже звонили и ставили в известность командира полка о наших действиях. Эшелон, видя задержку, стал требовать продолжения путешествия и стал волноваться. По прибытии на Балт. вокз. мы опять пытались говорить с Петр. Советом, но опять не могли дозвониться. Я занял караулами все выходы вокзала по правую сторону (на улицу) и увел свой [5]) эшелон на товарную станцию в надежде выиграть время, дождаться под-

---

[1]) Слово: «Баландин» надписано над строкой.
[2]) Далее зачеркнуто: «командует» и надписано «полуротного ком.».
[3]) Слово: «результатом» надписано над строкой.
[4]) Далее зачеркнуто: «прапорщик Эльснер» и надписано сверху: «т. Блинов »
[5]) Далее зачеркнуто: «батал.».

хода остальных и, быть может [1]), переговорить с Советом, что опять не удалось. Через час приехал 2-й эшелон, и мы все стройно и с музыкой направились по улицам. Перед этим командир полка дозвонился в Совет и запросил, как быть дальше. И. Ком. спросил, как прибыл полк — с офицерами или без них. Узнав, что при полку находится командный состав его во главе с командиром и что, следовательно, полк может пройти в порядке, Совет предложил направиться к Таврич. дворцу. Командир полка шел сбоку по тротуару. Во главе шли Толкачев, прапорщ. Баландин, 2 студента и барышня. Когда подошли мы к зданию Семеновских казарм, Толкачев вошел туда и доложил потом [2]) нам, что семеновцы предложили нам двигаться дальше и что они, по 50 человек на роту, выйдут вслед за нами. Впоследствии я узнал, что Толкачев всех нас обманул и что ответ семеновцев гласил: «Мы с вами не пойдем и, может быть, выступим против вас». Мы, таким образом, пошли дальше. По Литейному пройти было нельзя ввиду обстрела, и мы двинулись обходным путем по Лиговке мимо Николаевского вокзала. По пути обстрелу не подвергались. К Таврическому дворцу мы подошли часам к 7 вечера. Человек 9, в том числе 4 офицера — полковник, я, прапорщик Буцько [3]) и, кажется, прапорщ. Баландин, Толкачев и др. (среди них Блинова не помню) вошли в Тавр. дворец в Исп. К. Совета. Толкачев настаивал на заявлении наших требований. Нас попросили выбрать 2—3 представителей; в числе [4]) их остались Толкачев, Баландин и Булин; Толкачеву говорить не пришлось: он оставил резолюцию с требованиями, в числе которых помню: «Вся власть в руки Советов Р. и С. Д.» и «Против политики наступления». Комитет заявил, что ответ на требования может последовать не раньше завтрашнего дня. В это время я и некоторые другие офицеры и солдаты обсуждали [5]) в здании дворца вопрос, не вернуться ли обратно. Подошедший Толкачев стал протестовать и настоял в решительной и грубой форме на митинге по вопросу. Обсуждение [6]) было прервано выстрелами пушечными, которые сильно обеспокоили солдат. После второго и 3-го выстрелов и выстрелов ружейных [7]) солдаты в панике стали прятаться и перелезать через забор Таврич. дворца и водокачки. Толкачев скрылся первым и, как говорят, спрятался в водокачке. Спустя несколько времени нам удалось снова собрать полк, и полк согласился отправиться в Петергоф. На Таврической улице уже мы услышали крики: «Стой, стой!» — нас догонял Толкачев, который спросил, куда мы идем. Мы заявили ему — «В Петергоф». Опять

---

[1]) Далее зачеркнуто: «снова».
[2]) Слово: «потом» надписано над строкой.
[3]) «Буцько» надписано над зачеркнутым: «Эльснер».
[4]) Далее зачеркнуто: «которых остался», надписано: «их остались».
[5]) Далее зачеркнуто: «на Дв. улице» и надписано: «в здании дворца».
[6]) Слово: «Обсуждение» надписано над зачеркнутым — «Митинг».
[7]) Слова: «и выстрелов ружейных» надписаны над строкой.

речь Толкачева, и солдаты [1]) стали колебаться — «пришли, чтоб уйти». Толкачев предложил отправиться в Народный дом. Мы возражали, что там ни пищи, ни места для ночлега не получим, что [2]) идет дождь и люди промокли. Но Толкачев оказался сильнее нас и стал снова во главе полка. Я тогда вышел и пошел по тротуару. По дороге зашли в 6-й Саперный, который нам в ночлеге отказал; по дороге же к нам подошел солдат и передал, что 1 пулеметный полк был обстрелян на Литейном, что с Литейного моста палят из пушек. Это изменило настроение полка. Ко мне подошел Марк, приятель и тень [3]) Толкачева, и заявил, что мы идем в Петергоф. Я спросил иронически: «А как же Толкачев?» Марк ответил, что и Толкачев согласен, потому что нет патронов и т. д. Должен заметить, что большинство патронов были другого образца — японские, австрийские, не подходящие к винтовке. Я и сам увидел, что учебная команда и еще рота повернули на вокзал. Шли отделениями в сравнительном порядке. Часть солдат по дороге отделялась и в общем колонна несколько таяла. Возвратились мы в Петергоф поздно вечером: первые выехали в 11 ч. 15 м., а остальные со следующим поездом. В Петергофе сразу направились в казармы. Отдельные солдаты возвращались еще и на другой день. По дороге обратно в вагоне ко мне обращались с вопросами солдаты, зачем же мы выступали? Я отвечал, что и сам задаю тот же вопрос: зачем я выступал — я знаю, а остальные, вероятно, ведомо Толкачеву. С такими же вопросами обращались и к командиру. Толкачев был здесь 5 и 6 июля: я видел его. После этого числа я его не видел уже. По слухам, его видели в Петрограде в субботу 8 числа. Говорят, что он уехал в Финляндию. Видел Толкачева 5 числа в полковом совете, где ему ставились серьезные обвинения в превышении власти и в обманных действиях; Толкачев оправдывался. На заседании был недолго и точно, потому, происходившего не знаю. Во всяком случае происходившее запечатлелось в протоколе п. совета. Знаю, что Толкачев в тот день в совете как-то вывернулся. Добавляю, что делегация в 74 дивизию до сих пор не отправлена. Показание мне прочтено.

Шт.-капитан *Дорофеев*.

Добавляю еще, что с мая месяца к нам в полк было зачислено до 2.000 [4]) бездокументных солдат. Они, главным образом, и поддерживали Толкачева и вносили дезорганизацию в полк. Один из них, т. Булин, сейчас член [5]) ротного комитета и Петроградского Совета. До 1.000 человек из этих солдат были отправлены маршевыми ротами в 74 дивизию 20 и 26 июня; часть из них находится в бегах, и часть

[1]) Далее зачеркнуто: «реш».
[2]) Слово: «что» надписано над строкой.
[3]) Слова: «и тень» надписаны над строкой.
[4]) Далее зачеркнуто: «человек».
[5]) Далее зачеркнуто: «полк».

находится здесь до сих пор. Сколько их в настоящее время — не знаю. В полку много крестьянского элемента; к лозунгу — земля и воля [1]) — относились они особенно нервно. Этим лозунгом [2]) Толкачев, в сильной степени, укреплял свою позицию. Слыхал, что были митинги, на которых выступали матросы Кронштадта. Чем кончилось и кто выступал — точно не знаю. В казармах выступлений посторонних и приезжих, за исключением Войтинского, Орлова, представителя XII армии — фамилии не знаю — и представителей Петергофского Совета — не помню. О рабочем вопросе говорить с солдатами мне не приходилось. Рабочих в полку меньше всего. Ораторы, выступавшие у нас, призывали стоять на платформе Совета и поддерживать его. Бывали случаи, что этим ораторам, — оффициальным [3]) представителям демократии — не давали говорить и срывали после оппозиции [4]) им Толкачева.

Зачеркнутому и [5]) надписанному верить. Показание мне прочитано.

Шт.-капитан *Дорофеев*.

Постановление [6]).

1917 года с 30 июля по 1 августа Особая следственная комиссия, учрежденная согласно постановления Временного Правительства 9 июля с. г., обсудив собранный материал об участии в восстании 3—5 сего июля чинов 3 пехотного запасного полка, нашла следующее:

Со времени приезда в г. Петроград Ленина (эмигранта) в Н.-Петергофе был образован клуб большевиков, во главе которого вместе с другими лицами стали: местный житель Константин Сигизмундович Жарновецкий, подпоручик 3 пехотного запасного полка Петр Васильевич Дашкевич и солдат того же полка Толкачев. Названные лица с апреля месяца с. г. начали призывать солдат 3 пехотного зап. полка к недоверию к Временному Правительству, свержению его и передаче власти Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, немедленному прекращению войны, непосылке на фронт пополнений и братанью с врагом. Действуя таким образом в названном клубе, на митингах и собраниях означенного полка, они породили среди солдат враждебное отношение к Временному Правительству и склонили их к насильственному свержению такового, вследствие чего на полковом митинге 10 сего июня под председательством солдат Егорова и Толкачева состоялась резолюция означенного полка о немедленном устранении от власти Временного Правительства, о передаче власти в руки Совету Раб., Солд. и Крест. Депутатов и поддержании изло-

---

[1]) Слова: «и воля» надписаны над строкой.
[2]) Далее зачеркнуто: «главным образом».
[3]) Слово: «оффициальным» надписано над строкой.
[4]) Далее зачеркнуто: «То».
[5]) Далее зачеркнуто: «что».
[6]) А. О. Р., ф. 349, д. № 6, л. л. 30—32.

женной резолюции силой оружия, а также о вооруженном сопротивлении применению правительством [1]) 129 ст. уг. ул.

Деятельными сотрудниками Толкачева в 3 пех. запасн. полку, призывавшими солдат к совместному с ними [1]) свержению Врем. Правительства, явились прапорщики того же полка Баландин и Дзенис и солдаты: Егоров, Захаров, Иванов, Александров, Булин, Орлов, Полуэктов, Фирсов и другие.

3 июля с. г. в 3 пехотн. запасном полку были получены сведения о выступлении в гор. Петрограде части гарнизона с оружием в руках для свержения Временного Правительства. В виду этого в ночь на 4 июля в здании собрания 3 пех. запасн. полка было созвано собрание разных командных и полкового комитетов под председательством солдата Фирсова. На этом собрании было постановлено: предъявить требование о передаче всей власти Петроград. Совету Раб., Солд. и Крест. Депутатов и о поддержании этого требования силою оружия. Тогда же для руководительства полком для его выступления был составлен революционный штаб, в который вошли солдаты: Булин, Толкачев, Фирсов, Чернявский, Блинов, Гирлоков, [2]) Рождественский, Другов, Молохин, Коваленко, прап. Дзевульский, командиры двух батальонов Дорофеев и Лаврентьев и командир полка Лебедев.

Револ. штабом к утру 4 июля были разосланы в части полка приказы от имени последнего о выступлении 4 того же июля в Петроград, с оружием в руках. На этом же собрании было отдано распоряжение о созыве перед выступлением полка митинга для объявления солдатам причин выступления. После этого митинга солдатам были розданы оружие и патроны, и полк в боевом порядке отправился в Петроград, где присоединился к восставшим войскам, а затем, прийдя к Таврич. дворцу, послал в Исполнит. Комитет делегацию для предъявления последнему требования полка, а затем, когда началась стрельба, вследствие прибытия высланных правительством войск, полк открыл беспорядочную стрельбу. Вследствие возникшей среди солдат паники полк через некоторое время вернулся в гор. Н.-Петергоф.

Принимая во внимание изложенное и данные при допросах свидетелями показания, Особая следственная комиссия находит, что житель г. Н.-Петергофа Константин Жарновецкий и 3 пехотного запасного полка: подпоручик Дашкевич, прапорщики Дзенис и Баландин и солдаты: Толкачев, Егоров, Захаров, Анатолий Иванов, Александров, Булин, Фирсов, Тимченко, Полуэктов и Орлов достаточно изобличаются в том, что в 1917 году в г.г. Н.-Петергофе и Петрограде, заранее согласившись между собою и другими лицами и действуя заведомо сообща с ними, с целью насильственного ниспровержения существующей в России верховной власти Временного Правительства, под-

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Выше (стр. 4) он назван: «Гирсяков».

готовили и организовали в 3 пехотном запасном полку вооруженное выступление такового в г. Петрограде 4 июля 1917 года, совместно с другими частями войск Петроградского гарнизона, и, склонив солдат названного полка к вооруженному выступлению для насильственного ниспровержения Временного Правительства и передачи всей государственной власти Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, приняли вместе с ними участие в таковом и оказали вооруженное сопротивление войскам, высланным Временным Правительством для подавления восстания, причем из названных лиц для [1]), осуществления указанной выше цели:

1) Жарновецкий — неоднократно на митингах и собраниях призывал солдат к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания и 4 июля с. г. шел вместе с восставшим 3 пех. зап. полком (Протопопов, Захари[2]), Блинов, Гаазе, Коликов и Никифоров).

2) Подпор. Дашкевич — неоднократно на митингах и собраниях призывал солдат к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания (Богданов-Воробьев, Птицын, Евсеев, Красовский, Лемкин, Лебедев, Георгиевский).

3) Прап. Дзенис — призывал солдат неоднократно на митингах и собраниях к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания, а 4 июля ночью, разбудив спавших офицеров 15 и 16 рот своего полка, побуждал их итти на митинг, а оттуда с полком в Петроград (Кудлай, Михеев, Коновалов, Лавровский, Кульгос).

4) Прап. Баландин — неоднократно на митингах и собраниях призывал солдат к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания, а 4 июля требовал немедленного выступления полка, с этой целью вошел в качестве члена в революционный штаб полка, руководивший этим выступлением, в г. Петрограде шел впереди полка, вооруженный карабином, призывал гвард. Семеновский полк присоединиться к 3 пех. зап. полку (Георгиевский, Никольский, Дорофеев, Нейман, Гаазе и Трещевский).

5) Солдат Егоров — неоднократно на митингах и собраниях призывал солдат своего полка к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания, руководил этим восстанием 4 июля с. г. в качестве члена революционного штаба и призывал гвардии Семеновский полк присоединиться к 3 пех. зап. полку (Ефимов, Дорофеев, Андреев, Скайст, Розмыслов, Высоцкий и Лийцит).

6) Захаров — неоднократно на митингах и собраниях призывал солдат своего полка к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания, а 4 июля с. г. грозил насилием тем солдатам, которые не примут участия в восстании (Ефимов, Кынин, Скайст, Блинов, Сийг, Марков и Кугин).

---

[1]) «Для» — над строкой.

[2]) Так в подлиннике.

7) Анат. Иванов — неоднократно призывал солдат своего полка к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания (Коваленко, Глебов, Морев, Виноградов и Гаазе).

8) Александров — неоднократно призывал солдат своего полка на митингах и собраниях к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания, воздействовал на несогласных с ним револьвером, а 4 июля с. г. получил от Толкачева особое секретное поручение (Дорофеев, Андреев, Ефимов, Блинов, Чернявский, Юрьев, Кепп, Саломатов и Лебедев).

9) Булин — неоднократно на митингах и собраниях призывал солдат своего полка к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания, а 4 июля в качестве члена революционного штаба полка руководил таковым и в Петрограде шел впереди полка (Дорофеев, Андреев, Георгиевский, Юрьев, Блинов).

10) Фирсов — неоднократно призывал солдат своего полка к свержению Времен. Правительства путем вооруженного восстания, а 4 июля подписал резолюцию о таковом, назначил членов в революционный штаб полка и солдат для связи с другими войсковыми частями и в качестве члена революционного штаба полка руководил восстанием (Дорофеев, Булин, Блинов, Лебедев).

11) Тимченко — неоднократно призывал солдат своего полка к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания (Балагин, Денисевич).

12) Полуэктов — неоднократно призывал солдат своего полка к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания и еще за неделю до 4 июля оповещал солдат о предстоящем восстании, 4 июля требовал выхода караульной команды и в тот же день был послан в качестве делегата в восставший 1 зап. пулеметный полк (Блинов, Федоров и Алябьев).

13) Орлов — неоднократно призывал солдат 9 роты к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания, участвуя в заседании собрания полка, на котором было решено восстать с указанной целью, собирал солдат на митинг для оповещения их о состоявшемся решении (Гратовень).

14) Толкачев — неоднократно на митингах и собраниях призывал солдат 3 пех. зап. полка к свержению Врем. Правительства путем воор. восстания; на митинге 10/VI по его предложению было постановлено требовать устранения от власти Врем. Правит. и о поддержке этого требования силою оружия, на собрании в ночь на 4 июля и утром этого дня призывал к немедленному выступлению с оружием для свержения Врем. Правит., образовал революционный штаб для руководительства полком, в дни его вооруж. сопротивления стал во главе этого штаба в качестве председателя этого штаба, продиктовал и подписал приказы о выступлении полка; перед выступлением полка в Петроград роздал солдатам патроны; при выступлении полка командо-

вал им; по прибытии в Петроград шел во главе полка, отдал распоряжение о заряжении винтовок, призывал гв. Семеновский запасн. полк присоединиться к 3 пех. зап. полку (Крамм, Шубин, Лебедев, Богачев, Дуцман, Кивкуцан, Лелекин, Евдокимов, Лепин, Морозов, Гаазе, Москвин, Филиппов, Блинов, Юрген, Трещевский, Лийцит, Киенский, Стешов, Ефимов).

В описанных деяниях названных: Жарновецкого, Дашкевича, Дзениса, Баландина, Егорова, Захарова, Иванова, Александрова, Булина, Фирсова, Тимченко, Полуэктова, Орлова и Толкачева заключаются признаки преступления, пред. 51 и 100 ст. уг. улож.

В виду изложенного Особая следственная комиссия постановила: привлечь Константина Жарновецкого, подпоручика Дашкевича, и прапорщиков Дзениса и Баландина и солдат: Толкачева, Егорова, Захарова, Иванова, Александрова, Булина, Фирсова, Тимченка, Полуэктова и Орлова в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотрен. 51 и 100 ст. уг. улож.

Председатель комиссии капитан *Архипов.*

VII.

КОМАНДЫ ПРИ ОФИЦЕРСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ШКОЛЕ В Г. ОРАНИЕНБАУМЕ.

Постановление [1]).

1917 года июля 25 дня Особая следственная комиссия, учрежденная на основании постановления Временного Правительства от 9 того же июля, рассмотрев данные, добытые произведенным расследованием по делу об участии в вооруженном выступлении 3—4 июля команд при офицерской стрелковой школе в гор. Ораниенбауме, находит следующее:

3 июля 1917 года в гор. Ораниенбауме, около 3—4 часов пополудни, в помещении офицерской стрелковой школы, происходило обычное заседание местного Совета Солдатских Депутатов, на котором, между прочим, должен был обсуждаться возбужденный еще ранее некоторыми из членов Совета вопрос о неблаговидных действиях подпоручика Тарасова-Родионова по поводу посещения им совместно с кронштадтской делегацией министерства юстиции и прокурора петроградской судебной палаты по делу об освобождении анархистов, арестованных на даче Дурново, причем, во время указанного посещения, Тарасов-Родионов, ложно назвав себя представителем ораниенбаумского гарнизона, чего в действительности не было, предъявил от его имени требование о немедленном освобождении анархистов, угрожая в противном случае прибытием в Петроград названного гарнизона, который силою освободит арестованных. Во время заседания одним из членов Совета были получены сведения, что какие-то приезжие из Петрограда вооруженные солдаты ходят по городу,

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 36, л. л. 9—12.

задерживают на улицах солдат местного гарнизона, насильственно удаляют их из чайных и трактиров и загоняют в казармы, указывая им на необходимость приготовиться к вооруженному выступлению в Петроград. Осведомившись об этом, Совет немедленно выделил из своей среды комиссию для проверки полученных сведений, а также поручил избранным в том же заседании делегатам отправиться в Петроград и выяснить в Исполнительном Комитете Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, действительно ли требуется выступление ораниенбаумского гарнизона и чем таковое было вызвано. Приезжих вооруженных солдат комиссия не обнаружила, но вместе с тем выяснила, что в расквартированный в городе Ораниенбауме 3 баталион 1 пулеметного полка приезжали из Петрограда делегаты этого полка предупредить товарищей о предстоящем выступлении, так как, по их словам, в Петрограде все полки уже выступили с протестом против 10 министров-капиталистов и за передачу власти Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, причем по поводу приезда делегатов на плацу тогда же состоялся митинг, на котором велась агитация за выступление в Петроград. Ввиду таких сведений, некоторые члены комиссии выехали в Петроград, где, узнав в Таврическом дворце о том, что Совет Солдатских и Рабочих Депутатов и вообще ни одна из социалистических партий выступления не требуют, сообщили об этом около 10 часов вечера телефонограммой в Ораниенбаум с просьбой сохранить спокойствие и поддерживать порядок в гарнизоне. Как выяснилось, в тот же вечер 3 июля выехали в Петроград некоторые из членов ораниенбаумского Совета Солдатских Депутатов от Кольтовских команд, образовавшие в Совете так называемый блок интернационалистов, подпоручик Тарасов-Родионов и солдаты Бровкин, Новиков и еще какой-то солдат из 3 баталиона 1 пулеметного полка, по фамилии Гаврилов, личность коего осталась пока не выясненной. Лица эти, по прибытии в Петроград, по приглашению подпоручика Тарасова-Родионова, отправились в дом Кшесинской, где, повидимому, приняли участие в заседании Военной Организации при Центральном Комитет Р. С.-Д. Р. П. или же, во всяком случае, ожидали там результатов этого заседания. На этом заседании было решено поддержать выступление в Петрограде и принять в нем участие. Тогда же один из участвовавших в заседании членов Военной Организации говорил Тарасову-Родионову, что выступление принимает стихийные размеры и что хотя таковое и не было ими вызвано, но идет под их лозунгами и поэтому «надо вмешаться». Когда Тарасов-Родионов, Бровкин, Новиков и упоминаемый выше Гаврилов выходили из дома Кшесинской, то видели подошедший в это время к дому 176 или 180 пехотный полк, к которому какой-то оратор обратился с балкона со словами: «Идите стройными рядами, покажите свою силу». Пройдя Марсово поле, названные четыре лица взяли у проезжавших мимо них неизвестных солдат автомобиль, который,

как потом выяснилось, принадлежал министру Церетелли, и на этом автомобиле приехали обратно в Ораниенбаум. По дороге они встречали воинские части, идущие с плакатами: «Долой Временное Правительство», «Долой 10 министров-капиталистов». Как выяснилось, образовавшаяся еще ранее до событий 3—4 июля при местном Совете Солдатских Депутатов, путем переизбрания в Кольтовских командах членов Совета, так называемая группа или блок интернационалистов, во главе которого находились организаторы и руководители этого блока — Тарасов-Родионов, солдаты Бровкин и Алексеев и поручик Жендзян, поставила целью своей деятельности, на-ряду с пропагандой в командах большевистских и даже анархистских идей, имевших наибольший успех в пулеметных командах Кольта, также и свержение Временного Правительства и передачу власти Совету Рабочих и Солдатских Депутатов. Для осуществления этой цели названной группой в ночь на 4 июля, при посредстве вооруженной силы, была захвачена власть в гор. Ораниенбауме, поручик Жендзян объявил себя комендантом города, назначив своими заместителями Тарасова-Родионова и Бровкина, была захвачена телефонная станция и другие учреждения, были арестованы на некоторое время члены Исполнительного Комитета Солдатских Депутатов офицерской стрелковой школы, попутно велась агитация за необходимость вооруженного выступления в Петроград; под их давлением и настоянию было созвано экстренное заседание Совета, на которое были допущены вооруженные и притом посторонние люди, причем на заседании присутствовала лишь часть членов Совета (многих представителей команд не было), мандаты не проверялись. На этом заседании Тарасов-Родионов заявил, что он был в Военной Организации Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П., виделся там с членом этой организации Сталиным, который ему сообщил, что Военная Организация постановила присоединиться к движению, что в Петрограде восстали некоторые части войск: часть 1 пулеметного полка, Егерский полк, 1 и 180 пехотные запасные полки, а также много рабочих, есть и автомобили, вооруженные пулеметами. При этом Тарасов-Родионов настаивал на немедленном выступлении. По обсуждении этого вопроса и прений Совет Солдатских Депутатов ораниенбаумского гарнизона постановил: «выступить и поддержать мирную демонстрацию, для чего войскам к 8 часам утра собраться на вокзале во главе с их начальствующими лицами, причем во время шествия не должно быть ни одного выстрела, стреляющие будут арестованы. Решено оставить караул в достаточном количестве для охраны города и имущества. Комендантом города временно избрать прапорщика Ярцева, которому поручить выставлять и распределять караул наместо адъютанта школы. Вопрос о движении поездов решили: первый поезд 6-часовой отпустить, а остальные задержать. О решении Совета немедленно сообщить в Кронштадт и Петергоф».

В заседании Совета от 8 июля указанное собрание Совета в ночь на 4 июля было признано незаконным и постановления его недействительными.

Ввиду изложенного и на основании свидетельских показаний и приложенных к делу документов Особая следственная комиссия находит, что подпоручик Тарасов-Родионов, поручик Жендзян и солдаты Бровкин, Алексеев, Новиков, Белов, Молоканов, Миронов и Беляев в достаточной степени изобличаются в том, что 3—4 июля в городе Ораниенбауме и в Петрограде, по предварительному между собою и другими лицами соглашению и действуя заведомо сообща, приняли участие в вооруженном выступлении с целью свержения Временного Правительства и передачи власти Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, причем для достижения указанной цели:

1) Подпоручик Тарасов-Родионов, будучи членом Военной Организации при Центральном Комитете Р. С.-Д. Р. П. и действуя от ее имени, организовал еще до вооруженного выступления при Совете Солдатских Депутатов ораниенбаумского гарнизона так называемый блок интернационалистов, главной целью которого было свержение Временного Правительства и передача власти Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, руководил этим блоком, поддерживал связь с Военной Организацией, заведомо для него подготовлявшей это выступление; 3 июля поздно вечером, вернувшись в Ораниенбаум с заседания Военной Организации, на котором было решено выступить, настаивал на необходимости и неотложности выступления, причем по поводу предъявленного ему воззвания Исполнительного Комитета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов о недопустимости вооруженных выступлений говорил, что «это, быть может, провокация», участвовал в составлении приказа по гарнизону о выступлении и отдал распоряжение о немедленной передаче этого приказа по командам для исполнения, арестовал членов Исполнительного Комитета Совета Солдатских Депутатов при офицерской стрелковой школе, для чего ввел в помещение Совета вооруженных солдат, не допускал к телефону некоторых из членов Исполнительного Комитета для переговоров, говорил о необходимости захвата власти в свои руки, о состоявшемся решении Военной Организации выступить в Петрограде всем частям, о том, что «в Петрограде наших бьют», отдал приказ 15 пул. команде занять пост у канцелярии Кольта с 4 пулеметами, что и было исполнено и вообще руководил подготовкой выступления (показания: Воронов, Константин Степанов, Пигаревич, Романовский, Бургумов, Ярцев, Рыбкин, Батманов, Онискевич, Новиков, Локтев, Головизнин, Колыбин, Баскирев, Богатов, Кутин, Беляев и др., протокол заседания членов с.-д. ораниенбаумского гарнизона, приказ о выступлении).

2) Поручик Жендзян — говорил на собрании в ночь на 4 июля за вооруженное выступление в помощь восставшим в Петрограде вой-

скам, самовольно объявил себя комендантом города, составил и издал приказ о выступлении 4 июля, отдал распоряжение об объявлении такового по командам, ввел вооруженный караул в канцелярию Исполнительного Комитета Совета Солдатских Депутатов, тогда же арестовал членов этого Комитета и на вопрос одного из них: понимает ли он, что делает, ответил: «Прекрасно понимаю, мною все предусмотрено», требовал выдачи ему печати означенного Комитета, заявил, что арест членов местного Исполнительного Комитета произведен по приказанию Центрального Комитета из дворца Кшесинской, что он, Жендзян, ожидает оттуда распоряжений по телефону относительно выступления в Петроград, причем на замечание, что следовало бы подождать получения сведений от Исполнительного Комитета Советов Солдатских и Рабочих Депутатов, ответил: «Нет, у меня еще есть обязательство, — надо узнать, как Кронштадт», был сотрудником Тарасова-Родионова по организации и подготовке выступления, был в числе организаторов при Совете Солдатских Депутатов блока интернационалистов, стремившегося к свержению Временного Правительства (показания: Воронов, Дубровин, Колыбин, Константин Степанов, Зязин, Пигаревич, Романовский, Батманов, Островский, Рыбкин, Онискевич и др.).

3) Бровкин, действуя от имени Военной Организации при Центральном Комитете С.-Д. Р. П., руководил образовавшимся при Совете Солдатских Депутатов блоком интернационалистов, деятельность которого была направлена к свержению Временного Правительства и передаче власти Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, принял 3 июля участие в заседании Военной Организации в доме Кшесинской, в каковом заседании было решено выступить с оружием на улицы Петрограда; вернувшись с этого заседания на захваченном автомобиле министра Церетелли в Ораниенбаум, сообщил о состоявшемся решении Военной Организации, руководил подготовкой вооруженного выступления, отдавал распоряжения, издавал приказы, говорил, что медлить нельзя, нужно выступить, для чего необходимо захватить предварительно власть в свои руки, арестовать членов местного Исполнительного Комитета Солдатских Депутатов, не допускал к телефону дежурного писаря, приказал приготовить обед на 4 июля к 6 часам утра, указывая на то, что «необходимо спешить, так как наших товарищей бьют» (показания: Бурумов [1]), Рыбкин, Батманов, Головизнин, Колыбин, Кутин, Корнеев, Иван Котецкий, Дубровин, Константин Степанов).

4) Алексеев — агитировал на заседании совета в ночь на 4 июля за выступление в Петроград, прервал речь прапорщика Рыбкина, говорившего против выступления и, в связи с этим, предложил выразитьнедоверие председателю за то, что он позволяет высказываться против выступления, указывал на то, что в его распоряжении имеется «какая-то особая дружина», говорил о необходимости ареста всех офицеров, состоя-

[1]) Выше (стр. 23) он назван «Бургумов».

щих в командах, привел вооруженных солдат для ареста членов Исполнительного Комитета, призывал к выступлению для поддержки восставших войск, участвовал в блоке интернационалистов, заведомо для него стремившихся к свержению Временного Правительства, и был деятельным сотрудником Тарасова-Родионова, Бровкина и Жендзяна по подготовке вооруженного выступления в Петроград (показания: Баулин, Ярцев, Онискевич Дубровин, Колыбин, Кутин, Корнеев, Ильчинко).

5) Белов — агитировал за выступление, говорил солдатам, что не нужно слушать офицеров, препятствующих выступлению, чем способствовал выступлению двух команд, лично повел 10 команду с 4 пулеметами, патронами и 15 винтовками (показания: Зязин, Харчев, Серебряков).

6) Молоканов — призывал к выступлению, увлек за собою нескольких солдат, уговаривал начальника стрелковой команды присоединиться к выступавшим и, когда тот отказался, предложил выбрать другого начальника, вернулся из Петрограда лишь 5 июля (показания: Яковлев, Оберюхтин и собств. показание).

7) Миронов — призывал выступить и не слушать офицеров, говоривших против выступления (показания: Оберюхтин).

8) Новиков — вместе с Тарасовым-Родионовым и Бровкиным посетил 3 июля Военную Организацию в доме Кшесинской, где узнал о состоявшемся решении Организации принять участие в выступлении и поддержать военную демонстрацию, и затем 4 июля вместе с другими выступил с винтовкой в Петроград (показания: Головизнин и собственное показание).

9) Беляев — состоял в группе интернационалистов, стоявших за свержение Временного Правительства и передачу власти Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, агитировал в ночь на 3 июля за выступление, настаивал на аресте членов Исполнительного Комитета и угрожал прапорщику Рыбкину, говорившему против выступления (показания свидетеля Корнеева и собственное показание).

Описанные преступные деяния предусмотрены 51 и 100 ст. угол. улож., почему и руков. 396 ст. у. у. с.

Следственная комиссия постановила:

Названных: Тарасова-Родионова, Жендзяна, Алексеева, Бровкина, Белова, Молоканова, Миронова, Новикова и Беляева привлечь в качестве обвиняемых, предъявив им вышеуказанные обвинения.

За [1]) председателя *Наказный*.

Члены: вольноопределяющ. *Пульхеров*.

Настоящая копия препровождается господину прокурору Петроградского окружного суда.

За председателя Особой следственной комиссии *Наказный*.

1 августа 1917 г. № 35.

---

[1]) Зачеркнуто: «Товарищ», надписано «за».

VIII.

ГВ. ГРЕНАДЕРСКИЙ ПОЛК.

(Запасный батальон.)

Постановление [1]).

1917 года июля 23 дня, в гор. Петрограде комиссия по расследованию действий запасного батальона гвардии Гренадерского полка, в период времени с 3 по 5 июля того же года, рассмотрев собранные расследованием данные, нашла следующее:

Первое время после Февральских дней настроение и поведение чинов запасного батальона гв. Гренадерского полка не внушали никаких сомнений в полной преданности Верховной власти. Но со дня приезда в Петроград эмигрантов во главе с Лениным в батальоне стали появляться и усиливаться брожение и неудовольствие распоряжениями правительства.

Сильно способствовала этому близость дворца Кшесинской, где поселился Ленин. Сторонники последнего часто сами появлялись на митингах и собраниях батальона — как, например, Зиновьев, Коллонтай, Каменев, прапорщики Крыленко и Дашкевич, Рошаль и др., — где старались восстановить солдат против Временного Правительства, а кроме того бросали в солдатскую массу семена недоверия из самого дворца Кшесинской, мимо которого гренадерам необходимо было проходить по дороге в город.

Кроме агитации обитателей дворца Кшесинской, на настроение солдат запасного батальона очень влияли постоянно проходившие мимо казарм рабочие выборгского фабричного района, беседовавшие с солдатами на политические темы.

Усиленную агитацию против правительства вел также находившийся в действующей армии поручик гвардии Гренадерского полка Дзевалтовский-Гинтовт, приезжавший иногда сам в Петроград, а чаще присылавший из армии своих агентов, выступавших на митингах в запасном батальоне.

Особенно тревожным настроение солдат запасного батальона стало в конце июня месяца, когда в батальоне были получены сведения о расформировании на фронте Гренадерского полка за отказ итти в наступление.

Приезжавшие с фронта солдаты рассказывали в запасном батальоне невероятные ужасы про те меры, которые будто бы были приняты начальством против гренадер.

Несмотря на описанную агитацию, все же на состоявшемся 29 июня собрании батальонного, ротных и командных комитетов

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 30, л. л. 22—24.

запасного батальона была принята резолюция о готовности поддержать наступление действующей армии.

Через день после этого, 1 июля, на общем собрании в манеже запасного батальона группа «большевиков», последователей учения Ленина, пользуясь всевозможными приемами вплоть до физического воздействия и допустив к голосованию массу ворвавшихся в манеж солдат других частей, матросов и посторонней публики, провела к концу митинга резолюцию резко противоправительственного содержания, предложенную прапорщиком Крыленко.

Следующий день, 2 июля, и утро 3 июля прошли спокойно.

Но 3 июля около 3 часов дня в казармы батальона прибыло несколько солдат 1 пулеметного полка с призывом принять вечером участие в вооруженном выступлении петроградского гарнизона против Временного Правительства.

Так как никаких письменных мандатов у явившихся делегатов не было, то гренадеры призыву пулеметчиков не придали никакого значения.

Однако около 7 часов вечера во двор казарм въехало несколько вооруженных пулеметами автомобилей с солдатами, матросами и рабочими, призывавшими к выходу из казарм с оружием. Среди гренадер начались волнения. Часть бросилась за винтовками, часть уговаривала не выходить.

Но в этот момент к казармам подошел 1 пулеметный полк, и около 1.500—2.000 гренадер, взяв ружья, патроны и плакаты с надписями «Долой 10 министров-капиталистов», «Вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов», — последовали за названным полком.

Временно командующий батальоном полковник Неслуховский, видя крайне возбужденное состояние солдат, решил не оставлять солдат в таком состоянии без офицеров и отдал распоряжение, чтобы офицеры шли вместе с солдатами.

До Марсова поля гренадеры шли следом за 1 пулеметным полком. Но у казарм Павловского полка гренадеры остановились с целью предложить солдатам запасного батальона названного полка присоединиться к ним. Когда последние присоединились, гренадеры пошли к Преображенскому, Кексгольмскому запасным батальонам и к матросам 2 Балтийского флотского экипажа, но все названные воинские части отказались выступить. Тогда было решено итти по Офицерской и Морской улицам или к Таврическому дворцу или домой, но на Вознесенском проспекте гренадеры встретили 3 Гвардейский стрелковый полк, который последовал за ними.

После этого, заметив, что настроение солдат стало спокойнее, что часть солдат ушла домой, полковник Неслуховский стал уговаривать солдат итти обратно в казармы.

Но на углу Невского проспекта и Морской улицы дорогу пересек 180 пех. запасный полк, и шедшие впереди гренадеры, вместо того

чтобы свернуть под арку на Дворцовую площадь, — пошли за названным полком по Невскому проспекту, по направлению к Николаевскому вокзалу.

Около Садовой улицы впереди гренадер неожиданно открылась беспорядочная ружейная и пулеметная стрельба. Гренадеры частью разбежались, а частью начали стрелять в разные стороны, после чего группами возвратились к себе в казармы. При стрельбе из числа гренадер было легко ранено 4 солдата.

На следующее утро 4 июля на собравшемся в запасном батальоне Гренадерского полка общем собрании гренадеры поняли всю ошибочность своего поступка и решили больше не выступать без требования Исполнительного Комитета Солдатских и Рабочих Депутатов.

Вскоре в казармы стали один за другим приезжать вооруженные пулеметами автомобили с матросами, рабочими и солдатами других полков, которые открыто призывали гренадер к вооруженному восстанию. Гренадеры колебались.

Но около 2 часов дня явились из дворца Кшесинской агитаторы с воззваниями Военной Организации о немедленном вооруженном выступлении. В 7 часов вечера подошел запасной батальон гвардии Московского полка и предложил гренадерам следовать за ними.

Под влиянием уговоров и угроз, около 600—700 солдат гренадерского батальона присоединились к запасному батальону Московского полка и, взяв винтовки и патроны, вышли на улицу.

Так как полковник Неслуховский в тот день получил телеграмму—предписание командующего Петроградским военным округом генерала Половцева не оставлять солдат одних без офицеров, в случае если их не удастся удержать от выступления, то полковник Неслуховский приказал офицерам следовать вместе с солдатами.

Пройдя через Троицкий мост, полковник Неслуховский велел итти к Таврическому дворцу, откуда гренадеры хотели получить надлежащее распоряжение. Однако в Таврическом дворце никто никаких распоряжений не отдал, и, подождав немного, гренадеры начали расходиться в свои казармы.

На следующий день, 5 июля, в казармах гренадерского батальона был Рошаль с матросами, звал гренадер поддержать кронштадтцев, однако его призывы успеха не имели, и гренадеры больше в вооруженном выступлении не участвовали.

Переходя к разрешению вопроса о виновности отдельных чинов батальона гвардии Гренадерского полка в подготовке и организации описанных вооруженных выступлений, комиссия находит, что:

Прапорщик Ган, командир 4 роты, не скрывая своей принадлежности к помещающейся во дворце Кшесинской Военной Организации, неоднократно и систематически, еще до событий 3 — 4 июля, призывал солдат к открытому выступлению для отнятия власти у Временного Правительства. 4 же июля после прибытия в казармы Гренадерского

полка вышеуказанных делегатов от Военной Организации отправился в помещение 4 роты и отдал распоряжение о принятии участия в вооруженном выступлении, что Ган все время агитировал среди солдат против наступления, порицал деятельность военного министра Керенского и, пользуясь большим влиянием в 4 роте, много способствовал ее разложению, чем эта рота ярко выделялась среди батальона.

Гренадер 4 роты Кизима, [1]) состоя членом той же Военной Организации и постоянно поддерживая связь с дворцом Кшесинской, неоднократно и в частности 3, 4 и 5 июля открыто призывал солдат к вооруженному выступлению для свержения Временного Правительства и передачи власти Совету Рабочих и Солдатских Депутатов.

Вольноопределяющийся Мехоношин, состоя членом той же Военной Организации и сотрудником издававшейся во дворце Кшесинской газеты «Солдатская Правда», неоднократно призывал гренадер к вооруженному выступлению против Временного Правительства и наконец:

Гренадеры: Балашов, Щукин, Шелехов [2]) и Сапелкин неоднократно, и в частности 3, 4 и 5 июля, открыто призывали солдат запасного батальона гвардии Гренадерского полка к вооруженному выступлению против Временного Правительства.

На основании изложенного: прапорщика Ган, унтер-офицера Тимофея Кизима, ефрейтора Михаила Балашова и рядовых Павла Шелехова, Егора Щукина и Тараса Сапелкина [3]) и вольноопределяющегося Мехоношина [4]) следственная комиссия постановила: привлечь к следствию в качестве обвиняемых в том, что в 1917 году в гор. Петрограде, действуя заведомо сообща по уговору с другими лицами, с целью насильственного ниспровержения существующей верховной власти, подготовили и организовали в запасном батальоне гвардии Гренадерского полка вооруженные выступления 3 и 4 июля 1917 года на улицы города солдат названного батальона совместно с другими воинскими частями для устранения некоторых членов Временного Правительства и передачи всей власти Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, сопровождавшиеся стрельбою на улицах, рядом убийств и насилий, т.-е. в преступлении, предусмотренном 51 и 100 ст. уг. ул.

Подписи. С подлинным верно:

Председатель комиссии подполковник *Люзин*.
Члены: полковник *Ржевуский*.
Товарищ прокурора *Бари*.

---

[1]) Выше («Красный Архив», т. XXIII, стр. 11) он назван «Казим».

[2]) Выше (тамже) он назван: «Шелестов».

[3]) Надписано над строкой: «и вольноопределяющегося Мехоношина».

[4]) Зачеркнуто: «обвиняются в том, что в 1917 году» и надписано: «следственная комиссия».

IX.

ЗАПАСНЫЙ БРОНЕВОЙ АВТОМОБИЛЬНЫЙ ДИВИЗИОН.
(Команда мастерских).

Удостоверение [1]).

Выдано сие тов. Якубовичу в том, что он уполномочен Военной Организацией обратиться с тов. просьбой к комитету мастерск. броневого дивизиона о присылке броневых машин для охраны Военной Организации от возможных нападений со стороны контр-револ. сил.

За председателя *Ворошилов.*
Секретарь *Н. Подвойский.*

Протокол [2]).

1917 г. августа 8 дня член Особой следственной комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г., подполковник Люзин допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд.

Я, нижеподписавшийся, подполковник запасного броневого автомобильного дивизиона Николай Иванович Задарин, 33 лет, православный, под судом и следствием не состою, занимаю должность помощника командира дивизиона по строевой и технической части.

В запасном дивизионе нахожусь с июля 1916 г. С командами дивизиона знаком хорошо; в частности с мастерскими и гаражем тоже.

В начале революции как мастерские, так и гараж работали отлично во всех отношениях, и затем я в конце марта уехал в отпуск и, вернувшись в 20-х числах апреля, застал другую картину: работа пала, настроение стало совершенно чуждым тому, что было раньше. Как оказалось из расспросов окружающих, что в этом винсват Ленин, число поклонников которого было порядочное. Особенно отличались из них: это Елин и Калашников. На заседаниях [3]) дивизионного комитета Калашников всегда требовал подчинения желаниям «массы» и говорил: «Если масса выступает, то мы должны ей подчиниться». Приходилось с почитателями Ленина вести борьбу не только устно, но и письменно — в газетах. Небольшой кучкой, в числе около 100 чел., в мастерских выносились постановления, идущие не только вразрез постановлений дивизионного комитета, но и распоряжению Вр. Правительства и С. С. и Р. Д. Это клало на наш

---

[1]) А. О. Р., ф. 349, л. № 17, л. 4. Документ написан на бланке со штампом: «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Военная Организация при Петербургском Комитете. Б. Дворянская ул., д. № 2. Телеф. 70-84. 4 июля 1917 г. № 217.»

[2]) А. О. Р., ф. 349, д. № 17, л. л. 39 — 41.

[3]) «Заседаниях» — над строкой.

дивизион пятно, которое приходилось смывать постановлениями дивизионного комитета в печати. Никогда нельзя было быть спокойным за мастерские. Для того, чтобы можно было парировать всякие эксцессы, у нас было создано бюро печати, где следили за выступлением т.т. из мастерских и немедленно отвечали статьей в газетах. С каждым днем положение обострялось; наконец, события 3—5 июля проявили на свет «их» деятельность.

3 июля утром было получено извещение из отдела нарядов при штабе округа приготовить на всякий случай броневые машины. Носились по городу разные слухи, и все это заставило собраться дивизионного комитета [sic!] в неурочное время — в 2 часа дня.

Дивизионн. комитет, как всегда, вынес одну резолюцию: полное подчинение [1]) приказаниям Исп. Ком. С. Р. и С. Д. Для того, чтобы контролировать за правильным выходом броневых машин из Михайловского манежа члены комитета были распределены частью в манеже, а частью в мастерских, куда еще были приданы члены исп. комит. броневого съезда. Время сбора в 6—8 ч. веч. Около 7—8 ч. веч. в манеж приехали на автомобилях с пулеметами пулеметчики, которые встали в воротах манежа и взошли внутрь и сказали, что они нам не позволят выпустить брон. машины. К этому же времени приехали в манеж член Исп. Комит. С. Р. и С. Д. Гоц с Богдановым и стали просить у нас 2 машины для охраны Совета. В канцелярии манежа было устроено «маленькое заседание» Комит., и было постановлено выслать две машины в Думу. Когда же пошли к машинам, то пулеметчики сказали, что они к машинам не допустят. Гоц стал уговаривать их, приказывать именем Совета — все это было пустым звуком. Наконец, Гоц уехал в Комитет с подпол. Чемодановым (председ. нашего комитета). Здесь же в манеже стали собираться члены ротного комитета гаража, пьяные, и стали говорить, что они машин не дадут никому. Около них было не более 20—30 челов. из команды гаража. Здесь же вертелись Елин и Летин. Вся эта компания вела себя крайне вызывающе и говорила, что в их заседании не место офицерам и посторонним лицам, т.-е. членам дивизионного комитета.

В это время в манеж въехала броневая машина из школы шоферов, а к манежу подъехали казаки. Появление это сбило спесь с этих господ, и они стали сговорчивее. В это время было около 12 час. ночи. Тут приехали Чемоданов, Гоц и еще кто-то из членов Исп. Комит. Тогда общими силами напали на эту публику, и 2 машины вышли. Командир дивизиона был в это время в Совете. Около 2 час. ночи он пришел в манеж и сказал лишь, что ему звонил по телефону поручик Дегтерев и сказал, что из мастерских вышла одна броневая машина в Военную Организацию при доме Кшесинской и что только ее, т.-е. Организацию (Ц. К.), они, мастерские, и будут слушать.

---

[1]) Зачеркнуто: «исполнен».

4 июля в 1 — 2 [час.?] снова был собран дивизионный комитет, на который были приглашены члены комит. брон. съезда и мастерских броневого отдела. Было постановлено, что броневой дивизион и броневой отдел отдадут все свои силы в распоряжение Совета и Вр. Правительства, если они возьмутся за ликвидирование мятежа и анархии, но ни в каком случае не демонстрации. Для этого были выбраны: я, Мохов, Коротков, Гикляев, и мы поехали в Совет. Там мы сказали Войтинскому, Гоцу, Бинасику и Сомову, что мы сейчас пришлем все свои 11 броневых машин, но с вышесказанным условием. Наше появление внесло бодрое настроение и [1]) указанных лиц, и они нам сказали, что они согласны с этим. Тогда мы попросили Войтинского поехать в броневой отдел, а сами дали знать по телефону о высылке наших 6 машин из Михайловского манежа. Через $^1/_2$—1 ч. прибыли 5 машин бр. отд. и вскоре после них и 6 наших. Таким образом с 2 находящимися с 3 июля у нас к 8 час. веч. находилось уже 13 брон. маш. Наше появление в Совете послужило толчком для тех частей, которые еще не решались выступить по приказаниям Исп. Комитета. В то время, когда я ехал в Думу (т.-е. около 3 ч. дня), мне стало известно, что из мастерских вышло 4 маш. в дом Кшесинской.

В Думе был соорганизован, в 42 комнате, военный совет, и было решено послать в штаб округа 3 брон. маш., с которыми я и поехал туда с Скобелевым.

Ночь провел на 5-е в штабе округа.

5-го видел, как мимо штаба со стороны Мильонной ул. выскочила броневая машина (я считаю безусловно, что она была из числа 4, находящихся в д. Кшес., так как не имела названия и за ней ехал на сером автомоб. Елин). По машинам был открыт огонь юнкерами и Георг. батал., и был ранен шофер, но машины ушли под арку на Морскую.

Дивиз. комит. я был назначен в комиссию по рассмотрению деятельности мастерских. Нами был просмотрен весь список, и был распределен на три категории весь состав: 1) не принимавших участия, 2) не пригодных оставаться в мастерских и 3) принимавших участие в выходе на сторону Военн. Организац. г.г. Ленина и Ком. Последних оказалось 15 чел.

После удаления этих господ из мастерских они переродились. Солдаты стали приветливее, веселее и добрее. Сами говорили, что вздохнули полной грудью.

Я считаю, что эта кучка в 15 человек терроризовала всех. Слабые духом шли или по указке или не принимали никакого участия, т.-е. относились совершенно безразлично.

Подполковник *Задарин*.
Подполковник *Люзин*.

Г. Петроград, 8 августа 1917 г.

---

[1]) Ошибочно: «и» вместо «на».

Протокол [1]).

1917 года августа 8 дня, член Особой комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г., тов. прок. Бари допрашивал нижепоименованного, в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд.

Я, Михаил Дмитриевич Гаврилов, рядовой школы шоферов запасного броневого автомобильного дивизиона, уроженец г. Борисоглебска Тамбовской губ., 38 лет, православный, грамотный, не судившийся, показываю:

В запасном броневом автомобильном дивизионе течение «Ленизма» [2]) определилось с момента приезда Ленина в Россию (между прочим, для встречи последнего из ремонтных мастерских была выслана к вокзалу броневая машина).

Это течение проложило себе путь только в двух командах дивизиона — в ремонтных мастерских главным образом и в незначительной степени в команде гаража Михайловского манежа. Ремонтные мастерские, с момента приезда Ленина, усвоили особую тактику — не считаться с дивизионом, как целою политическою [2]) единицею и жить своею особою жизнью. Дивизион, в лице дивизионного комитета, смотрел на команду мастерских как на весьма беспокойную часть, которая во всякое время может пойти вразрез с общим дивизионным направлением. Так и произошло во время событий 3—5 июля с. года. Несмотря на неоднократные резолюции как дивизионного комитета, так и собраний команд дивизиона, что зап. броневой автом. дивизион, отдавая свои силы и технические средства в распоряжение Совета Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов, беспрекословно подчиняется Совету и без его согласия ни в каких демонстрациях участия не примет, ремонтные мастерские все-таки приняли участие в вооруженной демонстрации, вынеся на собрании (состоявшемся 4 июля утром) резолюцию о выпуске машин 80 голосами из 100—120 собравшихся, при общем составе мастерских в 750—800 человек. Броневые машины в количестве четырех вышли к дворцу Кшесинской, где и вошли в контакт с Центральным К-том Военной Организации [2]). Ненормальная жизнь в мастерских, где небольшая кучка людей терроризовала весь состав их, привела к тому, что командный состав мастерских сложил с себя полномочия по управлению мастерскими и пред дивизионным комитетом встал вопрос о пересмотре списка команды мастерских и устранения из нее нежелательных элементов. Для указанной цели была избрана комиссия из пяти лиц: подполковника Задарина, штабс-кап. Келлера, солдат — Жмудского, Ершова и Гаврилова, которая и приступила к работе 8 июля с. года.

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 17, л. л. 42—44.
[2]) Так в подлиннике.
[3]) Наоборот — Военная Организация при ЦК.

Комиссией совместно с командным составом и выборными по мастерским от цехов удалены из состава команды пятнадцать человек с передачею их в распоряжение военных властей для производства над ними следствия. Из них: 1) Пантелеев Михаил — участник выступления; заседал во дворце Кшесинской в комитете Военной Организации. 2) Калашников Алексей — во всех своих выступлениях шел против Исполнительного Комитета Совета Солдатских и Рабоч. Депутатов. 3) Летин Николай принимал участие в выступлении, агитируя среди пулеметчиков 1 запасного пулеметного полка. 4) Ерофеев Петр — участник выступления. 5) Елин Георгий — главный инициатор вооруженной демонстрации; во время восстания заседал во дворце Кшесинской. 6) Евсеев Михаил — участник выступления; выезжал на броневике к дому Кшесинской. 7) Ляскин Георгий — инициатор выхода машин из мастерских. 8) Мясников Федор — член Военной Организации; принимал участие в демонстрации. 9) Прокофьев Василий — сочувствовал демонстрации, а также и принимал в ней участие. 10) Станевич Николай — принимал участие в демонстрации. 11) Якубанис Иван — принимал участие в демонстрации; около Дворцовой площади ранен в то время, когда в качестве шофера ехал на автомобиле с Елиным, сопровождая броневик к Зимнему дворцу. 12) Лукин Михаил — препятствовал выходу из мастерских машин в Таврический дворец в распоряжение Исполнительного К-та Сов. С. Р. и К. Депут. 13) Панин Николай — принимал участие в демонстрации. 14) Галямин Алексей — большую часть времени проводил во дворце Кшесинской; оттуда совершил кражу. 15) Громов Степан — принимал участие в демонстрации; находился у дворца Кшесинской.

Лично я, как свидетель, показываю следующее: в ночь, если не ошибаюсь, с 4 на 5 июля я был дежурным при машинах в Таврическом дворце и оттуда вместе с товарищами из мастерских Альшвангом, Серихиным был послан Исполнительным Комитетом ко дворцу Кшесинской в качестве парламентера с определенными инструкциями — предложить представителям мастерских, заседающим в указанном дворце, увезти машины обратно в гараж мастерских. При проезде через Троицкий мост я видел охрану моста, как я потом узнал, поставленную от Военной Организации. У дворца Кшесинской тоже была охрана из солдат, матросов и рабочих, и тут же стояли и наши броневики. При входе в помещение дворца я увидел солдат мастерских — Елина Георгия, Пантелеева Михаила и Ерофеева Петра, а также офицеров пулеметного полка, фамилий их я не знаю, и несколько человек статских. На мой вопрос, обращенный к Елину, может ли он вернуть машины в мастерские, последовал ответ с категорическим отказом, причем Елиным сообщено мне, что машины находятся в распоряжении народа и будут защищать его от всяких посягательств всех без различия организаций. Дальнейшие переговоры уже вел с нами, главным образом, прапорщик 1 пулеметного полка

(фамилию его я не знаю), из слов которого и из создавшейся обстановки я выяснил, что броневые машины уже не принадлежат более броневому дивизиону, а переданы в распоряжение Центрального Комитета Военной Организации. Когда мы, не придя ни к какому соглашению, решили уезжать, в это время вошел в помещение какой-то подпоручик и сообщил, что по постановлению Центрального Комитета с утра начнется «мирная работа». Тут же представитель ремонтных мастерских Елин сообщил мне, что теперь наши переговоры сами собою разрешились — машины сейчас же уйдут в гараж ремонтных мастерских. На этом наша миссия закончилась, и мы уехали в Таврический дворец сообщить Исполнительному Комитету о результатах переговоров с представителями дома Кшесинской. Несмотря на заявление Елина, что машины уйдут от дворца в гараж, они не ушли и стояли там еще порядочное время. Что касается Пантелеева и Ерофеева, то они, повидимому, играли там второстепенную роль. С Летиным Николаем я встретился у ворот Михайловского манежа при следующей обстановке. Не помню числа, но ясно помню, что дело [1]) в те сутки, когда команда гаража не выпускала машин в распоряжение Исполнительного Комитета. Я стоял у ворот манежа, и в это время подъехал к манежу грузовик с солдатами 1 пулеметного полка, среди которых был прапорщик и Летин Николай — одетый в статское пальто. Тут же офицер приказал солдатам немедленно войти в манеж и этих же солдат усиленно уговаривал итти в манеж и Летин. Сначала я обратился к офицеру: на каком основании вы вводите в чужое помещение вооруженных людей, но офицер, не отвечая мне, отвернулся и продолжал давать распоряжения; после этого я обратился с тем же вопросом к Летину. Последний ответил мне: «Что вы!.. Разве я их посылаю, я ничего не говорю; они идут в манеж по просьбе товарищей броневиков». Тут же Летин и скрылся. Результаты моих наблюдений за событиями 3—5 июля говорят за то, что в выступлении мастерских, манежа и 1 пулеметного полка была тесная связь, и этими выступлениями руководил Центральный Комитет Военной Организации. Больше показать ничего не могу.

М. Гаврилов.

Товарищ прокурора *Бари.*

Протокол [2]).

1917 г. августа 9 дня член Особой следственной комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г., подполковник Люзин допрашивал нижепоименованного, в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд.

Матвей Прокофьевич Серихин, ряд. зап. брон. автом. дивизиона, 30 лет, правосл., грамотный, не судился, председатель командного

[1]) Пропущено: «было».

[2]) А. О. Р., ф. 349, д. № 17, л. л. 45—48.

комитета мастерских названного дивизиона и член Сов. Солд. и Раб. Депут. и товарищ председателя дивизионного комитета.

Условия жизни в мастерских нашего дивизиона я знаю хорошо, так как с января 1915 года работаю в мастерских сперва при гараже в Михайловском манеже, а затем в мастерских на М. Дворянской ул. Какой-либо агитации перед вооруженным выступлением 3—5 июля с целью свержения Врем. Правит. я у нас в мастерских не замечал, и наше участие в таком выступлении явилось совершенно случайным. Должен отметить, что вообще отдельные команды нашего дивизиона размещены во многих местах Петрограда. Участвовали же в означенном выступлении лишь мастерские на М. Дворянской ул. и команда гаража из Михайловского манежа. Что касается выступления мастерских, то 3 июля до 12 час. дня все у нас было совершенно спокойно, и о каком-либо выступлении не было речи. Около 12 час. дня к нам приехали два солдата пулеметного полка и обратились, между прочим, ко мне с вопросом: «выступим ли мы, так как пулеметчики решили выступать?» Хотя эти солдаты называли мне свои фамилии, но я их не помню. Я ответил им, что без требования Исп. Ком. С. Р. и С. Д. мастерские не выступят и при этом осведомился, с какою целью они предполагают выступать. Выяснить эту цель у них я не мог, так как, по их словам, они сами — против этого выступления и предложили мне, как председателю комитета мастерских, съездить с ними в пулеметный полк, заявить об отказе мастерских выступить и этим по возможности удержать и пулеметчиков от выступления. Я согласился и прибыл с ними в полк. Там меня проводили в комитет, где находился и прапорщик Семашко, которого я раньше не знал. На мой вопрос ему, для чего предполагается вооруженное выступление пулеметчиков, Семашко не ответил, объяснив, что на собрании он высказался против выступления, но пулеметчики его не слушаются, и он ничего не может сделать, решив все же принять участие в этом выступлении, чтобы «придать этой вооруженной демонстрации мирный характер». Не узнав, таким образом, ничего определенного о цели выступления пулеметчиков, я уехал оттуда и вернулся в мастерские; было около 3 ч. дня. В мастерских я застал порядочное число вооруженных солдат пулеметного полка, которые агитировали за выступление, утверждая, что почти весь гарнизон решил выступить. Чтобы проверить это, я и Мясников поехали сначала в Гренадерский, а затем в Московский п. Увидели, что эти полки не выступили, не знают, для чего такое выступление предполагается, и отдельные лица нам говорили, что будто, по их сведениям, броневой дивизион уже выступил. Вернувшись назад около 4 часов, мы сообщили эти сведения начальнику мастерских и бывшим тогда в его кабинете Елину, Пантелееву [1]), Мясникову и другим бывшим тут нашим солдатам

[1]) Взято в скобки: «кажется».

и нескольким пулеметчикам. Все мы решили не выступать. После этого меня вызвали по телефону в Михайловский манеж, где должно было состояться заседание дивизионного комитета. Прибыв туда часов около 7 веч., я участвовал в заседании дивизионного комитета, на каковом было [1]) постановлено подтвердить прежние резолюции о полном подчинении С. С. и Р. Д. и Вр. Прав. Присутствовавший на том же заседании член Исп. Ком. С. С. и Р. Д. товарищ Гоц и еще другой член того же Комит., фамилии не помню, потребовали высылки в распоряжение Исп. Ком. двух машин [2]). Комитет постановил немедленно послать эти машины, но стоявшие тогда в манеже вооруженные солдаты пулеметн. полка (числом 30—50) запротестовали против этого. Трудно было понять, почему именно они протестовали. Повидимому, они опасались, что посланные нами в Исп. К. машины могут быть пущены в дело для разгона их вооруженного выступления. Я предложил им, чтобы они на каждую машину назначили одного своего делегата, они на это согласились. Тогда некоторые из солдат Михайловского манежа, — по фамилиям я их не знаю, — стали возражать против того, чтобы на машину садились пулеметчики, так как этим указывалось на недоверие к ним. Завязались пререкания, и для выяснения вопроса были посланы тов. председ. див. ком. подпол. Чемоданов, я и еще кто-то, не помню кто именно из наших, и два пулеметчика в Исп. Ком. С. С. и Р. Д. Там кто-то из членов военной комиссии (фамилии не знаю), узнав от нас, в чем дело, высказался за присылку машин с пулеметчиками. Мы, вернувшись в манеж, объявили это. Тогда совершенно для меня неожиданно со стороны некоторых солдат манежа послышались протесты. Среди этих солдат были Иванов Илья, Ершов, других не знаю. Всего их было человек 20 и из них человек семь — пьяных. Товарищ Гоц также стал их уговаривать, и в результате часов около 3 ночи машины вышли из манежа в Исп. Ком. Добавляю, что вопрос о посылке машин [3]) тогда еще ставился на голосование и за посылку высказались — поднятием рук — почти [4]) все. После этого я ушел домой к себе на частную квартиру. Между прочим, из манежа я осведомлялся по телефону у пор. Дегтерева о положении дел в мастерских. От него я узнал, что часов в 12 ночи, по требованию Елина и Ляскина, одна машина была послана из мастерских к арсеналу. Подробнее я пор. Дегтерева по этому поводу не расспрашивал. 4 июля утром я пришел в мастерские часов в 8. Около 10 час. было созвано собрание, на котором присутствовало чел. 70—80 (всего работало в мастерских около 800). На этом собрании Елин предложил выпустить машины в распоряжение Военной Организации для охраны большевистских или, как он говорил, вообще

[1]) Взято в скобки: «решено».
[2]) Зачеркнуто: «для».
[3]) Зачеркнуто: «уже».
[4]) «Почти» — над строкой.

организаций. Я против высылки машин, как против всяких вооруженных выступлений, возражал. При мне на собрании Елин не говорил, что С. С. и Р. Д. не существует. На мой вопрос, почему была выпущена машина накануне, Елин ответил, что по требованию Военной Организации для охраны арсенала [1]) от толпы. В этом собрании председательствовал Елин или, кажется, Пантелеев. Большинством голосов (причем против высказалось 16, и воздержалось 14, насколько помню) было постановлено послать машины в Военную Организацию. Кто еще высказывался [2]) за посылку машин, я не помню. Было послано четыре машины. Кто именно поехал на них, я не видел, так как спешил в Сов. С. и Р. Деп., где должно было состояться заседание солдатской секции. Это заседание не состоялось, и я вернулся в мастерские. Здесь я узнал, что пор. Дегтерев потребовал к себе секретаря Военн. Орг. для выяснения целей Военной Организ. При мне пришел этот секретарь, которого в лицо знаю, но не знаю по фамилии. Сущности их разговора я себе не уяснил. И сам поручик Дегтерев после ухода этого секретаря мне сказал, что ничего не понял. Поэтому предложил мне съездить в Исп. Ком. и выяснить это положение. Там я переговорил с членом Исп. Ком. Войтинским и по его предложению была послана делегация, состоявшая из Гаврилова, Альшванга, Алмазова, Снарского и меня, в дв. Кшесинской, чтобы потребовать возвращения машин в мастерские. Там Гаврилов спросил, вернут ли обратно машины в мастерскую. Из присутствовавших там в числе других и Елин ответил, что машин они не отдадут. По этому поводу начался разговор, но подошедший в это время какой-то подпоручик или поручик с бородою (фамилии его я не знаю) сообщил, что Центр. Комитет Р. С.-Д. Р. П. [3]) постановил, чтобы все воинские части вернулись по своим местам. Елин, выслушав это, сказал, что таким образом вопрос с машинами можно считать ликвидированным и машины будут возвращены. Мы все уехали в Исп. Комитет. Это было часа в 4 утра с 4 на 5 июля. Однако, когда я ехал обратно из Исп. Ком. около 7 час. утра, видел одну машину у дв. Кшесинской. Я прошел в мастерские, созвал собрание, на котором предложил вернуть машины в гараж. Это предложение было принято, и машины возвращены. Кроме сказанного мною выше об Елине, Пантелееве и других, я ничего не могу сказать относительно деятельности прочих лиц, включенных комиссиею в список № 2, поскольку их деятельность имела подготовку и организацию вооруженного выступления 3—5 июля.

Больше показать ничего не могу. Прочитано. Зачеркнуто: «для», «уже», «кроме Елина», «пар». Надписано: «почти», «арсенала». Исправлено: «работало».

Матвей Серихин.

Подполковник *Люзин.*

---

[1]) «Арсенала» — над строкой.

[2]) Зачеркнуто: «кроме Елина».

[3]) Зачеркнуто: «пар».

Протокол допроса обвиняемого [1]).

1917 г. августа 10 дня я, член следственной комиссии по расследованию степени участия отдельных войсковых частей и чинов Петроградского гарнизона в восстании 3—5 июля, товарищ прокурора Бари допрашивал нижепоименованного, в качестве обвиняемого, и он на первоначальные расспросы по ст. 443 уст. уг. суд. показал:

1. Имя, отч. и фамилия или прозв [2]).— Георгий Васильевич Елин.
2. Возраст. — 30 лет.
3. Место приписки. — Рязанской губ., Михайловск. у., Попадьинской вол., дер. Захаровки.
4. Место рождения, губ. — Там же.
5. Постоянное место жительства (врем. преб.). — г. Петроград.
6. Рождение. — Законное.
7. Звание. — Ефрейтор запасного броневого автомобильного дивизиона.
8. Народность или племя. — Русский.
9. Религия. — Православный.
10. Какое получил образование, грамотен ли? — Кончил церк.-прих. 3 кл. школу.
11. Семейное положение. — Женат, имею одного сына 3 лет.
12. Занятие или ремесло. — (Указано выше.)
13. Степень имущ. обеспечения. — Один душевой надел на родине.
14. Особые приметы. — Нет.
15. Призыва какого года? — 1908 г.
16. Был ли под судом и если был, то какому подвергнут наказанию. — Не судился.
17. Не имеет ли особых заслуг и отличий. — Нет.
18. Имеет ли паспорт [3]).

Мне объявлено, в чем я обвиняюсь (прочитано постановление от 10 сего августа), но я виновным себя не признаю и объясняю следующее:

В броневом автомобильном дивизионе я состоял с февраля месяца 1915 года, когда был призван на военную службу в качестве ратника 1 разряда. До военной службы я работал на различных заводах в городе Москве.

С марта месяца текущего года я состоял членом Военной Организации, помещавшейся во дворце Кшесинской.

С конца того же месяца я заведывал по назначению общего собрания наших мастерских караулом во дворце Кшесинской, где помещались читальня и приемный покой нашего дивизиона. В мае месяце

---

[1]) А. О. Р., ф. 3 д. № 17, л. 65.

[2]) Вопросы протокола написаны на пишущей машинке, ответы и остальной текст чернилами.

[3]) Зачеркнуто: «В предъявленном мне обвинении в том, что».

я уехал из Петрограда в отпуск (на 23 дня) и, по возвращении, караулом названного дворца больше не заведывал.

Я не скрываю, что я большевик и что я всегда высказывал свои взгляды, но к вооруженному восстанию я никогда не призывал потому, что к этому не находил никаких оснований.

3 июля на бывшем у нас в мастерских общем собрании (около 6 час. веч.) я советовал своим товарищам не выступать.

В ночь на 4 июля я присутствовал в кабинете начальника мастерских Дегтерева при том, как Ляскин [1]) просил выдать не помню одну или несколько броневых машин для охраны тех общественных организаций, которые помещались во дворце Кшесинской (т.-е. Военная Организация, Петроградский Комитет, Центральный Комитет Росс. Соц.-Дем. Партии и др.). После обсуждения просьбы Ляскина одна броневая машина была отправлена ко дворцу Кшесинской. Кто в ней поехал — не знаю. Приблизительно через $^1/_2$ часа эта броневая машина вернулась обратно в мастерские. Почему — не знаю.

4-го я, в числе других, присутствовал на состоявшемся около 11 час. утра собрании под председательством Ерофеева. Я не помню, кто внес предложение отправить броневые машины в распоряжение Военной Организации. Но я лично советовал машины послать. Кто на них поехал — не знаю.

5-го на утреннем собрании, на котором решено было отобрать машины, я не присутствовал. Около 9 час. веч. я узнал, что к нашим мастерским был прислан караул Измайловского полка. Конечно, наши солдаты были этим очень недовольны. Я тоже высказывал свое неудовольствие этим караулом. Но задерживать вернувшийся в мастерские из-за порчи аккумуляторов броневик я не предлагал и не советовал. Больше пока ничего объяснить не имею. *Елин.*

Товарищ прокурора *Бари.*
Подполковник *Люзин.*

X.

КРОНШТАДТ.

Телефонограмма начальника всех морских частей города Кронштадта от 4 июля 1917 г. в Кронштадтский флотский полуэкипаж [2]).

Объявляю на распоряжение телефонограмму Исполнительного Комитета города Кронштадта. Исполнительный Комитет предлагает в 6 часов утра следовать с оружием в руках и собраться на Якорной площади, а затем строго организованным порядком отправиться в Петроград совместно [с] войсками Петроградского гарнизона.

---

[1]) Зачеркнуто: «принес кажется записку из дворца Кшесинской и».
[2]) А. О. Р., ф. 349, д. № 22, л. 164.

Будет произведена вооруженная демонстрация, под лозунги [1]) «Вся власть в руки Совета Солдатских и Рабочих Депутатов».

Подписали: *Раскольников, Гримм.*
Верно: Старший лейтенант *Ломанов.* [1])
Передал *Карпельцов,* принял *Чермных.*

С подлин. верно: председатель Комитета Кронш. флот. полуэкипажа (подпись).
За секретаря (подпись).

Отношение на имя председателя Особой следственной комиссии [2]).

Председателю следственной комиссии по расследованию действий морских частей и команд в связи с вооруженным выступлением 3—5 июля сего года. (Петроград, Екатерингофский, 16/2, зд. Воен. Мор. суда.)

Штаб при сем препровождает копию телефонограммы Исполнительного Комитета Совета Солдатских и Рабочих Депутатов в г. Кронштадте за № 220 относительно выступления 3—5 июля морских команд в вооруженной демонстрации.

Вместе с сим штаб сообщает, что означенная телефонограмма была передана целиком, за скрепой начальника всех морских частей старшего лейтенанта Ламанова [3]), во все морские части по телефону, которые таковой имеют и указаны на обороте сего.

Флаг-капитан. Капитан 2 ранга (подпись).
Начальник канцелярии (подпись).
Член контрольной комиссии (подпись).

Список [4]).

1-й Балтийский флотский экипаж.
Кронштадтский флотский полуэкипаж.
Береговая команда уч. артил. отряда.
Команда машинной школы.
Штаб н-ка уч. мин. отряда.
Школа юнгов в Кронштадте.
Пос. суд. «Освободитель».
Заградитель «Терек».

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) А. О. Р., ф. 349, д. № 22, л. 173. Написано на бланке со штампом: «Штаб начальника всех морских частей Кронштадта, пос. суд. «Зарница», 19 сентября 1917 г. № 2994».

[3]) Так в подлиннике.

[4]) Список помещен на обороте подлинника.

Пловуч. казарма № 1 (ныне «Новорусский»).
Лин. кор. «Заря Свободы».
Уч. суд. «Океан».
Пос. суд. «Зарница».
Миноносцы «Прочный», «Рьяный».

Начальник канцелярии (подпись).

Протокол [1]).

1917 года августа 18 дня судебный следователь по важнейшим делам округа Гродненского окружного суда в г. Кронштадте допрашивал согласно 443 ст. уст. уг. суд. нижепоименованных, в качестве свидетелей, и они показали:

Федор Васильевич Кузнецов, 34 л., прав., не суд., слесарь электромеханического завода Кронштадтского порта, живу на Соборной ул., д. № 23, кв. 23. До мобилизации жил в Москве, где служил в управлении городских жел. дор.

3 июля и затем в ночь на 4 июля я присутствовал на заседании Кронштадтского Исполнительного Комитета Совета Раб. и Солд. Депутатов, а затем и на соединенном заседании Исп. Комитета, совместно с представителями от частей. На этих заседаниях я был секретарем и вел протокол заседаний.

Мне предъявлена копия протокола [2]) № 35 от 3 июля с. г. заседания Исполнительного Комитета Совета Раб. и Солд. Депутатов (свидетелю предъявлен этот документ). В протоколе этом правильно записано все то, что происходило на заседании, и протокол этот я подтверждаю.

Телефонограмму — резолюцию рабочей секции Петроградского Совета Р. и С. Депутатов, переданную Флеровским, огласил в заседании, кажется, Раскольников; хорошо этого не помню. Тогда не обсуждался вопрос, от всей ли рабочей [3]) секции вынесена эта резолюция о необходимости настоять на переходе всей власти Совету Р. и С. Депутатов.

До решения о выступлении, насколько помню, в перерыве заседания, были получены две телеграммы. Одна телеграмма на обыкновенном телеграфном бланке, в ней было написано: «долой Временное Правительство», «долой Керенского», сообщалось о выступлении полков в Петрограде, о том, что на улицах там происходит стрельба, ездят автомобили, и вообще обстановка напоминает первые дни революции в Петрограде. Телеграмма эта была отчасти зашифрована, и всего не удалось расшифровать. Возможно, что это был не шифр, а просто перепутана телеграмма. В телеграмме этой подписи нельзя

[1]) А. О. Р., ф. 8, д. № 10 л.л. 44—48 об.
[2]) «Протокола» — над строкой.
[3]) Зачеркнуто: «партии после».

было разобрать. Кому она была адресована, я не обратил внимания. — Получена телеграмма эта была около 12 часов ночи. Где теперь она находится, я не знаю, но постараюсь ее найти, если она сохранилась, и представить.

Вторая телеграмма, в виде ненаклеенной ленты, находилась в руках Раскольникова. Из этой телеграммы я запомнил, что говорилось о том, что происходят выборы в Исполнительном Комитете четырех министров вместо ушедших. Более из этой телеграммы я ничего не помню. Кому была адресована эта телеграмма и от кого она была, я не знаю.

Телеграммы эти в заседании не оглашались, но с содержанием их знакомились отдельными группами в перерывах. Куда девалась эта лента, я не знаю.

Затем в заседании обсуждался вопрос, после того как стали поступать соответствующие требования властей о снабжении выступающих оружием и патронами, о приготовлении перевязочных средств.

Эти приготовления оружия и патронов вытекали из того положения, что демонстрация предполагалась хоть и мирная, но вооруженная.

Я не помню, кто именно из ораторов поддерживал необходимость снабжения выступающих из Кронштадта как оружием, так и патронами.

Я не вспоминаю того, что говорили Раскольников и Покровский после сношений: 1-й — с Центральным Комитетом партии большевиков, а 2-й — с Областным Комитетом партии С. Р. и не знаю, были ли в действительности такие сношения. Возможно, что я в свое время упустил об этом занести в протокол и его при просмотре дополнили. Обычно просматривает протокол и иногда дополняет его председатель, в данном случае это мог сделать Брегман.

Затем Раскольников предложил, и Исполнительный Комитет принял, чтобы выступление состоялось в 6 часов утра, о чем были посланы телефонограммы частям.

Кто-то из присутствовавших сделал заявление, чтобы перенести решение вопроса о выступлении в Совет, но большинство было за то, чтобы Совет не созывать за недостатком времени. Я считаю, что резолюция о выступлении была принята единогласно.

Насколько помню, по предложению Раскольникова, было принято собранием решение о вызове судов из Бьоркэ и Транзунда и о посылке предложения Ораниенбауму присоединиться к демонстрации.

Учебные судна вызывались, как часть Кронштадтского гарнизона, для совместного выступления, но нужны были не боевые судна, а только команды.

Ораниенбауму решили предложить присоединиться к выступлению в силу солидарности, так как в нашем Совете имеются представители от Ораниенбаума и наоборот.

В соединенном заседании было около 50 человек или более; подсчета не было, я, по крайней мере, не помню.

Из Исполнительного Комитета на заседании 3 июля присутствовало около 20 человек. Из них я вспоминаю Брегмана, Покровского, Гримма, Богомолова, Раскольникова, Брушвида, Рошаль, Ремнева, Руднева, Ламонова, Пронина, Гредюшко, Пышкина, Царенко, Первушина, Тихонова. Раскольникова я считаю членом Президиума Исполнительного Комитета, но наверное последнего не знаю.

Кто и почему потребовал то или иное число патронов, я не знаю.

4 июля утром на Якорной площади я не был и более по делу показать ничего не имею, так как в Петроград я тогда не выезжал. Протокол читал, правильно записано.

Ф. Кузнецов.

И. д. судебного следователя (подпись).

Федор Петрович Тарасов, 32 л., прав., не суд., кр. с. Козмо-Демьянск., Юрьевского у., Владимирской губ., минер-унтер-офицер заградителя «Терек», живу теперь в Кронштадте.

Я, как представитель от заградителя «Терек», присутствовал на соединенном заседании Кронштадтского Исполнительного Комитета с представителями частей. На этом заседании, ввиду требования воинских частей о снабжении оружием и боевыми к ним припасами выступавших в Петроград, было решено удовлетворить это требование. Во исполнение этого собрание делегировало меня, Дешевого, Оболенского и Смирнова выяснить количество патронов, имеющихся в складе, а затем получить необходимое количество их.

Приблизительно около 3 часов в ночь на 4 июля я и указанные лица с соответствующим удостоверением Исполнительного Комитета обратились к бывшему коменданту Кронштадтской крепости Герасимову и получили от последнего разрешение навести справку в артиллерийском складе о количестве патронов.

Затем мы отправились в артиллерийский склад, выяснили там, сколько находилось патронов, и с этими сведениями вернулись в Исполнительный Комитет.

Обратились в Комитет к президиуму, который указал, сколько и каких патронов надо получить из склада, о чем выдали особую бумагу. Чем руководствовался Комитет, определяя необходимое число патронов, и кто входил тогда в президиум Комитета, я не знаю.

С требованием о выдаче патронов мы обратились в артиллерийский склад, откуда и получили 60 тысяч патронов, в получении коих я расписался на предъявленной мне бумаге. (Свидетелю предъявлено требование за № 3699.) — С полученными патронами мы поехали в Исполнительный Комитет. Там какой-то товарищ сказал нам, что Исполнительного Комитета нет, а что Президиум Исполнительного

Комитета распорядился отвезти патроны на Якорную площадь и раздать там их собравшимся для выступления в Петроград, что мы и сделали.

На площади и пристанях патроны раздавали я, Смирнов и Оболенский; Дешевого с нами не было. Роздали все патроны выступающим в Петроград. Раздавали отдельным лицам, тем, кто имел винтовки. Расписок в получении патронов не брали. Выдавали по 5—10 патронов. Раздачу начали приблизительно около 7 часов утра 4 июля и закончили около 10—11 утра. Я в Петроград не ездил.

Читал, записано правильно. *Тарасов.*
И. д. судебного следователя (подпись).

Лазарь Абрамович Брегман дополнительно показываю:

В заседании Комитета в ночь на 4 июля была избрана особая комиссия для выяснения количества патронов, подлежавших выдаче выступавшим. Кто входил в эту комиссию, я теперь не помню. Возможно, что в нее вошли Дешевой, Оболенский, Смирнов и Тарасов. По указанию кого-то из этой комиссии, а кого именно не помню, я и подписал предъявленное мне от имени Исполнительного Комитета требование в артиллерийский склад о выдаче 60 тысяч патронов для ружей и 500 для револьверов (свидетелю предъявлено требование за № 3699). Требование это подписано мной. Чем руководствовалась комиссия в определении необходимого числа патронов, я не знаю. Как и кто распределял патроны, я не знаю.

Протокол заседаний от 3 июля за № 35 редактировался несколько дней спустя после 3 июля, приблизительно дней через пять. В редактировании его принимали участие я, Покровский, Гримм, Кузнецов. Я хорошо не помню сейчас, участвовал ли в редактировании протокола Гримм. Возможно, что он не участвовал.

Протокол читал. Записано правильно. *Брегман.*
И. д. судебного следователя (подпись).

Протокол [1].

1917 года августа 19 дня судебный следователь по важнейшим делам округа Гродненского окружного суда в Петрограде допрашивал согласно 443 ст. уст. уг. суд. нижепоименованных свидетелей, и они показали:

Константин Николаев Быков, 28 л., прав., не суд., мещ. г. Буинского [2], Симбирской губ., где и жил до призыва в войска. Строевой унтер-офицер морского полигона (около Петрограда).

Я состоял председателем комитета команды морского полигона. 5 июля у нас было заседание комитета, на котором присутствовал

[1]) А. О. Р., ф. 8, д. № 10, л. 65.
[2]) Так в подлиннике.

и штабс-капитан Степанов. Я председательствовал. Около 11 часов утра какой-то человек в кожаной куртке, военный он или штатский, мне неизвестно, принес и передал мне бумагу. Бумага эта была написана чернилами на бланке Военной Организации в Петрограде, адресована комитету команды морского полигона. В этой бумаге просили выслать три пушки 37 миллиметров, 20 ящиков снарядов к ним, три пулемета максима и 10 лент к ним. Бумага эта была подписана мичманом Раскольниковым. Более никто на этой бумаге не подписался. Бумага была помечена пятым июля, и на ней был нумер, насколько помню, 2400 с чем-то, приблизительно 2424. Кроме того, к бумаге этой была приложена печать мастичная, красного цвета, с оттиском «Военной Организации Социал-Демократической Рабочей Партии». На бланке был указан адрес и телефон. Лицо, передавшее эту бумагу, сказало, что если мы согласимся выдать просимое, то за всем этим пришлют грузовик. Я сказал, что мы это обсудим и о результатах обсуждения дадим знать по телефону, после чего податель бумаги ушел, и больше я его не видел. Кто он был такой, я не знаю.

Полученную бумагу за подписью мичмана Раскольникова читали в комитете и другие, кроме меня, а в том числе и штабс-капитан Степанов. В комитете было решено ничего из просимого не выдавать, так как у нас к этому времени было совсем другое настроение и для нас было ясно, что оружие и снаряды требуются в связи с происходившим в Петрограде вооруженным выступлением. Никакого ответа по поводу своего решения мы Военной Организации не передали.

Полученную бумагу во входящий не записывали и команде не сообщали, чтобы не волновать их. Когда затем через несколько дней стало известно, что в воинских частях назначено расследование по поводу вооруженного выступления этих частей, то в комитете было решено уничтожить эту бумажку, чтобы не навлекать никаких подозрений на нашу команду, никакого участия в выступлении не принимавшую. Бумажка эта затем была действительно уничтожена. Я хорошо помню ее содержание и правильно его передал.

Мне предъявлено отношение за подписью мичмана Раскольникова от 5 июля с. г. за № 2045, на имя Центрального Комитета Балтийского флота (свидетелю предъявлено это вещественное доказательство, зарегистрированное под № 5).

Та бумага, о которой я показывал, была на таком же бланке, с такой же печатью, подписью и написана таким же почерком, как и только что предъявленная мне бумага за № 2045.

Более по делу показать я ничего не имею.

Протокол читал, написан правильно. *Константин Быков.*

И. д. судебного следователя (подпись).

Постановление [1]).

1917 года октября 8 дня. Г. Петроград.

Следственная подкомиссия по расследованию действий воинских частей города Кронштадта в связи с вооруженным выступлением 3—5 июля сего года, рассмотрев следственное производство об участии отдельных воинских частей и команд города Кронштадта в означенном выступлении, нашла следующее:

Данными предварительного следствия установлено, что из числа расположенных в гор. Кронштадте воинских частей и команд в указанном выступлении в числе прочих участвовали: 1-й Балтийский флотский экипаж (по 50; 73; 80; 99; 105 и 130); Кронштадтский флотский полуэкипаж (по 19—24; 51 и 128); береговая команда учебно-артиллерийского отряда (по 141); команда машинной школы (7 об., 85; 118 и 141); береговая команда учебно-минного отряда (по 76 и 139 об.); команда судна «Освободитель» (по 68—70 и 139); команда заградителя «Терек» (по 87—88); команда пловучей казармы № 1 (по 141 об.); команда учебного судна «Океан» (по 1—5; 46; 122; 140 и 142 об.); команда самостоятельной станции Кронштадтской службы связи Балтийского моря (по 53—57); команда учетной канцелярии Балтийского флота (по 63—64 и 93); команда штаба начальника всех морских частей города Кронштадта (по 71—72), а также 1-й Кронштадтский пехотный крепостный полк (по 9—11; 14—18; 25—41) и 1-й и 2-й Кронштадтские крепостные артиллерийские полки (по 42; 60—62 и 48). Все перечисленные выше войсковые части и команды приняли участие в вооруженном выступлении 3—5 июля, как это выяснено данными предварительного следствия, исключительно по той причине что в ночь на 4 июля, т.-е. за несколько часов до выступления — была получена указанными воинскими частями и командами телефонограмма Исполнительного Комитета Кронштадтского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов следующего содержания: «Исполнительный Комитет предлагает немедленно сообщить по частям, что в 6 часов утра 4 июля следовать с оружием в руках и собраться на Якорной площади, а затем строго организованным порядком отправиться в г. Петроград, где совместно с войсками Петроградского гарнизона будет произведена вооруженная демонстрация под лозунгом: «Вся власть в руки Советов Солдатских и Рабочих Депутатов».

Означенная телефонограмма была распространена в морских частях — начальником всех морских частей города Кронштадта (по 173—174) и в сухопутных частях — начальником штаба Кронштадтской крепости (по 26 об.). Ввиду этого все воинские части и команды, в коих получена была означенная телефонограмма, смотрели на эту телефонограмму как на приказ, исходящий от высшего начальства, и к ука-

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 22, л. 177.

занному в телефонограмме сроку командированы были на Якорную площадь от некоторых частей все свободные в тот день от несения службы люди, а другие части выслали особые наряды от каждой роты. Командированные таким образом от отдельных войсковых частей наряды, собравшись в указанный срок на Якорной площади, затем оттуда проследовали в Петроград под руководительством и командою особо выбранных Исполнительным Комитетом Кронштадтского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов лиц. — Однако данными предварительного следствия установлено, что в большинстве случаев люди шли неохотно, тяготились этим выступлением и что ни одна из указанных выше воинских частей, ни даже отдельные лица не проявили какой-либо активной деятельности, направленной к осуществлению тех лозунгов, под которыми было организовано выступление 3—5 июля. И при первых раздавшихся на Невском и Литейном проспектах выстрелах большинство кронштадтских солдат и матросов, оставив ряды демонстрантов, разбежались, и часть их в тот же день вернулась обратно в Кронштадт, и лишь незначительная часть кронштадтцев в течение нескольких дней, оставаясь в Петрограде, укрывалась в казармах отдельных воинских частей петроградского гарнизона.

При таком положении в деятельности вышеуказанных воинских частей и команд нельзя усматривать признаков уголовно наказуемого деяния, так как участие их в вооруженном выступлении было обусловлено исключительно получением ими телефонограммы Исполнительного Комитета Кронштадтского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, каковую телефонограмму, ввиду того, что она была распространена указанными выше начальствующими лицами, означенные воинские команды и части рассматривали как приказы начальников, и во исполнение этого приказа посланы были для участия в выступлении от каждой из поименованных выше воинских частей отдельные наряды.

Обследование же вопроса о виновности отдельных лиц, принимавших участие в организации означенного выступления кронштадтских воинских частей и команд, является предметом особого расследования.

На основании вышеизложенного следственная подкомиссия, не усматривая признаков какого-либо преступного деяния в деятельности перечисленных выше воинских команд и частей Кронштадтского гарнизона, постановила: на основании 277 ст. уст. уг. суд. настоящее дело за отсутствием признаков преступления прекратить и препроводить таковое прокурору петроградской судебной палаты.

Член следственной подкомиссии товарищ прокурора *Н. Земчив.*

Резолюция: Утверждено.

В заседании комис. 10 октября 1917 г.

За председ. комиссии (подпись).

XI.

2 ЗАПАСНЫЙ ПУЛЕМЕТНЫЙ ПОЛК.

Протокол [1]).

Коробейников [2]), Филипп Афанасьевич, 27 лет, прапорщик 2 зап. пулеметного полка, православный, до военной службы состоял счетоводом московского Союза потребительского общества.

Я состою в полку с октября 1916 года. С основания комитетов я состою членом полкового комитета, а также членом Петроградского Совета Раб. и Солд. Депутатов. Жизнь в полку протекала в общем нормально, за исключением 1 и 2 рот, где было заметно большевистское настроение. Почва для этого настроения создалась вследствие недовольства внутренними условиями жизни, например пищей, запрещением отпусков, недостачей обмундирования и т. п. Этим настроением солдат воспользовались большевики для своей агитации. Агитацией этой в 1 роте занимались главным образом пр. Замятин и рабочий Иванов, а также приезжавший из Кронштадта Рошаль и кто-то из членов Военной Организации большевиков, фамилии коего не знаю. В своих речах Замятин говорил о необходимости передачи всей власти Советам Р. и С. Депутатов, причем указывал, чтоб быть готовыми к вооруженному выступлению, если Военная Организация большевиков к этому призовет. 4 июля утром, часов в 9—10, Замятин и Иванов приехали в автомобиле Военной Организации большевиков в полковое бюро по охране Стрельны, где в это время находились я, пр. Трендлер, Залата, Барс и др., которых сейчас не помню, и заявили, что полк настроен большевистски, 1 батальон уже выступил в Петроград и что остальная часть полка также должна немедленно выступить. Требование о выступлении было заявлено Замятиным в категорической форме, но бюро ответило на это требование отказом, указав, что если полк состоит из большевиков, то пускай их выводит сам Замятин. После этого Замятин, по словам пр. Залаты, заезжал по дороге в Лигово в 5, 8 и другие роты, убеждая их выступить. По словам члена Совета от 10 роты Квятковского, с таким же требованием Замятин приезжал и в 10 роту. По словам Замятина и Иванова, когда они приезжали в бюро, власть в Петрограде перешла уже в руки Военной Организации большевиков, ими составлено уже министерство, которое необходимо поддержать вооруженным выступлением полка. Более сказать ничего не имею. Протокол мною прочитан, и я его подтверждаю.

Прапорщик *Корабейник.*

---

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 15, л. 7.

[2]) Его фамилия правильно: «Корабейник». Допрошен в качестве свидетеля председателем подкомиссии по 2 запасному пулеметному полку 7 сентября 1917 г.

Протокол [1]).

1917 года, сентября 11 дня, член Особой следственной комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г., вольноопределяющийся Князев в штабе округа допрашивал нижепоименованных, в качестве свидетелей, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд.

Борис Павлович Савин, 27 лет, православный, подпоручик 2 пулеметного запасного полка, начальник стрельбищной команды, урож. Петроградской губ., под судом не был, по делу показываю.

Утром 5 июля в командном комитете я узнал, что прап. Коробейников привез в стрельбищную команду копию приказа от Исполнит. Ком. Совета Р. и С. Депутатов, подписанную Чхеидзе, в которой моя команда вызывалась немедленно на охрану Таврического дворца. Я решил исполнить этот приказ. Сноситься с командиром полка я не имел времени, — от штаба полка стрельб. команда расположена в 3 верстах; поэтому я распорядился команде пообедать и строиться. Однако б. председатель командного комитета пулеметчик Иосиф Дахно и бывш. чл. того же комитета пулеметчик Логин Паникаха усомнились в подлинности приказа Исп. Ком. С. Р. и С. Д. о вызове команды в Петроград и по собственному почину поехали в другие роты, узнать — едут ли те в Петроград или же остаются в своем расположении. При этом названные Дахно и Паникаха говорили, что они поедут, если и другие роты тоже выезжают в Петроград Команда пошла к вокзалу под моею командою. По дороге к вокзалу я встретил Дахно, который выразил мне свое неудовольствие, почему я увел команду до его возвращения из рот. Дахно сказал, что роты, которые он посетил, ничего не знают о приказе Исп. Ком-та, но, все же, пошел с командой до вокзала, где нам прап. Коробейниковым было обещано показать подлинный приказ. На вокзале ст. Стрельна член Исп. Ком. Всеросс. С. Р. и С. Деп-ов показал приказ Исп. Ком., указав, что желающие могут не ехать в Петроград. Совету нужны люди, преданные делу революции, а колеблющиеся могут остаться в Стрельне. Из моей команды выразили желание ехать 26 человек. Остальные, частью по собственному почину, частью после настойчивых призывов Дахно, остались в Стрельне. Здесь же на вокзале я был свидетелем инцидента между прап. Коробейниковым и прап. Майгельдиновым. Прап. Коробейников по какому-то поводу сказал прап. Майгельдинову, что он, Коробейников, имеет полномочие солдат просить, а офицерам приказывать ехать в Петроград. Прап. Майгельдинов возразил Коробейникову, что отнюдь не считает Коробейникова лицом полномочным отдавать приказания. Кроме того прап. Майгельдинов (большевик по убеждениям, как я знаю) на вопрос солдат, как он

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 15, л. 11.

смотрит на настоящий выезд в Петроград, сказал, что он не является сторонником этого вызова для защиты прежней позиции Советов, потому что вызванным солдатам придется убивать народ, требующий принятия Советом Р. и С. Депутатов всей полноты власти. Ввиду того, что желающим, как сказано выше, было разрешено не ехать в Петроград, прап. Майгельдинов и ушел с вокзала. Майгельдинов не призывал солдат уходить с вокзала. Добавить ничего не могу. Прочитано. Вписано: «Исполн. Ком.», «Копию».

Подпоручик *Савин.*
Член Особой следственной комиссии вольноопр. *Князев.*

Протокол [1]).

1917 г., сентября 11 дня, член Особой следственной комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г., полковник Арбузов допрашивал нижепоименованных, в качестве свидетелей, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд., причем свидетели показали следующее:

1.

Я, Дмитрий Николаевич Сулевич, капитан 2 пулеметного полка, командир 11 роты, 32 лет, грамотный, православный, под судом и следствием не был, об ответственности за ложное показание предупрежден.

По делу показываю: 3 июля у нас в Сергиеве прошло совершенно спокойно, по разговорам частных лиц было известно, что делается в Петрограде. Моя роль ротного командира сводилась к хозяйственным обязанностям и к подписанию бумаг. В роте главную роль играл пулеметчик Кирюхин, бывший председателем ротного комитета. В роте, вообще говоря, господствовал большевистский дух, по моему мнению, благодаря Кирюхину, который, будучи сам большевиком и пользуясь громадным влиянием в роте, вел за собой всю роту. Занятий в роте не производилось, так как занятия считались признаком «старого режима». — 4 июля утром, часов в 8, меня разбудил какой-то солдат, посланный из роты. Он сказал мне, что рота выступает в Петроград. Наскоро одевшись, я отправился в роту. Нашел я людей выходящими из помещений на шоссе, но еще не построенной [2]). Здесь же был Кирюхин. Я спросил у солдат, куда выступают. Мне ответили, что идут в Петроград на мирную демонстрацию. На вопрос, зачем же тогда винтовки, мне ответили, что для самозащиты, так как на них могут напасть и что накануне в Петрограде разоружали. На вопрос, кто приказал выступать, не Совет ли Раб. и Солд. Деп., — ответили,

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 15, л. л. 15—17.
[2]) Так в подлиннике.

что приезжали на автомобиле прапорщик Замятин и какой-то Иванов, известный Кирюхину, от Военной Организации и требовали выступления, ссылаясь на то, что весь полк и весь Петроградск. гарнизон выступают. Несколько позже, уже при мне, от Стрельны подошел автомобиль, на котором было человека 4, в числе которых, как я потом узнал, были пр. Замятин и Иванов. Иванов с автомобиля крикнул: «Товарищи, скорее выходите — вас уже ждут на сборном пункте». 4 пулемета погружены были на двуколки и пошли по шоссе, а роту, построив, я повел на станцию. До выступления я всячески старался отговорить от выступления, но это не удалось. Офицеры и я в том числе, пошли только для поддержания порядка. На станции публика стала стыдить нас, офицеров, и нам пришлось разъяснять, почему мы идем с солдатами. Сборный пункт, как сказал Кирюхин, был на «4-й версте». На «4-й версте» [1]) — оказалось никого не было, вышла ошибка, так как сборный пункт был в Лигове, у 4 роты. Спустя некоторое время к нам подошло 3 рабочих Путиловского завода, пригласившие нас к себе на завод обедать. Около 11 ч. утра мы подошли к Путиловскому заводу, здесь мы пообедали, после обеда был митинг. Меня просили что-нибудь сказать на митинге, но я уклонился. Еще раньше нас на заводе уже были 1 и 4 роты нашего полка. Моя рота была почти полностью, человек 250, примерно. Меньше всего людей было от 4 роты. 1 и 4 рота также были с офицерами, был и командующий 1 бат. шт.-кап. Жиркович. В моей роте было 4 младших офицера; Кирюхин на митинге не выступал. После митинга стали выстраиваться (на митинг) [2]) в колонну и пошли. Рабочие чередовались с солдатами. Были плакаты с надписями: «Долой 10 мин. капит.», «Вся власть Сов. Р. и С. Д.», «Мир — хижинам, война — дворцам» и т. п. Пулеметы наши на заводе погружены были на грузовые автомобили. Погрузкой распоряжался Кирюхин, он же сопровождал и автомобиль с нашими пулеметами, на котором был какой-то плакат. Дорогой рабочие затаскивали в свои ряды силой встречных более прилично одетых людей «буржуев». Солдаты этого не делали. На заводе, при погрузке пулеметов, произошел несчастный случай: неосторожным выстрелом из пулемета был убит пулеметчик моей роты Мерзенный и ранен какой-то рабочий. По моему требованию винтовки были разряжены, солдаты подчинились. От Путиловск. завода пошли через Нарвские ворота и вышли на Садовую улицу. Когда мы были на углу Садовой и Гороховой, где-то впереди началась стрельба. Процессия сначала остановилась, потом все разбежались. Минут 15 была беспорядочная стрельба. Когда успокоилось, то я уже роту не нашел и решил вернуться домой. На ст. «Сергиево» я, выходя из вагона, увидел подпр. Трусьева-Струсь и 3—4 пулеметчиков, ехавших в других вагонах. Оказалось, что они

[1]) Зачеркнуто: «нас встретили».
[2]) Зачеркнуто: «на мин».

также потеряли роту. Возвращались люди партиями часов до 8 вечера. На другой день в роте говорили: «Правильно капитан говорил, что не следовало выступать» и зарекались на будущее время выступать без приказания. Я лично думаю, что дело обошлось не без Кирюхина, хотя указать, что именно он поднял роту, — не могу, так как его деятельности не видел. После этого выступления — настроение в роте улучшилось, авторитет мой поднялся, и постепенно удалось наладить занятия, хотя и в ограниченном размере. Больше показать ничего не могу. Показание мне прочитано. Поправки: вписано «и весь Петроградский гарнизон», зачеркнуто «нас встретили» и «на митинг».

Капитан *Сулевич.*

Председ. подкомисс. полковн. *Арбузов.*

2.

Я, прапорщик Корабейник, по делу известный, дополнительно показываю:

5 июля с. г., утром, в 9 часов, при отправлении эшелона с 500 пулеметчиками из расположения полка со ст. «Стрельна» — по вызову Центрального Исполнительного Комитета — прапорщик стрельбищной команды Могельдинов [1]) призывал к неисполнению распоряжения Центр. Комитета, пользуясь следующими приемами: он предлагал команде спросить у меня, для чего зовет вас Центр. Ком-т, не для того ли, чтобы «разгонять и расстреливать наших товарищей революционеров 1 пулеметн. полка и идущих с ними и, если да, — то мы не должны исполнять такого дикого приказа реакционного Центр. Ком-та, мы вольные граждане, и никто нам приказывать не может; кто со мною за революцию — идите в казармы». Часть малодушных людей, предназначенных врачебной комиссией к отпуску домой, пошла за ним. Остальные, исполняя приказ, уехали в Петроград, где и поступили в распоряжение Центрального Комитета. Сюда со мной приехало человек 30, ушло с вокзала с пр. Могельдиновым около 60 чел, остальная команда была на стрельбище. Тогда же вместе с прапорщ. Могельдиновым в том же духе действовали пулеметчики Паникаха — секретарь ротного комитета, и Дахно — председатель того же комитета, которые призывали солдат не исполнять приказов не только Центр. Ком-та, но и министра Керенского. Больше дополнительно показать ничего не могу. Показание мне прочитано. Поправки: вписано «распоряжения».

Прапорщик *Корабейник.*

Председатель следствен. подкомиссии полковн. *Арбузов.*

---

[1]) Выше его фамилия: Майгельдинов.

Протокол [1]).

1917 года сентября 18 дня член Особой следственной комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г., М. Н. Фицтум допрашивал нижепоименованного, в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд.

Жиркович, Валериан Владимирович, 26 лет, шт.-кап., командир 1 роты 2 пулеметного полка, православный, живу в Стрельне, колония № 5.

В ночь с 3 на 4 июля с. г. я был разбужен в 4 часу утра приездом адъютанта 1 бат. прап. Гулидова и писаря Колотнева. Эти лица сообщили, что в Лигове готовится выступление, что накануне, т.-е. 3 июля, был митинг 1 бат., на котором было решено выступление Лиговского гарнизона с лозунгами: «Вся власть С. Р. и С. Д.», «Долой 10 министров-капиталистов». На митинге же решено было назначить сборный пункт у 2 полуроты 4 роты (эта рота расположена ближе других к Петрограду). Я послал прап. Гулидова и писаря Колотнева в полковой комитет узнать, что известно комитету о выступлении [2]). Вернувшись, они сообщили, что там тихо. Тогда я приказал им вернуться в Лигово, присовокупив, что утром я сам буду в Лигове. Утром 4-го до моего отъезда около 8 часов утра я получил через посыльного письмо от адъютанта следующего содержания: «Только что вернулся из Стрельны и узнал о полученном приказании выступать нашему гарнизону в Петроград в 9 часов утра 4 с. июля. Были представители от матросов и какой-то штатский (оказавшийся гражданином Ивановым). Ваше присутствие необходимо». Благодаря задержке поездов я попал в Лигово только в 10 часу. Приехав, я прямо направился в канцелярию батальона. Адъютант сообщил мне, что утром в канцелярию приходили какие-то два матроса и неизвестный штатский (гражд. Иванов) и предложили батальону быть готовыми выступить в 9 ч. утра. Эти же лица сообщили, что наш полк выступает. Тогда я стал звонить по телефону. Соединился с первой ротой, ответили, что уже выступили, но выступили не все, человек 50—60; затем я позвонил во 2 роту и 3. В 3 роте говорил с командиром роты пор. Шишко, он передал, что рота не выступает. Я приказал без моего приказания никуда не выступать. После этого я с прапорщиком Гулидовым поспешил в 1 роту, но встретил их уже идущими вооруженной командой во главе с прап. Поповым на сборный пункт. За ними ехала во главе с начальником команды и младшим офицером пулеметная команда 205 Шемахинского полка (сформировался при этой роте). Подойдя к роте я обратился к прап. Попову за разъяснением причины и выяснением, от кого получено приказание выступать. Прап. Попов ничего

---

[1]) А. О. Р. ф. 349, д. № 15, л. л. 28—29.

[2]) Зачеркнуто: «Утром около».

определенного не ответил. «Я,— говорит,— и сам не знаю, кажется, по приказанию Военной Орг. при Ц. К. С.-Д. Р. П. Скоро вернется прапорщик Замятин, поехавший в Стрельно на автомобиле, и он ответит на все вопросы, а сейчас мы идем на сборный пункт». Придя туда, рота остановилась и стала ждать пр. Замятина, который не заставил себя долго ждать. Еще до его приезда пр. Попов, выражая нетерпение, сказал: «А ну их всех к чорту, возьму и уведу роту домой». Но солдаты стали говорить, что уже повели, ведите и дальше. К этому времени подъехал пр. Замятин, но тоже не давший определенных ответов. Тогда стали решать, как поступить. Пр. Попов предложил пр. Замятину съездить в Ц. К. С.-Д. Р. П., но солдаты стали просить съездить меня. Я сказал прап. Гулидову вернуться домой, и что если придется, то я с ними пойду в Петроград, так как одно мое присутствие остановит их от бессмысленных случайностей. Сам же с прап. Замятиным и унт.-офицером Никифоровым на автомобиле поехал в Путиловский завод. Там мы нашли исполнительный комитет рабочих Путиловского завода. Там нам тоже определенного ничего не ответили, сказали, что выступление готовится, но когда неизвестно — около 3 часов (происходило это в 12 часу). Тогда я сказал, что соберемся мы и пойдем домой обедать. С этим мы решили ехать к роте. Но не доехали: дорогой сломалось колесо у автомобиля. Пока мы ждали трамвая, подошла и рота. (А не дождались они меня вот почему: Петергофским шоссе ехала команда 11 роты, которая и захватила первую роту.) Я объявил им, что у рабочих готовится выступление около 3 часов, и мы успеем вернуться домой и пообедать. На это прап. Попов сказал: «А ну их к чорту, пойдем домой». Но рабочие пообещали дать обед, и солдаты решили остаться. Действительно, вскоре солдат накормили. К этому времени пришли 4 рота с офицерами и 11 с к-ром батальона кап. Сулевичем.

После обеда все сгруппировались во дворе Путиловского завода. В это время прогудел гудок завода, и рабочие стали собираться на митинг. На митинге я не присутствовал, но там разработали план выступления. Присутствовать я не мог и решил итти с солдатами, чтобы по возможности предотвращать возможные эксцессы. Подали три грузовика, на которые погрузили пулеметы. Хотели на них грузить все имеющиеся, но я настоял и команду 205 Шемахинского полка отправил домой. Как только установили, все тронулись. Тронулись следующим порядком: впереди ехал грузовик, на который сел и я, за нами первая рота, потом часть рабочих, за ними опять грузовик, затем 4 рота, опять рабочие, 11 рота и замыкал колонну опять грузовик.

Наш грузовик уехал вперед и направился к Треугольнику, и сидящие на автомобиле штатские (кто — не знаю) стали призывать рабочих к выступлению, говоря, что выступили: весь Путиловский завод, весь пулеметный полк, Кронштадт и т. д., но там мы присоединились

к общей колонне и двинулись уже вместе к Таврическому дворцу. Я несколько раз приказывал и просил без моего приказания не стрелять. Со мной на автомобиле ехали прап. Попов (часть пути), старш. унт.-офиц. Никифоров и др. пулеметчики. Так без задержки дошли мы до угла Садовой и Невского, как вдруг где-то сзади в середине колонны раздались выстрелы. Произошло смятение. Солдаты и рабочие бросились в сторону. Я соскочил с автомобиля и поспешил к солдатам первой роты (их было уже человек сорок), стал призывать их к спокойствию и просить не стрелять. Что они и сделали. Успокоившись, мы благополучно дошли до Таврического дворца. Откуда приказал вернуться домой, что и было исполнено. Выступал ли кто-либо с речью к нашим солдатам около Таврического дворца, я не знаю, так как оставался у ограды. До какого места дошел с нами прап. Замятин я помню хорошо, так как видел его еще у Таврического дворца, где мне прап. Попов сказал, что он, пр. Замятин, выбран делегатом от роты в С. Р. и С. Д. Вернулся я домой отдельно от роты. Полученного приказания «выступать» я не проверил в Ц. К. С. Р. и С. Д., потому что я знал, что оно исходит не от него, а от В. О. С.-Д. Р. П., но все-таки пошел ради поддержания среди солдат порядка. В Путиловском заводе на митинге пр. Замятин произносил речь, в которой призывал к выступлению в Петроград, с требованием передачи всей власти С. Р. и С. Д. Вспомнить сейчас фамилии, хотя бы некоторых солдат 1 роты, принимавших участие в выступлении, не могу. Из кого именно состоял в то время ротный комитет я также не помню. Список членов ротного комитета, а также нескольких участников выступления я сообщу вам письменно. Зачеркнуто «Утром около», «в» и «до». Показание писал собственноручно.

Шт.-капитан *Жиркович.*

XII.

КОМАНДА МИХАЙЛОВСКОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА.

Постановление [1]).

1917 года, августа 27 дня в гор. Петрограде следственная подкомиссия под председательством полковника Анохина в составе членов — товарища прокурора Громова, подпоручика Малавского и прапорщика Дувина, рассмотрев добытый ею материал по делу об участии команды воинских чинов при Михайловском артиллерийском училище в вооруженном восстании 3—5 июля отдельных частей петроградского гарнизона против Временного Правительства, выяснила нижеследующее:

---

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 34, л. л. 1—3.

Вечером 3 июля 1917 года к казарме команды Михайловского артиллерийского училища, каковая команда, в составе до 350 человек, размещена отдельно от училища в конце Нижегородской улицы (д. № 16) — на Выборгской стороне за военной тюрьмой — в тупике, примыкающем к товарной Финляндской жел. дороге, подъехал автомобиль, в котором сидели вооруженные солдаты Московского и 1 пулеметного полков и, заметив мл. фейерверкера Ивана Григораша, потребовали через него, чтобы команда была готова к выступлению и приготовила бы свои орудия, так как сейчас за ними зайдут Московский и 1 пулеметный полки, уже выступившие против Временного Правительства.

Григораш ответил приехавшим, что команда не выступит, так как не имеет на то разрешения Совета Депутатов и связана в этом отношении общею с училищем резолюциею о невыступлении по иным призывам, кроме призывов Совета.

Приехавшие, сказав: «если вы не выступите, то Московский полк подойдет к вам и заставит вас выступить» — уехали.

После отъезда автомобиля к воротам команды, где еще находился Григораш, собралось человек 15 солдат команды, каковые, окружив Григораша, стали обсуждать случившееся, причем в конце концов решили от приглашения выступить отказаться. Этому решению отчасти способствовало и то обстоятельство, что в тот вечер команда, за исключением человек 25—30, поголовно отсутствовала, частью уехав в свой лагерь в Красное Село, а частью уйдя в город по своим личным делам. Кроме того, весьма большое количество солдат находилось в отпуску у себя на родине.

Вскоре после этого к воротам команды опять подъехал какой-то автомобиль, в котором находились вооруженные солдаты и с ними прапорщик 1 пулеметного полка Семашко, который и потребовал от Михайловцев немедленного выступления со своими орудиями против Временного Правительства для передачи всей власти Советам Депутатов, уверяя, что Московский и 1 пулеметный полки уже выступили.

Видя немногочисленность команды, приехавшие, не вступая с солдатами команды в дальнейшие переговоры, стали их, по их словам, «гонять» и принуждать амуничить лошадей, а так как амуничник 2 батареи был заперт, причем солдата Кутузова, у коего были ключи от него, налицо не оказалось, то приехавшие, сломав замок, запиравший это помещение, самовольно взяли оттуда амуницию и принялись и сами помогать Михайловцам амуничить лошадей.

Вслед за автомобилем на двор команды стали откуда-то появляться отдельные вооруженные солдаты Московского полка, и их в скором времени собралось так много, что они «раза в три» превысили количество солдат команды.

Когда запряжка лошадей была налажена, то Московцы, разыскав каптенармуса Башкирова, у которого были ключи от артиллерийского

сарая, путем угроз заставили его отпереть этот сарай; замок же, запиравший второй артиллерийский сарай, Московцы сломали, так как взводный фейерверкер Алексеенков ушел в тот вечер в город, унеся с собой ключи от этого сарая.

После этого Московцы выкатили из этих сараев два орудия и поставили их на плацу, где стояло еще третье орудие, случайно не убранное после строевых занятий; началась поспешная запряжка орудий.

С выдачей орудий больше всех «торопил» прапорщик Семашко, причем, обратив внимание на несочувствие Михайловцев этому выступлению и нерешительность их действий, он подошел к дежурному по конюшне упомянутому Григорашу, состоявшему председателем комитета команды и пользующемуся особым авторитетом у Михайловцев, и сказал ему: «Что вы сомневаетесь, товарищи!» Когда же Григораш стал говорить о том, что они, Михайловцы, не решаются выступать без ведома Совета Депутатов и действующего в согласии с ним Временного Правительства и что им не совсем понятно, для какой цели и куда требуются орудия, то Семашко на это ответил: «К Таврическому дворцу против Временного Правительства».

Некоторые из Михайловцев все-таки продолжали сомневаться в правдивости заявления Семашко о выступлении Московского и др. полков против Временного Правительства, но в это время через Ломанский переулок на Нижегородской улице появился почти около самой команды Московский полк и расположился частью по Ломанскому переулку, а частью по Нижегородской улице. Отделившиеся от пришедшего полка солдаты побежали в команду Михайловского артиллерийского училища и побудили запрягавших орудия присоединиться с орудиями к полку, поставив их в середину полка.

Зарядные ящики при этом не были взяты, но при орудиях снаряды были.

Боясь, что лошади и орудия, на которых уселись некоторые Московцы с винтовками, могут пропасть, Михайловцы, вооружившись револьверами, решили сопровождать их. Всего поехало 15 человек, из них 8—9 верхом, а остальные при орудиях.

Вместе с Московским и шедшим с ним 1 пулеметным полком Михайловцы дошли до Таврического дворца, а оттуда, отделившись от полков, поехали домой, куда и прибыли часов в 12 ночи [1]).

4-го числа команда не выступала. Лиц, подстрекавших команду к выступлению, кроме упомянутого прапорщика Семашко, установить и обнаружить не удалось.

Так как команда Михайловского артиллерийского училища почти не имела, повидимому, в своей среде лиц, официально принадлежащих по своим убеждениям к фракции большевиков, однако всегда голосовала за их списки, а своим делегатом в Совет Рабочих и Солдатских

[1]) Так в подлиннике.

Депутатов выбрала большевика канонира 1 батареи Аленина, принявшего участие в выступлении Михайловцев против Временного Правительства, то подкомиссия обследовала поведение и деятельность упомянутого Аленина, пользуясь для этого показаниями той же команды и объяснением самого Аленина, так как иного материала добыть не представилось возможным.

Выяснилось, что Аленин, член Совета Рабочих и Солдатских Депутатов фракции большевиков, днем 3 июля был в Таврическом дворце на заседании своей фракции, затем был около дома Кшесинской и часам к 4 дня явился в свою команду. Встретив у ворот команды солдат Курпуса и Боровика, он на их вопрос «что новенького в Совете?» рассказал им, что к ним во фракцию являлись делегаты от Московцев и пулеметчиков и заявляли, что они сегодня, 3 июля, после 5 часов вечера выступят против Временного Правительства. После этого Аленин от себя заметил Курпусу и Боровику, что выступление, вероятно, не состоится и что их фракция большевиков, тоже, как и другие партии, к этому выступлению не призывает.

Никаких иных разговоров и речей в пределах команды в тот вечер Аленин не вел и, побыв на кухне и закусив, ушел вместе со своим приятелем солдатом той же команды Щеголевым погулять около казармы в районе Лесного проспекта.

Однако к тому моменту, когда к воротам команды подъехал автомобиль с прапорщиком Семашко, Аленин оказался в команде, причем вызвался проверить заявление Семашко о выступлении Московского и 1 пулеметного полков и, сев на лошадь, поехал к Ломанскому переулку, откуда вернулся крайне взволнованный с сообщением, что Московский полк уже идет к команде.

В самом выступлении Михайловцев Аленин принял участие, но в такой же степени, как и другие Михайловцы; на обратном же пути от Таврического дворца к казармам Аленин, ведя Михайловцев, отговорил их итти на Невский проспект, куда их приглашали неизвестные лица, подъезжавшие к ним навстречу на автомобилях.

Ввиду изложенного подкомиссия, обсудив, на основании имеющихся данных, поведение канонира Аленина, не только не призывавшего Михайловцев к выступлению, скорей отговаривавшего их от дальнейшего участия в событиях 3 июля и от выезда на Невский проспект, и, не имея данных для предъявления ему обвинения по 51 и 100 ст. угол. улож., а вместе с тем имея в виду, что других виновных, кроме уже привлеченного к следствию в качестве обвиняемого прапорщика Семашко, следствием обнаружить не удалось — постановила:

Настоящее производство применительно к 277 ст. уст. угол. судопр. за необнаружением виновных представить в Особую следственную комиссию на прекращение.

С подлинным за надлежащими подписями верно.

Председатель подкомиссии полковник *Анохин*.

XIII.

ДЕЙСТВИЯ КАЗАКОВ И ГВАРДЕЙСКОЙ КОННОЙ АРТИЛЛЕРИИ.

Протокол допроса [1]).

1917 года, августа 1 дня, судебный следователь 24 участка гор. Петрограда Л. Г. Сергиевский допрашивал нижепоименованных, в качестве свидетелей, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., и они показали:

Я, Василий Михайлович Аверин, православный, 22 лет, хорунжий 1 Донского генералиссимуса князя Суворова полка, живу временно в Петрограде, Атаманские казармы, под судом не был, по делу показываю:

Начиная со 2 минувшего июля и по 4 утром включительно весь наш полк, за исключением 2 сотни, находившейся на охране Путиловского завода, по приказанию главнокомандующего Петроградским военным округом генерала Половцева, был сосредоточен в Зимнем дворце. На нашей обязанности первоначально лежала охрана дворца, а с 4 числа утром, после того как началось вооруженное восстание, когда выступил 1 пулеметный полк и прибыли в большой массе кронштадтцы, нам было приказано разоружать проходящие мимо небольшие группы людей, из кого бы они ни состояли, а также вооруженные автомобили. Исполняя это приказание, мы время от времени выбегали в пешем строю из дворца и занимались разоружением, причем нам пришлось разоружать исключительно солдат и рабочих, вооруженных винтовками. Часов в 12 пополудни, лежа на заборе в садике при Зимнем дворце, я наблюдал, как с Васильевского Острова, через Николаевский мост, мимо занимаемого нами дворца, прошел в полном вооружении 1 пулеметный полк в строю, причем офицеров среди солдат было мало. Полк прошел на Невский проспект. В городе непрестанно велась ружейная и пулеметная стрельба, начиная с первого часа дня, хотя должен сказать, что и накануне, 3 июля, до нас изредка доносилась ружейная стрельба из-за Невы со стороны Невского проспекта, но 4 — стрельба производилась значительно чаще и ясно было, что восстание разгорается. Вскоре за проходом 1 пулеметного полка мимо Зимнего дворца прошли отдельными крупными группами вооруженные кронштадтцы, направляясь частью на Марсово поле, частью на Невский; видно было, что кронштадтцы уже разбились на отдельные группы, из которых каждая преследовала свою задачу. В восьмом часу вечера мы получили приказание от генерала Половцева выступить в составе двух сотен при двух скорострельных орудиях к Таврическому дворцу. Выступили две сотни: 1 сотня нашего полка, в которой состою и я, и сотня 4 Донского полка, при двух орудиях под общей командой

[1]) А. О. Р., ф. 3, д. № 5, л. л. 22 — 25.

присланного из штаба полковника с какой-то немецкой фамилией. Отряд выделил из себя головную часть, взвод нашей сотни под моим командованием, причем непосредственно за головною частью следовало одно орудие. Я выделил из своей части дозор в составе двух казаков, которым приказал зорко следить за всем, что может встретиться на пути и что может угрожать части. Дозор шел впереди приблизительно шагов на сто. Так мы проследовали до Марсова поля, разоружая по дороге встречные автомобили и отдельных вооруженных солдат и матросов, которых попадалось в общем довольно много. Отобранное оружие мы складывали в грузовой автомобиль, следовавший за нами специально с этою целью. На Марсовом поле мы увидели большую толпу, состоявшую частью из вооруженных, частью из невооруженных солдат, матросов и рабочих. Допуская, что по нас может быть открыт огонь со стороны этого сборища, я приказал командуемому мною головному отряду разогнать толпу, что и было исполнено, причем многие из толпы побросали винтовки. Когда я собрал свой взвод, ввиду того, что меня уже догоняло главное ядро нашего отряда, то подъехавший в это время командир отряда, упомянутый полковник с немецкой фамилией, приказал мне следовать непосредственно за ним, предполагая, очевидно, что казаки могут самовольно предпринять невызываемые обстоятельствами действия. Тогда я заявил полковнику, что казаки без повода никого не тронут, но приказание его исполнил, и мы отправились по набережной ускоренным аллюром. Так мы дошли до Литейного моста, на котором я увидел вооруженных рабочих, солдат и матросов, запрудивших мост. Со своим головным отрядом я подъехал к ним и попросил их отдать оружие, но просьба моя исполнена не была, и вся эта вооруженная банда бросилась бежать по мосту на Выборгскую сторону. Не успел я последовать за ними, как какой-то небольшого роста солдат без погон повернулся лицом ко мне и выстрелил в меня, но промахнулся, и пуля задела слегка пах у лошади, причинив царапину. Этот выстрел послужил как бы сигналом, и отовсюду по нас был открыт беспорядочный ружейный огонь, как с самого моста, так и с противоположного берега Невы. С находившимися со мною несколькими казаками я вынужден был повернуть обратно, съехать с моста и встретил перед собою на Литейном проспекте густую цепь солдат, взявших винтовки на изготовку. Под влиянием летевших с Выборгской стороны и со стороны Литейного моста пуль среди этих солдат раздались крики: «Казаки стреляют», после чего по нашему отряду открыт был залповый огонь. Моментально попадали некоторые казаки и лошади из моего взвода, со мною осталось приблизительно всего человек восемь, мы были не в состоянии здесь держаться, а потому с оставшимися людьми я рысью поехал по набережной к Таврическому дворцу и, когда обернулся, увидел следовавшее за мною орудие под командою подесаула сводной казачьей гвардейской батареи Филимонова. О раненых и убитых товарищах думать не пришлось, так как,

подбирая их, мы рисковали почти наверно подвергнуться той же участи ввиду интенсивного обстрела. Когда мы доехали до Потемкинской ул., находясь непосредственно под обстрелом со стороны противоположного берега Невы (Выборгская сторона), а также и с расположенных вдоль берега барж, на которых находились вооруженные солдаты, то мы встречены были выстрелами со стороны Таврической площади. Для нас было ясно, что мы попали в форменную засаду. Ввиду этого мы повернули орудие дулом по направлению к Таврическому дворцу и заняли выжидательное положение, будучи защищены от выстрелов с одной стороны сложенными здесь дровами, а с другой небольшой постройкой. Следуя сюда, мы все время имели перед собою несколько вооруженных солдат, которые по мере нашего приближения частью попрятались на береговые баржи, частью же убежали к Таврическому дворцу. Здесь мы простояли под дождем до вечера и, когда стемнело, отвезли орудие в гараж Таврического дворца, где и поставили его под охраной тех же артиллеристов. Среди последних было несколько раненых. Казаки с лошадьми в количестве шести остались на водокачке, где нашли себе приют, а я ушел на Греческий проспект к знакомому, от которого позвонил по телефону в полк, но ничего не мог добиться, провел здесь время до трех часов утра, после чего пошел с названным своим знакомым, помощником присяжного поверенного Николаем Алексеевичем Козьминым на водокачку к своим людям, предполагая отправиться с ними в полк, но здесь их уже не застал, и мне сказали, что они отправились в полк, в Атаманские казармы, куда отправился и я, прибыв в пять с половиною часов утра. Куда девался командир нашего отряда, вышеупомянутый полковник, после того, как начался обстрел на Литейном мосту — я не могу сказать, я потерял его из виду, а равно не знаю, куда проследовало ядро нашего отряда, и ничего не могу сказать об его судьбе. Из моей головной заставы убиты были казаки: Шапочников, Королев и Синельников. Из нашей сотни были и еще убитые, о чем я узнал впоследствии. Кроме того, из командуемой мною головной заставы было довольно много раненых и контуженных, списки коих имеются у командира сотни, сотника Власова. Должен еще сказать, что когда мы поставили орудие, повернув его по направлению к Таврическому дворцу, то здесь ко мне подходили трое каких-то рабочих и в разговоре между прочим заявили, что им известно, что все происшедшее с нами было предусмотрено: рабочим и солдатам было известно, что мы, казаки, проследуем к Таврическому дворцу, откуда будто бы последовало требование прислать казаков, почему против нас и устроена была засада. В частности нашему отряду дана была, как я это могу удостоверить, определенная задача: следовать к Таврическому дворцу на выручку Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, каковой собирались арестовать мятежники. Самая организация засады ясно указывала на полную осведомленность мятежников о пути нашего следования. На дру-

гой день 5 минувшего июля я узнал, что второй субалтерный офицер нашей сотни хорунжий Хохлачев тогда же и там же был тяжко ранен. Хохлачев, как известно, после ампутации руки скончался. Во время следования моего к Таврическому дворцу возле меня все время находился урядник Анохин, который на Литейном мосту был ранен в руку, после чего он отстал от меня. Более мне показать нечего. Прочитано. Показание с моих слов записано верно:

Василий Аверин.

Суд. следов. *Лев Сергиевский.*

Протокол [1]).

1917 года августа 20 дня судебный следователь С.-Петербургского окружного суда, 1 участка Царскосельского уезда, в своей камере, допрашивал нижепоименованного, в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., который показал:

Сергей Александрович граф Ребиндер, полковник гвардии Конной артиллерии, живу в городе Павловске, 32 года, православный, не судился.

4 июля 1917 года по приказанию главнокомандующего Петроградским военным округом взвод вверенной мне запасной батареи гвардии Конной артиллерии прибыл в 7 часов вечера из Павловска на Дворцовую площадь в город Петроград. В 8 часов вечера того же 4 июля главнокомандующий приказал мне взять по одной сотне от 1 и 4 Донских казачьих полков и два орудия запасной батареи гвардии Конной артиллерии и итти рысью на Шпалерную к Государственной Думе, где всеми мерами, вплоть до открытия огня, рассеять толпу, осаждающую Государственную Думу. Получив вышеизложенное приказание, я построил отряд в следующем порядке: взвод казаков, два конных орудия — остальные казаки, и двинул весь отряд рысью. Маршрут мой был выбран следующий: Миллионная, Суворовская площадь, Набережная, Воскресенский проспект, Шпалерная. Ввиду того, что отряд, двигаясь рысью, сильно растянулся, я перевел его, выходя на Набережную, в шаг. В таком виде в полном порядке отряд дошел до Литейного моста. Находясь лично в голове отряда, при переезде через Литейный проспект, у Литейного моста, я заметил, что какая-то пехотная часть в полном порядке выходила с Шпалерной улицы на Литейный по направлению к Невскому, ее окружала толпа. Увидев головной взвод вверенного мне отряда, кто-то из толпы, а может быть и из воинской части, двигающейся со Шпалерной на Литейный, крикнул: «Казаки», и одновременно со стороны Литейного моста из вооруженного автомобиля последовал ружейный выстрел, после чего началась страшно сильная ружейная и пулеметная стрельба по головной части вверенного мне отряда: со стороны Литейного проспекта, моста, Набережной,

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. 9, л. 161.

из прилегающих домов и даже барок, находящихся на Неве. Точно установить дома, из которых стреляли, немыслимо: пули буквально сыпались со всех сторон. Кроме всего вышеизложенного, удостоверяю, что с Литейного моста стреляли не только матросы, солдаты и штатские, но даже личности в арестантских халатах, которые расстреливали нас буквально в упор. Казаки и конные орудия открыли огонь лишь после того, как в отряде были уже убитые и раненые. Одно из конных орудий снялось с передков на Воскресенской набережной и дало три выстрела по направлению на Литейный мост, другое орудие, за выбытием из строя всей прислуги орудия и всех лошадей, осталось на углу Литейной и было присоединено ко взводу в 2 часа ночи на 5 июля. Силу огня, направленную на головную часть отряда, можно судить по потерям, которые понес взвод запасной батареи гвардии Конной артиллерии: из 80 солдат и 60 лошадей убитых 3 солдата, раненых 17 солдат, и убито 30 лошадей, что составляет 25% солдат и 50% лошадей.

Граф *Сергей Александрович Ребиндер.*

И. д. судебного следователя 1 участка Царскосельского уезда (подпись)

XIV.

ВОЖДИ МЕНЬШЕВИКОВ О 3—5 ИЮЛЯ.

Протокол [1]).

1917 года сентября 11 дня судебный следователь по важнейшим делам округа Гродненского окружного суда допрашивал согласно 443 ст. уст. уг. суд. нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Михаил Исаакович Либер-Гольдман, 37, иуд., не лишен прав, мещ. г. Вильны, живу в Петрограде, Мытнинская ул., д. 5, кв. 48.

Числа 5 или 6 июля Зиновьев и Каменев явились в Таврический дворец с жалобой на разгром конторы газеты «Правда» и с просьбой выяснить, в каком положении находится вопрос о продолжении ее издания. Я поехал вместе с ними в помещение конторы газеты, а оттуда в штаб главнокомандующего. Так как из беседы с ними я заключил, что они готовы способствовать скорейшей ликвидации восстания, я заявил им, что необходимо немедленно освободить Петропавловскую крепость, т.-е. убрать от входа в нее захваченные большевиками броневые машины и вывести всех расположившихся там солдат, оставив только постоянный гарнизон под начальством прежнего законного коменданта. Они предложили мне отправиться вместе с ними в штаб их Военной Организации, помещающийся в д. Кшесинской. Туда мы и отправились. — Здесь я был введен в комнату, где происходило

[1]) А. О. Р., ф. 3, д. № 12, ч. I, л. л. 119—121.

собрание, по всем видимостям, Военной Организации. На вопрос Зиновьева или Каменева, точно не помню, в каком положении находится Петропавловская крепость, отвечали лично мне известный Раскольников и какой-то солдат, выступавший в качестве выборного от гарнизона Петропавловской крепости. Оба они говорили о том, что крепость приведена в полную боевую готовность, увеличен запас снарядов, а орудия в любой момент готовы открыть пальбу по городу. После этого Каменев и Зиновьев предложили мне выждать результатов совещания в другой комнате. Я прождал там около получаса. Выйдя оттуда, Зиновьев и Каменев сообщили мне, что выставленные мною требования об очищении крепости и дома Кшесинской, равно как о ликвидации всего движения могут быть немедленно выполнены под единственным условием, чтобы кронштадтцам была предоставлена возможность беспрепятственно в полном составе и с оружием вернуться в Кронштадт. Выразив, с своей стороны, готовность добиваться принятия ЦИК С. Р. и С. Д. такого соглашения, я заявил, что не уполномочен дать окончательный ответ и предлагаю поэтому кому-нибудь поехать вместе со мною в Таврический дворец. В случае положительного ответа ЦИК должен был предоставить большевикам техническую возможность издать воззвание с призывом к немедленной ликвидации всего движения. По полномочию большевиков со мной поехали Каменев и еще двое, фамилии коих мне неизвестны. По дороге у Дворцового моста мой автомобиль был задержан часовым, и мне пришлось ехать в штаб округа за пропуском. Пока я был в штабе, Каменев с его спутниками оставались в автомобиле. Кем-то из толпы он был узнан, и, по требованию толпы, он был задержан в штабе. Попытки мои уговорить толпу солдат и офицеров пропустить его ни к чему не привели, и я не мог, таким образом, добиться скорейшего рассмотрения этого вопроса в ЦИК. Я попал в Таврический дворец только к 7 часам вечера. Несколько времени спустя туда появилась многочисленная делегация от кронштадтцев во главе с Раскольниковым и Рошалем для дальнейших переговоров. Но к этому времени обстановка уже сильно переменилась: стали прибывать части сводного отряда, и ежеминутно можно было ждать кровавых столкновений. Всячески заботясь о бескровной ликвидации восстания, Бюро ЦИК, заседавшее под моим председательством, считая невозможным в данный момент допустить выход кронштадтцев из Петрограда с оружием в руках, так как одно их появление на улице с оружием могло вызвать ряд кровавых эксцессов, поставило им новые условия: 1) они должны немедленно сдать все находящееся при них оружие, 2) должны совершенно очистить д[ом] Кшесинской, 3) они будут поименно переписаны, 4) все это они должны выполнить в продолжение трех часов. Только при этих условиях ЦИК гарантирует им беспрепятственное возвращение в Кронштадт. Условия эти были нашим Бюро предъявлены кронштадтцам ультимативно. После долгих совещаний они заявили, что не могут принять наш ультиматум,

не спросив остальных матросов. Зная, что через несколько часов дом Кшесинской будет окружен войсками, но не считая себя в праве их об этом предупреждать, так как у нас были опасения, что и это может привести к кровавым столкновениям, мы заявили им, что всякие дальнейшие переговоры мы считаем невозможными. Всю ответственность за возможные тяжелые последствия мы возлагаем на них. На собрании Военной Организации, насколько я могу припомнить, из знакомых мне лиц присутствовал только Раскольников.

Михаил Гольдман-Либер.
И. д. судебного следователя (подпись).

Протокол [1]).

1917 года сентября 23 дня судебный следователь 3 участка Валкского уезда округа Рижского окружного суда допрашивал, согласно 443 ст. уст. уг. суд., нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Федор Ильин Гурвич, 43 лет (Ф. Дан), военный врач, товарищ председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, проживающий по Сергиевской ул., д. 50, кв 9, вероисповедание православное, посторонний.

Изложение содержания речей моих, как оно сделано в предъявленных мне вырезках из №№ 108, 110 (две вырезки), 115 и 117 «Известий Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», в общем — правильно. При своих выступлениях по вопросу о причинах анархических вспышек и роли большевиков в этих движениях я всегда руководился одними и теми же соображениями. Я полагал, что всякого рода вспышки объясняются недовольством, которое питает в народных массах экономическая разруха, порожденная трехлетней мировой войной. Политическую же вину большевиков я видел в том, что, вместо разъяснения массам как неизбежности их страданий, пока не будет закончена война и не восстановится разрушенное ею народное хозяйство, так и невозможности по своему произволу в любой момент закончить войну на таких условиях, которые не увековечивали бы этих страданий, они демагогически [2]) использовали народное недовольство и подлаживались к массовым настроениям, совершенно не учитывая, к каким последствиям это ведет. В этом смысле я говорил в своих речах о политических преступлениях большевиков, но совершенно не имел никогда в виду обвинять кого-либо из них, не говоря уже о целой партии, в преступлениях в смысле уголовно-судебном. Для этого у меня решительно никаких данных и не было. Точно так же, будучи глубоко убежден, что агентура германского генерального штаба примазывается ко всем

[1]) А. О. Р., ф. 3, д. № 12, ч. II, л. л. 279—281.
[2]) Слог «ог» — вписан под строкой.

движениям такого характера, как движение 3—5 июля, я в то же время никого из большевиков, а тем более всю большевистскую партию никогда не обвинял в германском шпионаже. Более того, на одном из заседаний Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, — на каком именно, теперь точно не помню, — я публично заявил, что совершенно не верю обвинению Ленина и Зиновьева в связи с германским штабом. И если я все-таки настаивал на их обязанности явиться к следователю и на гласный суд, то потому, что считаю обязанностью всякого политического деятеля, которому предъявляют обвинения в организации движения, повлекшего за собою стрельбу на улицах и вызвавшего массу жертв, а тем более позорящего обвинения в шпионстве, — путем судебного разбирательства снять с себя эти обвинения и обличить обвинителей.

При допросе мне были предъявлены вырезки из «Известий Петр. С. Р. и С. Д.» из №№ 108, 110 (две вырезки), 115 и 117, содержащие изложение речей моих, произнесенных в заседаниях ЦИК С. Р. и С. Д. и солдатской секции Петрогр. С. Р. и С. Д. в связи с событиями 3—5 июля (были предъявлены указанные вырезки). Удостоверяю, что содержание речей моих изложено правильно.

В ночь с 3 на 4 июля я находился безвыходно в Таврическом дворце, где происходило объединенное заседание ЦИК С. Р. и С. Д. и Исп. Ком. Всер. Сов. Крест. Депутатов. К дворцу все время подходили вооруженные части войск и толпы рабочих с требованием перехода всей власти в руки ЦИК. Входные двери были закрыты, но отдельные солдаты и рабочие проникали как в Екатерининский зал, так и в зал заседания. В вестибюле мне лично пришлось столкнуться и беседовать с вооруженным молодым рабочим лет 18—19 и столь же молодым солдатом. Оба были возбужены до крайней степени и производили впечатление людей почти невменяемых. Они требовали выхода Церетелли для объяснений. На мое замечание, что Церетелли занят, они заявили, что он должен бросить все, когда его требует революционный народ. Я ответил им, что они могут говорить только от своего имени и имени пославших их. От имени же всего народа имеет право говорить только ЦИК, которому они свою волю навязать не могут. И рабочий и солдат были во время этого разговора так возбуждены, что один из стоявших рядом со мною рабочих-большевиков — имени его не знаю — настойчиво убеждал меня прекратить эту беседу, ибо собеседники мои явно не отвечали за свои действия. При попытках арестовать Чернова я не присутствовал, но, находясь с внутренней стороны стеклянной входной двери, видел какое-то движение на парапете и слышал крики, а затем кто-то прибежал сказать, что Чернова арестовали. Я обратился к караульным солдатам, находившимся в Екатерининском зале, убеждая их выручить Чернова, но солдаты, видимо, боялись и призыву моему не последовали. Вскоре я узнал, что Чернова освободил Троцкий, а затем увидел в зале и самого Чернова. Когда мне сказали, что

охрана дворца недостаточна и что вооруженные люди проникают во дворец, я обратился к нескольким солдатам, — если не ошибаюсь 178 [1]) пехотного полка, также пришедшего демонстрировать в пользу перехода всей власти к Советам, и просил их взять на себя охрану Екатерининского зала и никого не пропускать туда из вестибюля. Солдаты привели командовавшего ими прапорщика, и по его команде около полуроты солдат этого полка вошли во дворец и расположились шпалерами между вестибюлем и Екатерининской залой для ее охраны. Перелом в настроении наступил, когда подошла с музыкой рота одного из гвардейских полков, — если не ошибаюсь, Преображенского, — с заявлением своей готовности всецело подчиняться распоряжениям ЦИК. После этого все демонстранты стали расходиться, и постепенно двор Таврического дворца и окружающие его улицы опустели.

В своих речах в связи с событиями 3—5 июля я постоянно подчеркивал, что такие события должны крайне вредно отражаться на фронте, где как раз в это время армия переходила в наступление. Я утверждал также, что события эти непременно пойдут на пользу контр-революции, возбуждая негодование широких народных масс и вызывая у них разочарование в революции и жажду порядка во что бы то ни стало.

На предложенный мне вопрос, кто является автором статьи в «Известиях» от 2 июля № 107, я, хотя и являюсь редактором «Известий», сейчас ответить не могу, так как точно не помню. Но, кажется, статья эта написана Войтинским.

Настоящее показание записал собственноручно. Исправлено: «демагогически». *Ф. Гурвич (Ф. Дан).*

И. д. суд. следователя *В. Ножанский.*

Протокол [2]).

1917 года октября 5 дня судебный следователь по важнейшим делам округа Гродненского окружного суда в г. Петрограде допрашивал, согласно 443 ст. уст. уг. суд., нижепоименованного, в качестве свидетеля, и он показал:

Богданов Борис Осипович — дополнительно.

На дополнительно поставленный вопрос о самих событиях 3—5 июля ответил следующее:

3 июля, часа в 2 дня, в Таврическом дворце распространился слух, что 1 пулеметный полк собирается 3 же числа около 5 ч. дня выступить с оружием в руках на улицу. Так как этот пулеметный полк неоднократно грозил выйти на улицу, то вначале к слуху о выступлении отнеслись недоверчиво. Пошумят, пошумят и разойдутся по казармам. Но слухи стали крепнуть, и скоро со всех сторон города — из казарм и заводов — стали звонить и сообщать о полученном приглашении пулеметчиков присоединиться к их выступлению. Позвонили нам со стан-

[1]) Вероятно, 176.

[2]) А. О. Р., ф. 3, д. № 12, ч. II. л. л. 500—501.

ции Финляндского вокзала: поезд не выпускается, на ближайшей к городу станции расположены пулеметы, Финляндия отрезана. Послали проверить — оказалось, правда: к станции, занятой пулеметчиками, наш автомобиль не был пропущен расставленными ими постами. Скоро на улицах появились грузовики с пулеметами и вооруженными солдатами и рабочими, — и картина отчасти начала походить на дни 27—28 февраля, когда вооруженный народ в целях агитации разъезжал по городу. К вечеру толпы возросли. К Таврическому дворцу всю ночь приходили солдаты и рабочие. Движение разрослось, а с того момента, как в нем приняли участие большевики и выкинули лозунг: «Вся власть Советам», оно приняло и несколько организованный характер.

Роль большевиков в выступлении 3—5 июля бесспорно отрицательная. Они дали, так сказать, идеологию движению, которое имело все внешние признаки подозрительного движения, ведь, судя по началу, его не вызывала ни одна политическая партия демократии. Можно было считать, что его, это восстание пулеметчиков, вызвали и организовали вражеские агенты, можно было полагать, что это — происки контрреволюционеров, замаскировавшихся и спрятавшихся под плащем друзей народа, только в лучшем случае движение, организованное пулеметчиками, можно было отнести к бунтарству, к вспышкопускательству примитивных легкомысленных людей. Большевики вмешались в это движение. Они дали лозунги и благословили самое движение. Они содействовали привлечению к нему симпатий рабочих масс. В дальнейшем они принялись организовывать его. В оформленном виде это движение шло под лозунгом: «Вся власть Советам», было движением, направленным против Временного Правительства и в первую очередь против Центрального Исполнительного Комитета, поддерживавшего Вр. Правительство. Я скажу даже прямее: движение было против ЦИК с тем, чтобы косвенно нанести удар Вр. Пр-ву. Этим, вероятно, объясняется, что все «действо» разыгралось вокруг Таврического, а не Мариинского дворца. Во-вторых, политически вопрос сводился к тому, чтобы заставить, вынудить ЦИК С. Р. и С. Д. признать необходимость взять власть в свои руки. В этом последнем случае сразу решена была бы и первая задача — свержение Вр. Пр-ва.

На Центр. Исп. Ком. было организовано самое серьезное давление. Во время событий все время заседали Советы Раб., Солд. и Крестьянск. Депутатов. Было в это время и заседание рабочей секции Петроградского Совета Раб. и Солд. Деп. На этом заседании многие деятели ЦИК отсутствовали, занятые организацией прекращения возникших волнений. На рабочей секции был большевиками поставлен вопрос о переходе власти в руки народа, была избрана специальная комиссия, сущность которой мне до сих [пор] не ясна. Была ли эта комиссия подготовительной к организации стихийно вспыхнувшего движения, была ли эта комиссия создана для давления на ЦИК С. Р. и С. Д., была ли, наконец, организована рабочая часть Исп. Ком. на случай перехода

власти в руки Советов Раб. и Солд. Деп., но постановление раб. секции в бурлящей обстановке дней 3—4 июля было, конечно, направлено к закреплению за бунтом пулеметчиков определенного политического содержания. В дни 3—4—5 июля было организовано еще одно средство давления на ЦИК С. Р. и С. Д., так сказать, «изнутри». Вероятно большевиками, был отдан приказ по своей организации — присылать делегации от фабрик и заводов и казарм с требованием перехода власти в руки Советов и допущения этих делегатов на заседание Центрального Исп. Ком. с решающим голосом. Делегации с мандатами, обыкновенно на бланках фабрично-заводских комитетов, большей частью большевистских, причем текст мандатов однообразен, одинаков почти буквально, соб[и]рались в Таврическом дворце и настойчиво добивались допущения на заседания ЦИК С. Р. и С. Д. Это происходило в то время, как Таврический дворец был окружен толпами вооруженных людей.

Каков был характер движения 3—5 июля? Я затрудняюсь ответить определенно. Я до сих пор не знаю, было ли это вооруженное восстание или вооруженная демонстрация. Внешние признаки говорят о том, что это было вооруженное восстание. Нам, находившимся в Таврическом дворце в те дни, это казалось почти совершенно ясным. Положение тогда было такое, что вот-вот ворвутся эти вооруженные толпы, разнесут Таврический дворец, переарестуют или перестреляют нас, если мы откажемся взять власть в свои руки. Много было внешних поводов для таких настроений. С другой стороны — ряд сомнений — действительно ли это движение было вооруженным восстанием. И самое существенное — это, что вооруженные толпы могли нас свергнуть хотя бы на 1—2 дня, могли свергнуть в эти дни Вр. П-во и не сделали ни того, ни другого, несмотря на все крепкие резолюции и все крепкие слова и даже [1]) отдельные действия, вроде ареста Чернова, перестрелки и пр. Я поэтому склонен характеризовать движение 3—5 июля как вооруженное в ы с т у п л е н и е [2]), имевшее целью заставить ЦИК С. Р. и С. Д. взять под непосредственным давлением физически сильных масс власть в свои [3]) руки и тем самым заставить, наконец, уйти Вр. П-во.

Не взирая на всю грозность положения, мы под угрозой штыков отказались взять власть в свои руки [4]) и 5-го [5]), к ночи, имели в своем распоряжении «за ЦИК С. Р. и С. Д.» и «Вр. П-во» почти весь тот гарнизон, который 3—4—5 июля манифестировал с лозунгом: «Вся власть Советам».

Писал собственноручно *Б. Богданов*.
И. д. судебного следователя (подпись).

---

[1]) Далее зачеркнуто: «разроз.».
[2]) Подчеркнуто в подлиннике.
[3]) «Свои» над строкой.
[4]) Зачеркнуто «к».
[5]) Первоначально было: «му».

Октябрь на фронте.

Окончание [1]).

Разговор по прямому проводу 1 ноября 1917 г. ген. Черемисова с ген. Болдыревым о захвате власти в V армии Армейским Комитетом [2]).

— У аппарата командующий армией? — Сейчас подойдет главкосев.

— У аппарата главкосев генерал Черемисов. — Здравствуй, Василий Георгиевич. Какое недоразумение произошло у тебя в армии и ликвидировано ли оно?

— Здравствуй, Владимир Андреевич. Произошло следующее. Двинск фактически во власти Армискома. Недоразумение происходит по основному вопросу — моему решительному несогласию на продвижение войск армии к Петрограду. Армиском стоит на противоположной точке зрения и принимает меры самостоятельных в этом отношении распоряжений. Вопрос об аресте командного состава не исключается. Хотя председатель Армискома мне сейчас заявил, что с этой стороны опасений быть не может, так как вопрос оперативной части и прочности фронта всецело признается и ими, но, при отсутствии в своих руках фактической силы, конечно, приходится допускать всякие возможности. Настроение в Двинске очень нервное. Во всяком случае, я не теряю надежды установить положение, которое бы гарантировало целость фронта и прочность обороны. Вот все, что имею тебе доложить. *Болдырев.*

— С какой целью хочет посылать Армиском войска под Петроград? Ведь наряда от пятой армии не было, кроме броневого дивизиона, который ставка приказала послать. Но он, кажется, не пошел.

— Настоящая посылка имеет, по сообщению Армискома, целью иметь свои войска в Режице с целью обеспечения, якобы, от нашествия Каледина. Для ориентировки должен доложить, что здешний Армиском стоит на точке зрения исполнения приказов о посылке подкреплений не ставки, а руководящей партии большевиков из Петрограда. Мне стоило невероятных усилий воспрепятствовать этой идее и поставить всех на точку зрения сохранения войск армии на фронте и исключительно для обороны своих позиций. Это мнение не

[1]) «Красный Архив», т. XXIII, стр. 149—194.

[2]) Военно-Исторический Архив, ч. I, д. № 222—093, л.л. 40—43.

разделяется Армискомом, на стороне которого большинство армии. *Болдырев.*

— А разве они не боятся, что откроют фронт противнику?

— Этот вопрос я ставил категорически, и в настоящее время мне удалось заставить отклонить это решение. Но сегодня вопрос стал во всю широту, и частичная посылка, якобы, для охранения Режицкого узла, уже намечена и, видимо, проводится при поддержке широко организованной воинской силы. Все те небольшие части, которые могли быть противопоставлены этому намерению, заявляют, что они будут держать только нейтралитет. Полагаю, что Армиском пока хочет ограничиться охранением Режицы стоящими на его стороне войсками. Вся трудность положения заключается в том, что сильное большинство Армискома стоит на исключительно партийной точке зрения большевистской и эту точку зрения широко проводят в массе. Правительственные же партии крайне не энергичны и слабы и сорганизоваться надлежащим образом не могут, хотя комиссар Пирогов и делал попытки в этом направлении. Попытка организовать Комитет Спасения родины и революции также идет крайне вяло и, таким образом, все руководство пока в руках большевиков Армискома. *Болдырев.*

— А где председатель Армискома сейчас?

— Сейчас идет заседание, ему позвонили по телефону, чтобы приехал.

— Тогда, если он не выехал, скажи, чтобы не беспокоился, потому что я сейчас должен говорить с XII армией, и передай ему следующее: по полученным сведениям, под Петроградом столкновения обеих сторон прекращены, обе стороны стремятся прекратить братоубийственную распрю и договариваются об условиях; необходимо, чтобы и у вас под Двинском был полный порядок и спокойствие. Можно быть каких угодно политических воззрений, но нельзя не понимать, что, в случае беспорядков, немцы сметут Россию с карты Европы; не могу допустить, чтобы общественные организации V армии не понимали этого. Сейчас я буду говорить с ставкой и решительно буду просить еще раз отменить все наряды войск с нашего фронта, так как это может гибельно отразиться на оперативной стороне дела. *Черемисов.* Больше ничего?

— Больше ничего. До свидания. *Болдырев.*

Разговор по прямому проводу 1 ноября 1917 г. ген. Черемисова с ген. Юзефовичем о положении в латышских частях XII армии [1]).

— Там ли командарм? Доложу сейчас главкосеву.

[Черемисов].— Рассказывай, Яков Давыдович, я слушаю.

[Юзефович].— У меня положение такое: во всех армейских корпусах настроение выжидательно тревожное, причем в частях,

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 222—093, лл. 44—49.

стоящих в первых линиях, атмосфера более здоровая, в латышских же бригадах положение чрезвычайно острое. Как я докладывал, первый и третий полки пришли самовольно в Венден, где остаются до сих пор, шестой и седьмой латышские полки перешли самовольно в Вольмар, а оттуда собираются идти в Валк. Начальник второй латышской бригады был арестован, но успел пробраться в Валк; арестованы почти все офицеры, полками командуют большей частью какие-то прапорщики; значительное число латышских стрелков разбрелись по окрестностям, много накопилось одиночным порядком уже в Валке, остальные четыре латышских полка стоят на своих местах, арестовав большую часть офицеров. Полковник Вацетис, вступивший в командование второй бригадой, доносит, что пятый и восьмой полки в любую минуту готовы выступить, если понадобится, на позиции. Из расспросов выясняется, что Военно-Революционный Комитет, составленный почти исключительно из латышских организаций, объявил полкам, что вся власть перешла в руки Комитета, что ему подчинились начальники, и тому подобное. Вообще пущен был в ход весь арсенал провокации. Нужно сказать, что среди латышских полков тоже есть партийность, и не все люди [1]), тоже есть партийность и разногласие, но полки явились оружием в руках большевиков. Вчера закончился армейский съезд в Вендене. Большевики прибегали к самым демагогическим приемам, чтобы сорвать его. После больших уступок со стороны правой, наконец, как будто пришли к соглашению, а именно: образовался Комитет из двадцати трех большевиков и такого же числа небольшевиков [2]), но затем вышел спор из-за председателя. Постановили иметь их двух: большевика Медведева и небольшевика Лихача. Вчера в числе пунктов, принятых большевиками, стоял следующий: полный нейтралитет в смысле отправки войск в Петроград и немедленное прекращение самовольных передвижений войск в пределах армии, отмена всех распоряжений, сделанных Военно-Революционным Комитетом, и возвращение самовольно ушедших частей на свои места. Когда сегодня ночью, после сконструирования Комитета, перешли к деловому обсуждению приведения в исполнение указанного выше относительно войск, перемещенных Революционным Комитетом, то большевики отказались это выполнить и ушли из заседания. Сегодня прибыли в Валк только некоторые члены вновь избранного Комитета из числа небольшевиков, все же большевики остались в Вендене. Между прочим, на съезде решено было собрать к шестнадцатому [3]) ноября новый армейский съезд. Совершенно опре-

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) На съезде происходила ожесточенная борьба между правым и левым блоками, правый блок руководился Черновым, численно силы блоков были почти равны. Временный Искосол состоял из 22 большевиков и 22 правых эсеров и меньшевиков.

[3]) Неверно: съезд назначался на пятнадцатое ноября.

деленно можно сказать, что большевики ведут политику затягивания, имея совершенно определенный план захвата власти в сьои руки и, я сказал бы, вызова в армии гражданской войны. Тебе, должно быть, докладывал Барановский мой разговор с ним и мои опасения, повторяю еще раз: двенадцатая армия находится в исключительном положении, будучи расположена вся на латышской территории. Латыши везде — и на фронте, и на флангах, и в тылу. Край кишит немецкими агентами, среди большевиков, убежден, есть немецкие шпионы. Много приверженцев немецкой ориентации, вследствие совокупности политической обстановки. Есть и офицеры-латыши, стоящие на немецкой ориентации. Я предполагаю возможность правильно разработанного германским генеральным штабом плана захвата всех узлов и железнодорожной линии, питающей армию, с тем, чтобы заставить сдвинуть фронт. Поступают отовсюду сведения о готовящемся нападении на штаб армии с целью захвата управления армией, внесения дезорганизации в таковое управление. Вместе с тем — внесение разрухи на железных дорогах и прекращение подачи продовольствия; обстановка такова, что у меня нет реальной силы, чтобы воспрепятствовать, ибо нет надежных частей; если что-либо снять, то сейчас же это будет использовано большевиками как попытка командного состава ослабить фронт и отправить войска в Петроград. Я хотел придвинуть 4 донскую дивизию, поставив на ее место 14 кавалерийскую, но последняя вынесла резолюцию, что никуда не пойдет, и провожала 17 кавалерийскую дивизию с угрозами. Всякая попытка командного состава подавить вооруженной рукой возможные замыслы будет истолкована как контрреволюционный акт. 17 кавалер. дивизия — более надежная, но вынесла резолюцию: сохранение нейтралитета и выступление только для прекращения бесчинств и грабежей, — как видишь, положение очень тяжелое. Быть может, у меня предвзятая мысль относительно германского плана, но надо быть готовым к нему. Как тебе известно, весь фронт, с точки зрения боевой и моральной устойчивости, более чем хрупок. Трудно представить себе последствия, когда вся эта масса ринется назад; я напрягаю все усилия, чтобы избежать первого выстрела, успокаиваю, что никаких войск не отправляю из армии в Петроград. При этих условиях нельзя ничего выдергивать, а, между тем, сюда приехали уполномоченные Керенского — представитель [1]) союза броневиков, чтобы взять 5 броневой дивизион. Я категорически запретил, но он ведет какие-то разговоры с Псковом, пытается самовольно захватить подвижной состав и отправить дивизион. Эти все вторгающиеся в управление армией благополучно уедут, а ведь расхлебывать придется нам. Считаю, что [при] всякого рода вторжении нельзя командовать армией. Считаю, что надо подумать на всякого рода возможности [1]) на случай, если начнется в недрах армии

[1]) Так в подлиннике.

гражданская война. Мы сидим на бочке с порохом. Пока все. Не откажи высказать свои соображения и осведомить об обстановке.

Разговор по прямому проводу 4 ноября 1917 г. ген. Черемисова с ген. Юзефовичем о положении в XII армии [1]).

— У аппарата главкосев генерал Черемисов. Здравствуй, Яков Давыдович. Что скажешь?

— Разреши доложить следующее: несмотря на мой приказ армии латышским полкам вернуться на свои места, они, руководимые Военно-Революционным Комитетом, этого не исполнили. Вчера сконструировался новый Искосол, составленный, как я сообщал, из 23 большевиков и 23 небольшевиков, при двух председателях. И правая и левая части Искосола тоже приняли резолюцию о возвращении самовольно ушедших частей на места. Однако Военно-Революционный Комитет, находящийся в Вендене и составленный преимущественно из латышских организаций, с Искосолом не считается. Сегодня утром шестой Туккумский полк самовольно снялся из Вольмара и, при четырех офицерах, выступил походным порядком в Валк, предполагая ночевать в Стакельне, где к ним должна присоединиться первая батарея 42 тяжелого дивизиона, который, вопреки донесения командира дивизиона, оказался не в Коккенгофе, как это было указано, а в Стакельне. Есть слух, что вслед за шестым тронется в Валк и 7 полк. Могу ли говорить откровенно, нет ли там около тебя контроля?

— Нет никого.

— Мои опасения относительно систематического выполнения плана захвата главных узлов подтверждаются. Латышские полки могут оказаться, сами того не сознавая, равно как и русские части, которые к ним могут присоединиться, слепым орудием в немецкой руке. Попытки, все старания воздействовать уговором не приводят к результату; от Армейского Комитета мне пока решительно никакой реальной помощи нет. Настроение в прочих войсках пока спокойное. Сегодня 196 украинцев 17 сибирского полка с поручиком Руденко самовольно ушли с винтовками в 33 дивизию; ко мне поступают заявления от поляков тоже о выделении, предупреждая, что если до известного числа не будут выделены, то начнутся самовольные уходы; опасаюсь, что всплывут такие уходы. Вот все, что главнейшее. Я положительно лишен возможности управлять армией, когда в ней распоряжается кто угодно и нет средств противодействовать этому. Все.

— Чем же я могу тебе помочь? Если у тебя нет надежных войск, на которые ты мог бы опереться, то у меня тем более таких войск нет. Скажи, какой поддержки ты от меня ожидаешь?

---

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 222—093, л.л. 137—145.

— Нельзя ли мне предоставить одну надежную бригаду 49 корпуса, которую экстренно подвезти к Валку? Я опасаюсь и Юрьева, где около 5.000 латышей в запасном полку. Единственно у меня наиболее серьезный вопрос это латышский. По теперешним временам надо быть ко всему готовым. Хотя представители общественных организаций и уверяют меня, что тут национального латышского движения нет, но, быть может, в народе этого и нет, но среди некоторых вожаков безусловно есть немецкая ориентация. Многие лица очень подозрительны; я опасался открыто объявить о моих опасениях войскам, дабы не вызвать национальной вражды. Практически, пожалуй, это привело бы к худшему, ибо сейчас же обвинили бы в провокации. Скажи, пожалуйста, кто комиссар во фронте? [1])

— Все волнения на фронте происходят вследствие движения войск, направляемых ставкой на север, по направлению к Петрограду, и хотя ставка объявила, что на Петроград войска больше не посылаются для гражданской войны, а двигаются в район Луги для расположения в стратегическом резерве и двигаются потому, что повернуть их сейчас обратно невозможно, тем не менее массы не понимают этого и волнуются, предполагая контр-революционные замыслы. Ты можешь объявить в армии, что никакие части на Петроград не двигаются для гражданской войны ни с других фронтов, ни тем более с нашего — это внесет успокоение. А затем, насколько я успел ознакомиться с требованиями и желаниями различных политических партий, ни одна из них, не исключая и большевиков, не желает открыть фронт противнику, а следовательно, они будут поддерживать все меры, направленные к тому, чтобы не дать возможности немцам опрокинуть наш фронт, то-есть они будут задерживать [2]) и меры против немецких шпионов. Нужно открыто смотреть на создавшееся положение и говорить со всеми партиями, не кривя душой, открыто. И они, так же, как и все мы, стоят за то, что армия должна приложить все усилия к удержанию ныне занимаемых позиций, — пусть они верят кому угодно и поклоняются чему угодно, но помогают нам, то-есть командному составу, в нашей оперативной задаче. Если же они смотрят иначе, тогда одно из двух — либо надо их устранить, либо мы должны уйти, что зависит оттого, какими силами мы и они располагаем, никакие средние решения недопустимы.

— Все это я отлично понимаю. О том, что ничего не отправляется на Петроград, объявлено. Принял все меры, чтобы все знали бы о малейшем движении войск и тому подобное, но это цели не достигает. Разделяешь ли ты мои опасения относительно правильно разработанного немецкого плана, заключающегося в занятии важнейших пунктов, с тем, чтобы внести разруху на фронте и заставить нас отойти?

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Так в подлиннике. Надо, очевидно, «поддерживать».

Мне одно видное латышское лицо в разговоре сказало, что латыши изверились в Россию, что автономию им скорее даст Германия и что даже может оказаться, что латышские полки будут сражаться против нас.

— Я думаю, что латыши не пойдут против нас, потому что они понимают, что если это случится, то наши армии, стоящие на фронте, скифским потоком ринутся назад и, как саранча, уничтожат все на своем пути, а прежде всего уничтожат латышские хутора и деревни. Латыши не могут не понимать, что земля будет спасена от полного разорения лишь при правильной демобилизации армии; они ведь знают, как сейчас грабят их одиночные дезертиры и небольшие банды беглецов с позиций, что же это будет, когда хлынет вся масса войск, стоящих на фронте? — 49 корпус находится в твоем распоряжении, следовательно, ты можешь распорядиться им как угодно.

— Что ты сказал, мною почти дословно было сказано представителям латышского общества; и они и народ это понимают, но весь вопрос в том, что им выгодно разорить край тем или иным способом, и чем больше будет уничтожено латышей, тем вернее прочное господствование немцев в Латвии, а среди вожаков есть такие, которые являются германскими агентами. В темной массе они бросают лозунги: чем больше разруха, тем скорее мир. Не откажи сказать, что на других фронтах?

— Что делается на других фронтах, я, к сожалению, не знаю. Ставка нас не ориентирует и, повидимому, сама подпала под влияние разных политических партий. Я всегда решительно стоял за невмешательство армий в политику, так как это может кончиться гибельно для государства. Придут немцы, сметут все партии и водворят свои порядки. Советую и тебе не вмешиваться ни в какую политику, а исполнять свою оперативную задачу и все вопросы ставить на практическую почву. Пусть латыши разводят какую угодно политику и стремятся к кому угодно, к нам или к немцам, но они не могут не понимать, что с ними случится в ближайшем будущем, если произойдет развал фронта и войска вернутся назад голодные, оборванные.

— Ни в какую политику не впутываюсь, предоставляя в этом отношении полную свободу; есть политика, которая не может не отразиться на прямой боевой задаче; еще раз подчеркиваю, что немецкие агенты не считаются с разорением края. Что в Петрограде?

— Немецких агентов надо ловить и расправляться с ними, как с шпионами. В Петрограде, по имеющимся сведениям, полное спокойствие и порядок; повидимому, захватившие в руки власть стараются всемерно не дискредитировать ее хулиганскими выходками. Приехавший оттуда шофер рассказывал, что с пойманными...[1]) красногвардейские патрули расправляются на месте, уничтожая их. Вообще

[1]) Следующее слово не разобрано.

у нас связи никакой с Петроградом нет, получаем только случайные сведения, как, например, от шофера, ездившего за семьей наморштасева. С морским министром есть связь, но там на аппарате дежурит агент Революционного Комитета.

— Как поймать агентов и шпионов, когда многие из них — под маской любимых народных вожаков, и масса всегда пойдет за ними, не поверит другим, а улик нет. До нас дошли слухи, будто ночью в Петрограде было неспокойно.

— Если невозможно поймать немецких агентов, то и говорить не о чем. Я говорю о том, что мы должны делать и к чему стремиться, а удастся ли это осуществить — дело другое. Относительно последней ночи в Петрограде мне ничего не известно, газеты приходят, но с большим опозданием. Я жду, что, наконец, все это как-нибудь уладится и определится наше положение, ставшее теперь странным и даже глупым, я говорю про командный состав. Ставка не дает никаких указаний, осуществимых на практике по обстановке. Я уже заявлял о своем желании устраниться от всей этой передряги, но не решаюсь пока этого сделать, опасаясь общего пожара на фронте. До сих пор мне удается сдерживать все бесчисленные комитеты и войска фронта от эксцессов. У нас в Пскове дело кончилось выпуском арестованных солдат и грабежом одного ювелирного магазина. Все это удается достигнуть лишь благодаря тому, что я всемерно удерживаю ставку от посылки войск на север через станцию Псков. Это именно обстоятельство и создает все эксцессы. Вчера I армия, узнав, что финляндцы продолжают движение на Лугу, постановила половину армии послать для нападения на них с тыла, а другую половину оставить в окопах. Комиссары бывшего Временного Правительства избрали очень милую для них тактику: как только обстановка складывается для них неблагоприятно, они удирают из Пскова, — так удрал Войтинский, а за ним его помощник Савицкий. Нынешний комиссар Шубин балансирует между двумя стульями и, я думаю, скоро также даст тягу, и только мы, командный состав, при всех обстоятельствах должны оставаться, как часовые, на своем посту и расплачиваться за свои и чужие ошибки. Пресловутый Комитет Спасения революции, принадлежащий к партии, которая около 8 месяцев правила Россией и травила нас, командный состав, как контр-революционеров, теперь поджала хвосты, распустила слюни и требует от нас, чтобы мы спасли их. В то время, как большевики успешно пропагандируют в войсках, эти господа ограничиваются только тем, что ссорятся между собой и требуют помощи от командного состава. Картина безусловно возмутительная.

— Ты сказал то, что я с утра до ночи бросаю в глаза всем своим комитетам. Совершенно правильно: сделали все, чтобы лишить возможности командовать, а теперь предъявляют требования; только сознание долга заставляет оставаться на месте, и я завидую рядо-

вому солдату, стоящему в сторожевке. Если у тебя другого нет, то не буду больше задерживать.

— До свидания. *Черемисов.*

— До свидания. *Юзефович.*

IV.

ГАТЧИНА — ЛУГА.

Телеграмма Керенского 28 октября 1917 г. о распаде большевизма [1]).

Считаю необходимым указать, что большевизм распадается, изолирован и, как организованной силы, его нет уже и в Петрограде.

Главковерх *Керенский.*

Телеграмма и. д. штаб-офицера для поручений при начальнике кабинета военного министра Данилевича 28 октября 1917 г. о прекращении движения войск, идущих на помощь Петрограду [2]).

Генкварсев генералу Барановскому. Весьма срочно.

Из Кариса от Гатчины. 28 октября 1917 г. № 18.

Сообщаю адресованную в Петроград в Военно-Революционный Комитет телеграмму и прошу принять возможные меры к прекращению движения нижеуказанных войск. «Согласно приказания Военного отдела Областного Комитета Финляндии эшелоном 500 штыков 16 пулеметной бомбометной минометной командами следую ваше распоряжение из Экенеса. В Петрограде буду утром 29 октября. Командир 428 Лодейнопольского полка подполковник Поканов[?]». 162.

Данилевич.

Телеграмма ген. Барановского Керенскому 29 октября 1917 г. о невозможности приостановить движение войск, идущих из Финляндии на помощь Петрограду [3]).

Гатчина. Главковерх.

162. Штасев лишен возможности принять меры против движения мятежных войск из Финляндии, так как связи с Финляндией нет. В Финляндии повсеместно действуют большевистские Революционные

---

[1]) Получена и. д. комиссарверха из Царского Села вечером 28 октября. В. И. А., т. I, д. № 2247, л. 87.

[2]) На подлиннике пометы: «Начальнику военных сообщений армий сев. фронта. Генквасрсев просит, если возможно, принять меры остановки эшелона. 29/X. Помгенквасрсев полковник *Артемьев.*

Верно полковник (подпись).

Резолюция генквасрсев: ГОС доложено 29/X.» В. И. А., д. № 222—092, л. 236.

[3]) В. И. А., ч. I, д. № 222—092, л. 237—238.

Комитеты. Полагаю, что отряд 428 полка рассыплется так же, как и Петроградские отряды. Не можете ли попытаться направить в Финляндию броневой поезд для временной порчи пути, либо принять другие меры, действуя через Петроград. Псков. 29 окт[ября]. № 2017-гос.

Барановский.

Телеграмма Керенского 30 октября 1917 г. начальнику штаба верх. главноком. о посылке ударных частей и кавалерии [1]).

Из Гатчины. 30/X 1917 г. 16 ч. 30 м.

Прошу сделать распоряжение о посылке ударных частей и кавалерии. В случае каких-либо затруднений с посылкой пехоты, напрягите всю энергию к скорейшему продвижению войск. Телеграфируйте через штасев всю имеющуюся у вас информацию за последние два дня. *Керенский.*

Телеграмма Керенского 31 октября 1917 г. командиру 17 драг. Нижегородского полка. [2])

Весьма срочно.

Калуга. Командиру 17 драгунского Нижегородского полка. Копии наштазап и начвосоверх.

Пассажирскими поездами 17 Нижегородскому полку приказываю немедленно прибыть в Гатчину. Гатчина. 31 октября 1917 года. 1 час. 10 мин. 172. *Керенский.*

Запрос комиссара сев. фронта Войтинского 30 октября 1917 г. о движении войск, направленных в распоряжение Керенского [3]).

Говорит комиссарсев Войтинский. Передайте, если можно, сейчас же генералу Кондратьеву [4]) просьбу главверха выяснить, где находятся эшелоны семнадцатого корпуса генерала Шиллинга и сколько их в пути. Подробные сведения телеграфируйте в Царское возможно скорее. Наряду с этим примите все меры к ускорению продвижения эшелонов. Есть основание опасаться, что железнодорожное движение может приостановиться, поэтому необходимо спешить сосредоточением войск. На случай прекращения движения прошу зара-

---

[1]) В. И. А., д. № 222—092, л. 277.

[2]) В. И. А., ч. I, д. № 815, л. 35. На подлиннике помета: «31/X. 3 ч. 17 м.»

[3]) В. И. А., д. № 222—092, л. 233.

[4]) Начальник военных сообщений северного фронта. — С кем говорил Войтинский, не установлено.

нее принять меры к обеспечению продвижения наших эшелонов, не останавливаясь ни перед чем. Копию этой телеграммы отправьте Барановскому. Исполните немедленно. *Войтинский* [1]).

Телеграмма Войтинского 30 октября 1917 г. о посылке авиационных частей[2]).

Псков. Савицкому. Копия Барановскому.

С величайшей спешностью пришлите все, что можно, в частности оставшиеся в Пскове эшелоны 3 корпуса, кроме минимальных сил, которые вам абсолютно необходимы. Передайте авиасеву приказание главковерха выслать к нам все годные для боевых действий машины с перцовыми [3]) летчиками и достаточным запасом материалов. Это должно быть исполнено сегодня же утром. Прибыть в Царское Село в распоряжение генерала Краснова. О времени прибытия и месте спуска предупредить штакор 3 конного за два часа до встречи. Такой же приказ главковерха передайте, по моему поручению, авиазап, направив копию телеграммы комиссарзап. У нас положение, не выяснившееся окончательно. Идут боевые столкновения без решающего значения. В Петрограде сегодня разгромлены два юнкерских училища. Была сильная стрельба, много жертв, производятся аресты среди наших. В Москве наши успешно теснят большевиков. На юге, вокруг Новочеркасска, организуется не на шутку новый государственный центр с углем и хлебом. Железнодорожники под угрозой всеобщей забастовки требуют объявления перемирия в гражданской войне и образования социалистического правительства от эн-эсов и [3]) большевиков. Наш отряд приобрел значение решающее. Имейте это в виду и делайте все для усиления. Против лиц, противодействующих или отказывающих в содействии, принимайте решительные меры. Если требуемые меры превышают ваши полномочия, телеграфируйте главковерху и мне. Мой адрес на завтра — Гатчино. Сообщите о месте нахождения моего секретаря. *Войтинский.*

Телеграмма Войтинского ген. Барановскому 30 октября 1917 г. об ускорении отправки частей 49 корпуса в распоряжение Керенского [4]).

Генкварсев Барановскому. Копия помкомиссарсев Савицкому.

Главковерх просит вас выяснить, началась ли отправка частей 49 корпуса на восток. Если отправка не началась и есть возможность двинуть хоть несколько батальонов, примите все меры, чтобы уско-

[1]) На подлиннике помета: «Ген. Барановскому. Гос. К делу. Г.-кв. 30/X».
[2]) В. И. А., д. № 222—092, л.л. 279—280.
[3]) Так в подлиннике.
[4]) На подлиннике помета: «Необходим законный приказ главковерха или наштаверха. Если будет получен, передать в XII армию для исполнения. Ген. *Черемисов.* 31/X». В. И. А., д. № 222—092, л. 327.

рить дело. Передайте это главкосеву. Если формальный приказ об отправке главкосевом еще не получен, то настоящую телеграмму мою принять за устный категорический приказ главковерха, переданный мною по его поручению. *Войтинский.*

Сообщение адъютанта Керенского прапорщика Миллера по прямому проводу в ставку 31 октября 1917 г. о положении в Гатчине [1]).

— Говорит прапорщик Миллер. От Гатчино.

Ночью мною было передано вам о положении нашего отряда. Прошу сообщить, доложили ли ленту Духонину и какое распоряжение сделано об ускорении продвижения к нам эшелонов. Верх. главнокомандующий приказал передать ген. Духонину просьбу о распоряжении срочной доставки к нам броневиков. За истекшую ночь противник почти не проявил активности. По непроверенным еще сведениям, есть предположение, что какая-то кубанская двизия подошла к Петрограду со стороны Лесного. Настроение в отряде прекрасное, прибыли партизаны отряда смерти из Луги. Усиленный подвоз снарядов из Лужского склада. С Петроградом постоянная связь. Ночью были у верховного представители первого Донского казачьего полка из Петрограда и первой Петергофской школы прапорщиков, которая обезоружена большевиками. Прапорщик *Миллер.*

Прошу при разговоре с нами непременно вызывать меня или поручика Данилевича.

Телеграмма Керенского, Авксентьева, Гоца и др. 31 октября 1917 г. к армиям о срочной посылке войск в Лугу и Гатчину курьерскими поездами [2]).

Армикомитетам I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, особой, всем командармам и комкорам. № 103.

Из Гатчино-дворца. Военная, срочно. 31/X. 1917 г. 3 ч. 20 м.

Временный Совет Российской Республики, Всероссийский Комитет Спасения страны и революции, Центральные Исполнительные Комитеты Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов призывают действующую армию немедленно прислать войска хотя бы и по одному пехотному полку от ближайших армий и возможно срочно, самыми действенными средствами, не останавливаясь ни перед чем; курьерскими поездами доставить эшелоны в Лугу и Гатчину. Вся тяжесть ответственности за промедление падает на промедляющих. № 174 [3]).

Керенский, Авксентьев, Гоц, Войтинский, Станкевич, Семенов.

[1]) На подлиннике помета: «Угенкварверх 31 октября 1917 г. Вх. № 32599». В. И. А., ч. I, д. № 815, л.л. 51—53.

[2]) В. И. А., д. № 222—092, л. 287.

[3]) «№ 174» надписано над зачеркнутым: «№ 103».

Разговор ген. Духонина с ген. Барановским 31 октября 1917 г. (с 1 ч. до 2 ч. 40 мин.) о положении у Гатчины и донесения ген. Духонина Керенскому о положении в армиях и в тылу [1]).

— Пригласите ген. Барановского, просит наштаверх.

— Ген. Барановский у аппарата.

— Здравствуйте, Владимир Львович.

— Здравия желаю.

— Сейчас говорил с Данилевичем. Вот их обстановка: сегодня с 12 до вечера производили огневую разведку у Пулково. Вначале под влиянием огня большевики стали разбегаться, но потом к ним, повидимому, подошло значительное подкрепление, а у нас, при незначительном людском составе, иссяк запас снарядов и патронов, в виду недостатка коих и по тактическим соображениям генерал Краснов решил отвести главные силы в район Гатчины, где решено занять оборонительную позицию до подхода идущих подкреплений. Патронов в Гатчино достаточно. Снаряды поданы из Луги, но в небольшом количестве. Просят: поскорее продвигать эшелоны и принять меры к обеспечению Луги как ближайшего тыла и артиллерийской базы. Сейчас у них совещание; не откажите мне сообщить, действительно ли 30 вечером к Могилеву должна была подойти и подошла ли в действительности голова 3 Финл[яндской] дивизии, — об этом сегодня днем вы мне говорили.

— Меры к обеспечению снарядами и патронами и вообще всем довольствием должен принять на себя северный фронт целиком. Ему запасы эти пополним. Что касается эшелонов 3 Финляндской дивизии, то головной сегодня вечером подходил к Минску в восемь часов вечера, а на другом пути около десяти часов подходил к Жлобину; если он там не будет задержан эшелонами 156 дивизии, то ночью, вернее под утро, подойдет к Могилеву. Очень сильно вредят Комитеты Спасения революции, и большевики всячески устраивают саботаж.

— Не будет ли еще каких-либо распоряжений и вопросов?

— Три эскадрона Нижегородского полка должны были сегодня отправиться из Калуги в Москву на поддержку войск Московского гарнизона, поэтому, если приказание исполнено и перевозка уже в ходу, не удастся исполнить эту телеграмму. Передаю вам следующую телеграмму главковерху:

«Военная. Главковерх. Секретно. 29 октября. Положение на фронтах выразилось в следующем: на северном в XII армии латыши, оставив позиции, направились для занятия в тылу городов Валк, Вольмар, Венден. В Ревеле хотя выступлений не было, но 13 и 15 Донские полки не могли быть отправлены к Петрограду, так как большевики угрозой воспретили подачу подвижного состава. Полки же

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 815, л. 101—108.

эти, по неизвестным мне причинам, не проявили решимости добиться выхода хотя бы до ближайшей станции для погрузки вне района Ревеля. Комитеты V армии высказались за посылку войск в Петроград на помощь большевикам, а Комитеты I армии заняли, в общем, пассивное положение. В самом Пскове положение неопределенное, и образовавшийся Революционный Комитет не высказывает стремления к активному выступлению против большевиков. Общее настроение частей фронта скорее пассивное к текущим событиям, и, во всяком случае, решительно поддержать правительство в борьбе против все более и более охватывающего страну большевистского влияния не проявляется. На западном фронте, в сущности, распорядительным органом является образовавшийся в Минске Комитет Спасения революции, без санкции которого ни одна войсковая часть не может быть двинута куда-либо для подавления большевистского движения. В армиях эксцессов пока не было, но настроение масс нервно-выжидательное, а отчасти и пассивное по отношению к работе большевистского движения. В тылу фронта почти во всех городах и железнодорожных узлах большевистское движение взяло верх, захватывает в свои руки управление и распорядительную часть. Все эти операции большевиков производятся ими или при активном участии местных гарнизонов или при полном пассивном подчинении массовой воли небольшим кучкам руководителей и даже отдельных личностей. На юго-западном фронте настроение в общем наиболее благоприятное для правительства, но зато были и кровопролитные столкновения. В Виннице произошел упорнейший бой с участием с обеих сторон даже броневиков и аэропланов, причем со стороны правительственных войск приняли участие проходившие эшелоны 3 Финляндской дивизии, что задержало течение движения на Петроград. К вечеру 30 октября большевики обращены в бегство, но потери и утомление правительственных войск воспрепятствовали преследовать мятежников, которые рассыпались по окрестностям и внесут анархию в тылу. В Киеве обстановка представляется чрезвычайно сложной, благодаря образовавшемуся Украинскому Революционному Комитету, от которого 29 октября откололась Рада, выставив свои лозунги против большевиков. Революционный же Комитет дает приказания украинизированным войскам и усложняет дело борьбы с большевиками как в самом Киеве, так и вне его. В Киеве происходят пока отдельные стычки, но заметна подготовка более серьезного выступления большевиков. Шедшая с юго-западного фронта украинизированная 156 пехотная дивизия в стратегический резерв в район Полоцка получила приказ от Украинского Революционного Комитета повернуть на Киев для защиты Рады. Вследствие этого эшелоны ее в Орше и Жлобине отказались итти дальше и требуют направления их на Киев. Двухдневные усилия двинуть дивизию пока результатов не дали, а в Орше, кроме того, часть людей 623 полка примкнула к большевикам и дала

им возможность завладеть этим городом. На румынском фронте положение скорее пассивное к происходящему движению, так как до сих пор не удалось сформировать даже отряда для посылки в Москву, вследствие затяжки вопроса комитетами, несмотря на многократные напоминания. Одесса пока находится, в общем, в пассивном состоянии. В Москве положение тяжелое. Правительственные войска, геройски ведшие активную борьбу, напрягают последние усилия. Удалось овладеть центром города, но все окраины и вокзалы находятся в руках большевиков-красногвардейцев и пьяной черни, в уличной борьбе с которыми силы верных правительству войск тают, и если в ближайшие 2 дня не подойдет помощь, то законные власти должны будут капитулировать. Харьков, Воронеж, Курск, по сведениям Донского Правления, находятся во власти большевиков. В общем, непосредственно в войсках позиций большевистское движение пока проявилось только в несколько участившихся случаях братания, но эксцессов не было. Однако волна большевизма, идущая с тыла, постепенно приближается, и я считаю себя обязанным доложить, что если кризис затянется еще на 2—3 дня, то нельзя поручиться за спокойствие на позициях. Настроение масс неустойчивое, с часто меняющимся взглядом на положение. Это обстоятельство имело место и с отправкой бригады пехоты 17 корпуса, где части, выразившие сначала добровольное желание идти на Петроград, затем при посадке отказались, и ныне, с утра 31 октября, будут грузиться другие, которые сегодня высказали поголовно свое желание. Все, что возможно при наличии сложившейся обстановки для подавления большевистского движения и для оказания поддержки вам, я принимаю и настойчиво стремлюсь преодолеть все неожиданные возникающие препятствия на пути проведения мероприятий. К утру 1 ноября, если не возникнет новых препятствий, бригада пехоты 17 корпуса начнет подходить к Царскому Селу. И к вечеру 1 ноября начнут подходить 3 Финляндская дивизия и 17 Донской полк. Но напряжение на всем фронте, а главное, препятствия растут, и задержка в ликвидации движения позже 1-го ноября может сильно отразиться на положении войск на позициях, тем более, что расстроенный окончательно подвоз северному фронту может вызвать голод для войск этого фронта. 8032. *Духонин*».

— Передам вам телеграмму, только что полученную и указывающую, что 17 Нижегородский полк еще в Калуге.

Вот телеграмма депутации этого полка [1]).

Засим не откажите сообщить, насколько верны сведения, полученные у нас, о том, что немцы атаковали на Скробовском участке и заняли нашу передовую линию. Эти сведения получены из V армии и подтверждены штазапом.

---

[1]) Телеграмма в деле отсутствует.

— Пока мы такого донесения не имеем, но были сведения о начавшейся артиллерийской подготовке на этом направлении. Сейчас наведем подробную справку по этому вопросу. Что, еще не получена известная вам телеграмма [1]) от главковерха?

— Нет, не получена.

— Тогда разрешите передать непереданную мою вчерашнюю телеграмму: «Военная. Главковерх. 163. Оценивая обстановку, ныне слагающуюся на фронтах, считаю себя обязанным доложить, что наступивший момент признаю слишком критическим по настроению масс для приведения в исполнение указанной меры. Положение в армейских тылах на фронте за сегодняшний день осложнилось, большевистская пропаганда имеет успех и охватывает темные массы, самочинные организации побуждают войска к пассивному отношению к большевистскому движению и влияют на правильность работы железных дорог по подвозке войск. При наличии создавшейся обстановки полагаю как самый арест, так и перевозка и содержание в ставке могут вызвать тяжелые эксцессы. Полагал бы ограничиться предложением оставить должность и отбыть за пределы действующей армии во внутреннюю Россию, во временное исполнение должности, согласно положения о полевом управлении войск, вступить начальнику штаба. 8022. *Духонин*».

Сейчас получена телеграмма о том, что около 17 часов противник повел атаку на фронте от Горного Скробова до Заосья. Часть противника была отброшена огнем, а другой части удалось первоначально ворваться на нашу главную позицию, но контр-атакой он был отброшен, бежал в беспорядке и задержался только в некоторых передовых окопах. Подготавливается дальнейшая контр-атака, чтобы выбить его окончательно. Вот все.

— Спасибо, всего хорошего.

— Нельзя ли просить, чтобы Совет Республики побудил бы Совет Спасения революции западного фронта исполнять распоряжения, исходящие от командования, беспрепятственно, потому что каждый приказ, отданный войскам по посылке войск в Петроград и Москву, подвергается обсуждению, которое ведется крайне медленно, что, в лучшем случае, затягивает исполнение, а иногда, вследствие недостаточной компетентности и знания обстановки, приводит к неисполнению и дискредитирует командный состав. Было бы полезно указание этому Совету свыше. Всего хорошего. *Духонин.*

— Всего хорошего. *Барановский.*

---

[1]) Речь идет, очевидно, о телеграмме Керенского, которая должна была решить участь главкосева ген. Черемисова, удаление и арест которого подготовлялись ставкой.

Телеграмма адъютанта Керенского Миллера 31 октября 1917 г. в ставку об оставлении Царского Села [1]).

Из Гатчино. Принята 31/X 1917 г. 4 ч. 30 м.

Состоящий при верховном главнокомандующем адъютант прапорщик Миллер у аппарата. Поручик Данилевич занят на прямом проводе с наштасевом. По приказанию верховного главнокомандующего могу ориентировать о положении дел у нас в отряде, для чего прошу вызвать к проводу генерала Духонина. Прапорщик *Миллер.*

В настоящее время в отряде большой недостаток в пехоте, имеется только около 700 юнкеров школы прапорщиков северного фронта и 150 человек партизан из Луги. Сегодня произошел сильный бой с противником в районе Царского Села, Александровской и Пулково. Противник был много сильнее нас и, несмотря на то, что с начала боя, под влиянием обстрела двух батарей и конной атаки двух сотен сводного гвардейского казачьего полка, противник подался назад, но, в виду недостатка в снарядах и в патронах, нам пришлось свести силу огня до минимума. Это время противник пользовался этим [2]), начал обстрел наших частей и, очевидно, руководимый опытными, по поступившим сведениям, немецкими начальниками, применял чисто германскую тактику германского боя: пошел в наступление, стараясь обходить фланги нашего малочисленного отряда. Под прикрытием бронированного поезда и автомобиля мы отошли в Царское Село. По поступившим сведениям, в Колпино сосредоточивались их войска для удара нам в тыл. Принимая во внимание все вышеизложенное, генерал Краснов отошел в Гатчино, оставил Царское для ожидания пехоты и привозки необходимого запаса снарядов из Лужского склада. В отряде настроение бодрое, все время подходят эшелоны. Подробности можно получить от Барановского. Усиленно прошу как можно ускорить продвижение к нам пехоты, пользуясь для этого пассажирскими паровозами. Необходимы броневики. Состоящий при штабе верховного главнокомандующего адъютант прапорщик *Миллер.*

Прошу иметь в виду, что в 1 ч. 36 м. ночи Царскосельский радиотелеграф занят большевиками. Прошу передать, имеются ли у вас телеграммы.

Разговор по прямому проводу 31 октября 1917 г. ген. Духонина с ген. Барановским о выступлении броневого дивизиона и гарнизона гор. Режицы [3]).

— У аппарата ген. Барановский.

— Здравствуйте, Владимир Львович. Не откажите сообщить мне, послан ли броневой дивизион со станции Режица и улажен ли воз-

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 815, л.л. 133—140.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Разговор происходил 31 октября 1917 г. от 16½ ч. до 17¼ ч. В. И. А., ч. I, д. № 815, л.л. 112—117.

никший там инцидент с Комитетом Спасения. Его нужно немедленно отправить по назначению.

— Здравия желаю, Николай Николаевич. Извиняюсь, что задержал вас. По делам ездил в город. Относительно броневого дивизиона сейчас наводит справки подполковник Артемьев [1]), два часа тому назад он был в Режице, не уходил. Сейчас могу вам передать интересное — разговор с Данилевичем: «У нас произошло совещание большого значения. Толчком послужила телеграмма всех организаций, призывающая прекратить кровопролитие, заключить перемирие и вступить в переговоры. Решение еще не распубликовано и широко не оглашено, но соглашенческое течение идет из Петрограда. Однако соглашение о приостановлении действий не останавливает посылки войск, так как лишь при наличности сил с этой компанией можно взять удовлетворительный государственный курс. Могу сообщить, что первый авиационный отряд, отказавшийся вчера ехать в Гатчину, выбросив из своего состава 25 большевиков, в 3 часа ночи туда поехал; завтра откроет операции; кроме того, я приказал части аппаратов 4-й авиагруппы из-под Вендена лететь в Псков и Гатчину. Не знаю сейчас, прибыли они сюда, еще не докладывали». Вот пока все.

— Что же это значит? Главковерх принимал участие в этом совещании? Какое решение? Получена ли телеграмма главковерха, в ответ на посланную ему в связи с № 163?

— Сам не понимаю. Говорил не я, а Артемьев. У нас установлена полчаса тому назад связь с Гатчиной по юзу, часа через два будет связь прямая с вами, а сейчас я могу переключить вас на наш провод: попробуйте поговорить лично или обождите два часа. Ответ на телеграмму вашу № 163 не получен, равно как и на мою, отправленную много раньше, после разговора с вами вчера.

— А в Москве, Виннице, Киеве кровавые бои за поддержку Временного Правительства, за то, чтобы сокрушить большевиков. Много верных долгу пало в этой борьбе. Мне говорил Иорданский, что в Киеве расстреляны большевиками комендант генерал Цитович и четыре его офицера за то, что остались верными Временному Правительству. Около Винницы, говорят, до 1.500 человек убитых и раненых за верную поддержку правительства. Я думаю, это очень красноречивые данные, свидетельствующие, что это не была только область одних слов, но дела, для заветного служения родине.

— Скажите, пожалуйста, пойдет ли броневой дивизион? Он должен быть отправлен немедленно. Все большевики изъяты из него, и через полчаса поезд должен тронуться в путь. Я приказываю это от имени верховного главнокомандующего и об исполнении прошу телеграфировать, ибо это крайне необходимо.

---

[1]) Помощник генкварсева.

— Он еще не ушел, его задерживает гарнизон Режицы. Сию минуту передам ваше приказание. Будут ли еще какие-нибудь распоряжения?

— Что вами послано сегодня главковерху?

— Сегодня должны были уйти Уссурийцы и Нерчинцы из Пскова, но в связи с режицкими событиями были задержаны; тем не менее, они будут сегодня отправлены, так как к нам подходит 3 Уральский полк из V армии, вернее — со ст. Дно. Больше ничего не отправлялось, 17 кавалерийскую отправить оказалось невозможным, так как латышские полки это какие-то чудовища и гроза всей XII армии. Генерал Юзефович говорит, что действия латышских полков явно большевистские, совершенно самовольные, имеют более серьезное значение, чем подобные самовольные действия других частей, так как связаны с общенациональным движением латышей, ненавидящих наши войска и вообще нас за все причиненные им беды нашими войсками. Он называл положение своей армии катастрофическим, просил быть готовым ко всему и не строить себе никаких иллюзий. Также не двинулось ни одной части и из I и из V армии. Генерал Болдырев с трудом, при содействии железнодорожников и других демократических организаций, уговорил свой Армиском не посылать дивизию на помощь большевикам. Вот все.

В 49 корпус прибыл поручик Мазуренко, который от имени Комитета Спасения потребовал у комкора войск для направления в Гатчину на помощь Краснову. Желающие части там нашлись. Сейчас поступил запрос — можно ли их отправлять?

— Как же решили?

— Послал наштасеву телеграмму, решения еще нет, потом доложу.

— Какой гарнизон в Режице, который примкнул к большевикам?

— Всякие тыловые части армейских учреждений и этапные и, кажется, один эскадрон.

— Каково настроение самого дивизиона и почему он был намечен к отправлению?

— Настроение дивизиона, бывшего долго в Петрограде, на половину большевистское. По прибытии в Двинск, около трех недель тому назад, он вызвал там всеобщий ужас и смятение. Просили его убрать. Назначили его потому, что из Гатчины прибыл капитан этого дивизиона и просил настойчиво взять шесть машин, обещая соответственный подбор людей. Это было разрешено и выполнено. Мы же полагали необходимым отправить пятый броневой дивизион, находившийся в командировке у Пернова и, как вам известно, ныне застрявший в Валке, дивизион надежный.

— Если режицкий дивизион неблагонадежный, то как же его можно посылать?

— Был уверен, что благонадежность не внушает никаких сомнений.

— Если же доверять ему нельзя, то посылка только лишь повредит делу. Нельзя ли послать несколько машин по шоссе из состава пятого дивизиона? Это ослабит его немного, а делу принесет большую пользу.

— Я вам докладываю, что из состава 1 дивизиона взяты люди только надежные, все ненадежное осталось в Двинске, откуда он и пришел в Режицу для посадки. Так как в Двинске посадка была невозможна, он и погрузился в Режице, но потом был задержан, с арестом начальника эшелона. Что касается пятого, то мы на все лады пытались вытащить оттуда хоть что-нибудь, но не удалось ничего.

— Я сейчас на минутку отлучусь. Обождите у аппарата.

— Там ли, у аппарата ли, генерал Барановский?

— Отошел, послать?

— Передайте ему вопрос... «нельзя ли режицких послать на замену части пятого броневого дивизиона и Керенскому послать несколько машин из пятого?»

— Только передать это или пригласить их самих сюда?

— Только передать и ответ нам дайте сейчас же.

— Слушаю.

[Барановский].—Мы попробуем и сделаем все, что возможно, хотя я сильно сомневаюсь, чтобы такая замена была легче, чем отправление из Режицы.

[Духонин].—Словом, послать надо сегодня же и надежные машины в смысле состава. Сделайте это возможно внимательнее, чтобы усилить, а не ослабить главковерха. В настоящее время финляндцы проходят западный фронт. Когда установится связь по юзу с Гатчиной, то я буду просить подойти главковерха, а пока всего хорошего, сделайте все возможное для посылки броневиков и частей состава 49 корпуса и как можно скорее. *Духонин.*

— Сделаю все возможное. Всего хорошего.

Телеграмма Войтинского на северный фронт 1 ноября 1917 г. о низложении Керенского [1]).

Псков — главкосев, наштасев, помкомисарсев, начвососев, комарсев.

1/XI. 1917 г. От 3 кон. [2]).

Между сосредоточенными у Петрограда войсками и представителями Петроградского гарнизона достигнуто соглашение на основе низложения Керенского. Предпишите немедленно остановить все двигающиеся к Петрограду эшелоны и прекратить всякие действия, связанные с формированием отряда Керенского. *Войтинский.*

---

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 222—093, л. 34.

[2]) Третий конный корпус.

Разговор по прямому проводу 1 ноября в 17 ч. 10 м. ген. Духонина с генералами Лукирским и Барановским о низложении Керенского [1].

[Д у х о н и н] Не можете ли вы мне сказать, подошла ли к Пскову голова 3 Финляндской стрелковой дивизии, а также отправлены ли вами броневые машины?

[Л у к и р с к и й] Сейчас генерал-квартирмейстер пошел получить новейшие сведения о месте нахождения 3 Финляндской дивизии. Броневые машины из состава V армии, дошедшие, было, до Режицы по шоссе, застряли на станции при погрузке. Вчера послал на выручку им 2 сотни Уссурийцев, охотно согласившихся выручить эти машины и сопровождать их в Гатчину. Однако, прибыв в Режицу, казаки уже не нашли броневиков, так как их угнали, кажется, в Двинск. 5 броневой дивизион, задержанный в Валке, ныне, по имеющимся у меня сведениям, но не проверенным, якобы, ушел из Валка. Первый ударный батальон, бывший в Валке, захватил подвижной состав и направляется на Псков, предварительно выбросив из своего состава элементы отрицательные. Эшелоны 3 Финляндской стрелковой дивизии с часу дня начали проходить Псков, причем в голове прошел первый эшелон девятого Финляндского, за ним идут 2 эшелона 137 Нежинского, далее штаб 35 дивизии, далее мортирный дивизион, далее в перемежку части 17 корпуса и 3 Финляндской дивизии, эшелоны один за другим. Вместе с тем позвольте доложить вам для сведения только что полученную мною телеграмму комиссарсева, которую, однако, я, кроме вас, никому не передам: «Псков — главкосев, наштасев, помкомиссарсев, начвососев, комарсев. Между сосредоточенными у Петрограда войсками и представителями Петроградского гарнизона достигнуто соглашение на основе низложения Керенского. Предпишите немедленно остановить все двигающиеся к Петрограду эшелоны и прекратить всякие действия, связанные с формированием отряда Керенского. В о й т и н с к и й». К этой телеграмме, однако, надо относиться с большой осторожностью, так как нам известно, что Войтинский в Луге, а получена она по аппарату юза из Гатчино. Не признаете ли возможным дать нам сейчас телеграмму с приказанием направить в распоряжение комкора 3 конного следующее количество снарядов и патронов из Пскова: 20.000 гранат и 20.000 шрапнелей легких, пятнадцать миллионов 3 линейных русских ружейных патронов, две тысячи восьмисантиметровых австрийских снарядов для бронепоезда. Означенное количество снарядов требуется корпусу, и за ними приехал приемщик, а между тем, за отсутствием официального распоряжения, исходящего от главковерха или вас, главкосев не дает разрешения на отпуск этих снарядов и сейчас говорил по телефону, чтобы вы дали надлежащую телеграмму.

---

[1] В. И. А., ч. I, д. № 222—093, л.л. 37—39.

[Барановский] Я заведомо знаю, так как сам лично говорил с Войтинским, что эти снаряды необходимы, и приехавший приемщик именно то лицо, которому поручено их получить. Кроме того, мы их пошлем под конвоем Нерчинских сотен, но задерживать дальше нельзя. *Барановский.*

[Духонин] Сейчас будет передано распоряжение. Считаю, что требуемое количество огнестрельных припасов чрезмерно велико. Необходимо значительно сократить. До свиданья. Всего хорошего. *Духонин.*

— До свидания. *Лукирский.*

Разговор по прямому проводу 1 ноября 1917 г. ген. Духонина с ген. Лукирским о бегстве Керенского [1]).

— У аппарата генерал Лукирский.

— Добрый вечер, Сергей Георгиевич. Не получали ли вы каких-нибудь вестей из Гатчины? Я получил телеграмму от Краснова и Войтинского. Обе? [2])

— Здравия желаю, Николай Николаевич. Только что говорил Барановский по аппарату со штабом 3-го конного. Выяснилось, что Керенский около 1 часу дня скрылся, так как в условиях переговоров с большевиками значился его арест, на который согласились казаки, так как после дела Корнилова Керенский был не популярен в казачьих войсках. Так они объясняют. Полагаю, что все это было, т.-е. бегство Керенского, было организовано его партией. Острый момент в Гатчине миновал, было несколько попыток самочинных арестов Краснова, но он остался на свободе, настроение утихает, дворец занят казачьими караулами. Сейчас там перемирие. Противник на все условия согласился. Вот все, что известно из Гатчины. Докладываю, что положение на Псковском железнодорожном узле [таково]. Сейчас в Псков прибыл 1 ударный батальон и вместе с ним партизанский отряд. Прибыли из-под Валка. В батальоне более 400 штыков и 13 пулеметов, в партизанском отряде 90 человек, настроение отличное, имеют запас продовольствия на 6 дней, похлопочу обеспечить еще бо́льшим количеством. Командир батальона был сейчас у меня и рассказал, что он со вверенным ему батальоном удрал из Валка тайно, с благословения Юзефовича. Я приказал, ввиду уже бывшего вчера захвата Псковского узла большевиками, вчера же оттуда выбитыми, и полной вероятности новых еще более организованных попыток, овладеть этим узлом — задержаться батальону в Пскове, прикрывая проход через него эшелонов 3 Финляндской дивизии и, может быть, еще и других. Батальон объявил, что он это поручение мое испол-

[1]) В. И. А., ч. I. д. № 222—093, л.л. 31—33.

[2]) Так в подлиннике.

нит, прося по возможности отпустить их в Гатчино 2 ноября ночью. Уссурийцев и Нерчинцев отправляем на присоединение к третьему конному корпусу. *Лукирский.*

— Успели ли вы передать мою телеграмму, сообщенную вам около 16 часов?

— Благоволите напомнить двумя словами содержание.

— О событиях в Киеве и по другому вопросу, по которому вы меня вызывали.

— О событиях в Киеве приказал передать, сейчас проверю. По другому вопросу я просил вас пожаловать к аппарату по просьбе Чернова и Сперанского, бывших у меня, и ленту сказанного вами они принимали в моем присутствии.

— Понимаю. Если вы знаете что-либо, где находится главковерх, пожалуйста, мне сообщите.

— Может быть, удастся это узнать через только что названных вами лиц.

— Не говорили ли они вам, когда будут известны условия переговоров? Каковы они? Имеете ли вы связь с Петроградом? Сколько эшелонов пехоты прошло Псков?

— Слушаю, будет исполнено. Лица, о которых упоминаем, говорили мне, что они прибыли сюда по поручению главковерха. Сегодня они долгое время вели переговоры с Гатчиной. Вероятно, зайдут ко мне. Через Псков прошли пока два эшелона, но в дальнейшем, по заверению начвососева, движение пойдет значительно быстрее.

— Очень вам признателен. До свидания пока. *Духонин.*

— Честь имею кланяться.

Разговор по прямому проводу ген. Черемисова с ком. 3 конного корп. ген. Красновым 1 ноября 1917 г. о бегстве Керенского и положении в Гатчине [1].

— Главкосев у аппарата.

— Здравия желаю, ваше превосходительство. У аппарата генерал Краснов. Главковерх в пятнадцать часов исчез из Гатчинского дворца неизвестно куда. Его замещает, вероятно, наштаверх Духонин. Гатчино занято большевистскими войсками. Настроение очень тревожное. Большевики обещали всему отряду дать уйти на Дон и этим прельстили казаков. Никакого подкрепления к нам не шло. При этих условиях дальнейшая борьба была бесполезна и разлагающе действовала на полки.

— Вина за все это падает на Керенского; когда он был во Пскове, я ему предсказывал, чем это кончится, он меня не послушал — и вот результат налицо. Кто у вас есть, кроме казаков, в каких отношениях

[1] В. И. А., ч. I, д. № 222—093, л.л. 56—59.

с большевистскими войсками, что делаете сейчас и что предполагаете делать?

— Кроме казаков у меня гвардейская конная сотня лейб-гвардии Сводного полка и взвод гвардейской запасной конной батареи. Приходится ожидать окончания переговоров, после чего необходимо отправить все эти части на Дон, так как только там они могут придти в порядок и успокоиться. Керенскому я говорил то же самое, но он верил твердо в успех, говоря, что опирается на постановление всех комитетов армии и всей русской демократии; сильно смущали постановления союза казаков, съезда казаков в Киеве, Кубанской Рады и кавказского фронта. Хотелось верить, что родина не погибнет. Шли с большою уверенностью в том, что идем за святое дело, за свободу и счастье дорогой родины. В будущем будем ходатайствовать о скорейшей погрузке эшелонов для отправления войска. Революционный Комитет обещал в этом оказать полное содействие; отношения с большевистскими войсками полны взаимного недоверия. Мы ими окружены и стоим под охраной двойных караулов — наших и их.

— Если ваши войска уйдут на Дон, то за ними уйдут с фронта и остальные казачьи части, а за казачьими частями уйдет и пехота. Нетрудно себе представить, что получится вследствие этого. Я полагаю, что демобилизация армии может начаться только тогда, когда будет сделано об этом общее распоряжение правительства и самая демобилизация должна производиться планомерно, а не в виде нашествия скифов. В чем заключаются переговоры, о которых вы упоминали, кто с кем и о чем переговаривается?

— Сейчас солдаты обезоруживают казаков. Переговоры шли утром между комитетами дивизионными и революционных организаций. Офицеры и командный состав допущены не были. Вынесены постановления прекратить кровопролитие, отпустить казаков на Дон, не производить никаких арестов и самочинных выступлений и арестовать Керенского. После этого на заставы наши сразу подошел Финляндский полк с орудиями с белым флагом, снял заставы и вошел в Гатчину, затем делегаты и командир полка, под предлогом переговоров, уехали в Петроград, а сейчас начинается неисполнение договоров, заседают солдатские комитеты и неизвестно, чем все это кончится. Все двери заняты караулами.

— Ваши части 3 конного корпуса и все части, прибывшие с северного фронта, должны безотлагательно вернуться на свои места, на Дон они пойдут, когда последует распоряжение правительства о демобилизации армии. Пока больше ничего не имею вам сказать. Доносите мне непосредственно. До свидания.

— Сказать, что будет, очень трудно, потому что мы сейчас фактически в плену у большевиков, которые вряд ли позволят исполнять мои приказания.

Разговор по прямому проводу ген. Духонина с ген. Барановским 1 ноября 1917 г. об устранении главкосева ген. Черемисова [1]).

— У аппарата ген. Барановский.

— Добрый вечер, Владимир Львович. Целый день сегодня пытался соединиться, чтобы переговорить с главковерхом, но сделать это оказалось чрезвычайно трудным. Удалось соединиться на десять минут с казачьим представителем из ставки, чтобы высказать свою платформу в случае переговоров с политическими партиями, о которых им уже сообщили. Разрешите вам продиктовать следующую телеграмму на имя главковерха [2]). Что нового?

— Должен вам сообщить, что ни 17 кавалерийская, ни броневики из Режицы еще не отправлены, первая, вероятно, и не будет отправлена, а со вторыми произошло следующее: собравшаяся толпа солдат арестовала, заманивши обманным путем, часть команды и угрожала разборкой рельс. Путем сношения начальника отделения с комитетом ему удалось добиться обещания освободить арестованных и вернуть броневики в Двинск. Об этом сообщил наштарм пять два часа тому назад, мы же со своей стороны отправили туда две сотни Уссурийцев с приказанием освободить броневики и, конвоируя их, доставить в Гатчину. Результат пока неизвестен. У нас в Пскове ряд эксцессов. Первое: ворвались в комиссариат, желая арестовать комиссара и его помощника. Войтинского здесь нет, но он ожидался, а его помощник случайно отсутствовал. Ничего не взяв, банда вооруженных солдат ушла. Около 9 часов вечера толпа вооруженных солдат, повидимому, под предводительством члена Революционного Комитета и комарсева кронштадтского матроса Панюшкина, заняла вокзал. Казаки были в вагонах. Через два часа Панюшкин был арестован. Вооруженные солдаты разоружены и арестованы. Невооруженные выгнаны, тем и кончилось. Все без кровопролития, хотя Панюшкин, требуя освобождения, угрожал междоусобицей и резней. Не откажите ответить на телеграмму об отправлении частей 49 корпуса. Главкосев иначе не отдает распоряжений. Сегодня должен был приехать Войтинский с пакетом, повидимому от главковерха, но в виду того, что большевики о его приезде осведомлены, он задержан в Луге. В пакете предложение экстрактировать лицо, вам известное [3]). Приехал также Виктор Чернов от Комитета Спасения с такой же миссией. Был у наштасева и заявил, что его полномочий достаточно, если Войтинский и не приедет. Тем не менее наштасев опасается, что, в виду создавшихся политических условий, когда большевики могут трактовать, что старая власть фактически не существует, лицо это может отказаться исполнить приказание о выезде, и потому просит вас с своей

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 816, л.л. 5—6.

[2]) Телеграмма в тексте отсутствует.

[3]) Черемисов.

стороны, как власти вполне законной, прислать соответственную телеграмму с предложением оставить пост, как мы говорили. Может быть, сошлетесь на заявленное вам в свое время Войтинским о желании этого лица уйти добровольно. Вот все.

— Как положение отряда Керенского и что вы слышали о переговорах?

— О положении отряда не знаю, а что касается переговоров, то через нас без подписи в Петроград Викжель прошла телеграмма, говорящая о том, что представитель министра председателя и верховного главнокомандующего выехал в Петроград для переговоров. За подписью Краснова прошла телеграмма, трактующая о том, что войска, верные правительству, готовы прекратить кровопролитие при условиях освобождения всех министров и их единомышленников, восстановления Временного Правительства, с которым только и возможны переговоры партий о надлежащем конструировании власти. Больше ничего сообщить вам не могу. Прошу вас дать мне телеграмму о 49 корпусе, а равно ответить, дадите ли вы нам телеграмму, о которой я вам говорил. *Барановский.*

— Об отправке частей 49 корпуса я уже телеграфировал главковерху, а копию главкосеву; вероятно, телеграмма эта уже получена. Что касается второй телеграммы, то я до сих пор не получил ответа от главковерха на свой номер 8022 и полагал, что телеграмму окончательную пришлет сам главковерх или вызовет его [1]) к аппарату, дабы лично передать. Считаю, что настоящая обстановка именно требует этого способа. Главковерх, мог бы также прислать шифрованную телеграмму на его имя.

— Дело в том, что телеграммы от главковерха, повидимому, вы не дождетесь, так как распоряжение, которое вы просили сделать по телеграфу, везет Войтинский, и подобные же полномочия привез Чернов. Те, как главковерх, так и Комитет Спасения, думают одинаково и пришли к одному решению: изъять. Но наштасев полагает, что субъект изымаемый может сказать, что меня это не касается, так как фактически и главковерх, и Комитет Спасения ныне власти незаконные, устраненные другой властью, которая сидит ныне в Петрограде — Троцкий, Ленин и т. д. В этом случае в действующей армии вы, наштаверх, являетесь безусловно законной властью, и телеграмма эта нужна на случай протеста. Иначе может получиться неприятная история — промедление времени и связанные с ней возможные крупные эксцессы здесь, и все дело может повернуться обратно, этого надо избежать.

— Мне не предоставлено право отчислять таких лиц, и, согласно положения о полевом управлении, я получаю это право в случае болезни или смерти главковерха. Главковерх находится на театре военных действий и может дать указание в самый короткий срок по

---

[1]) Т.-е. Черемисова.

аппарату. Что касается законной власти, то с таким же успехом может быть возражение против меня; ведь он же исполняет приказания главковерха и его признает. Передаю вам телеграмму для главковерха с ориентировкой за 31 октября. У аппарата ли вы?

— Да.

— Попросите главковерха передать лично главкосеву по аппарату: это безусловно лучшее решение, наиболее обеспечивающее от крупных эксцессов, и оно будет наиболее приемлемо для него. Если больше ничего...

— Вашу ориентировку передать не могу, так как Гатчина не принимает, говоря взяла провод на прямую с вами. [1]) Не откажите передать из ставки прямо в Гатчину, у меня осталась связь лишь по морзе. Быть может, теперь лично переговорите с главковерхом и по тому вопросу и по поводу частей 49 корпуса. Пусть главкосев связь [1]) у нас только по морзе, ни ориентировки передать, ни переговоров при этих условиях вести я не могу, так как юз не действует. Поэтому прошу взять снова провод на себя и передать по юзу, что Гатчина не дает провод, заявив, что она переходит на юза со ставкой. Я хотел передать вашу телеграмму, но она не приняла, говорит: пускай передает сама ставка. Сейчас я вам скажу, наведу справки.

Разговор по прямому проводу Чернова, Фейта и Хараша с ген. Духониным 1 ноября 1917 г. об удалении с поста главкосева ген. Черемисова [2]).

— Здесь кабинет наштаверха? Пожалуйста, пригласите к аппарату генерала Духонина.

— Ген. Духонин у аппарата.

— У аппарата члены Центрокома Спасения родины и революции бывший министр земледелия Чернов и член Центрокома партии эсэр Андрей Фейт, а также член Искосола Хараш. Мы имеем вам сообщить только что сообщенные сюда комиссарсевом Войтинским следующие, пока не оглашенные решения, для оформления которых Керенский уже выехал, куда нужно. Предстоит сложение Керенским всех своих полномочий, назначение вас главковерхом и председателя Временного Совета Республики Авксентьева министром-председателем. С вашей стороны необходимо безотлагательное удаление отсюда Черемисова, хотя бы немедленным категорическим вызовом его в ставку, в дальнейшем оформление этого официальным назначением преемника. Против кандидатуры Драгомирова здесь у нас возражений нет. Временный заместитель — Лукирский — осведомлен обо всем и действует в полном контакте с Комитетом Спасения. Выезд Черемисова необходим в самом экстренном порядке: он развяжет руки для совершенно необходимых действий в Пскове, времени терять нельзя. Не исклю-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) В. И. А., ч. I, д. № 816, л. 19.

чена возможность мирной ликвидации петроградских событий путем переговоров, но только при условии скорейшей присылки серьезных подкреплений с пехотными частями. Повторяем еще раз: больше всего необходима быстрота, нельзя терять ни минуты.

— Прошу подождать. Ответ дам обдумавши.

Телеграмма ген. Духонина 2 ноября 1917 г. главкосеву о сосредоточении войск в районе Луги [1]).

Главкосев. Копии комкор 17 и начвосоверх.

Приказываю части 3 Финляндской дивизии и 17 корпуса, двинутые на Гатчину, сосредоточить в районах Луга — Плюссе и Передольское (не занимая самого города Луги) и [2]) принять все меры охранения. На войска эти возложить охрану желдорог в районе их расположения. По сосредоточении 3 Финляндской дивизии, части 17 корпуса вернуть к своему корпусу; те эшелоны этого корпуса, кои еще не выступили, оставить в своем районе. Части, собранные в вышеуказанных районах, поступают в ваше распоряжение и на довольствие северного фронта. Части 3 конного корпуса немедленно вывести из соприкосновения Петроградского гарнизона и перевезти [3]) по вашему усмотрению в район Чудово или Остров, предпочтительнее первый, и привести их в порядок. Бронированный поезд из состава отряда генерала Краснова оттянуть на участок Луга — Псков. Ставка. 2 ноября 1917 года. *Духонин.*

Разговор по прямому проводу ген. Духонина с ген. Черемисовым 3 ноября 1917 г. о сосредоточении войск у Луги [4]).

— У аппарата главкосев генерал Черемисов.

— У аппарата генерал Духонин.

— Здравствуйте, Николай Николаевич. Положение настолько угрожающее, что я не могу приехать к вам в ставку, да в этом и нет надобности, так как мы можем говорить по аппарату. Мой аппарат в моей квартире вне всякого контроля, так что вы можете говорить все, что сказали бы лично. В дополнение моих трех телеграмм, надеюсь, вами уже полученных, сообщаю следующее: связь с 42 корпусом, стоящим в Финляндии, прервана с 24 октября; по слухам из Ревеля, два полка из Финляндии ушли в Петроград на поддержку революционеров. Ревельский телеграф под контролем Революцион-

---

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 816, л. 68.

[2]) Далее зачеркнуто: «скобка и отнюдь не входя [г] общение [с] гарнизоном Луги скобка».

[3]) Далее зачеркнуто: «район»

[4]) В. И. А., ч. I, д. № 222—093, л.л. 108—122.

ного Комитета. От комфлота получаются только оперативные сводки; что делается на судах, совершенно неизвестно. Получив вашу телеграмму о продолжении перевозок к Луге, я запросил нового начальника гарнизона города Пскова, насколько, по его мнению, возможно движение эшелонов через Псков на север, он мне ответил следующим рапортом: «Доношу, что местный гарнизон г. Пскова полностью находится во власти революционных организаций крайнего направления и в контакте с Военно-Революционным Комитетом Петрограда. Гарнизон силою открыл артиллерийские и оружейные склады и обильно снабжен всякого рода оружием вплоть до артиллерии. Гарнизон стоит на непримиримой позиции по вопросу продвижения эшелонов севернее линии ст. Псков, усматривая в этом развитие контр-революции и содействие таковой со стороны местных властей. На почве этого явления возможны эксцессы, вплоть до вооруженных выступлений, как это уже имело место 31 октября и 1 ноября, причем были раненые и убитые, а перевес всетаки на стороне местного Революционного Комитета. Дальнейшие передвижения, хотя бы только в ближайшие дни, поведут к тяжелым последствиям, в чем я лично убедился путем обмена мнениями с подлежащими организациями. В настоящее время даже чисто стратегические передвижения в районе Петрограда и его окрестностей невозможны. В гарнизоне нет ни одной части войск, которую можно было бы противопоставить другой группе, и всякая в этом отношении попытка будет гибельна для Пскова как центра жизни северного фронта. Генерал-лейтенант Т р и к о в с к и й». — Надо вам сказать, что гарнизон города Пскова в настоящее время состоит из батальона 120 запасного полка, численностью около 1.200 человек, трех этапных рот, двух или трех рабочих рот, одной дружины и около 7.000 солдат распределительного пункта, большей частью вооруженных разграбленными винтовками. Кроме того, здесь два стрелковых эскадрона 16 кавалерийской дивизии, принимающей горячее участие во всех выступлениях. Вы видите, какова обстановка. Мое личное влияние на организации, не исключая Революционного Комитета, дает некоторую возможность пока предупреждать общий пожар, но я боюсь, что он вспыхнет с моим отъездом, хотя был бы рад уехать совсем, уехать отсюда совсем, немедленно. Положение в армиях вам, вероятно, известно из доклада Шубина [1]), который только что был у меня и показывал ленту разговора его с комиссаром ставки. Убедительнейше прошу вас не только не настаивать на продолжении перевозок, но и отправить обратно все части из района Луги, тем более, что эти части очень скоро переменят окраску и, возможно, самочинно двинутся к Петрограду, но уже совсем с другой целью, чем вы предполагали. Кроме того, если даже эшелоны пройдут через Псков, они будут задержаны на следующих узловых станциях, где уже при-

[1]) Помощник комиссара северного фронта (от Врем. Правительства).

няты меры, как мне говорил Шубин, Революционными Комитетами. К сожалению, наштасев и генкварсев, устраняясь от всякого общения с организациями и войсками, по недостатку, конечно, времени, дают вам слишком оптимистическую обстановку. Думаю также, что взгляды казачьего съезда при ставке или другом месте, — где он находится, я не знаю,— также не соответствуют настроению казаков. Считаю, что надо говорить о положении дел прямо, не создавая себе иллюзий, дабы не было ошибочных распоряжений. Я говорил с самого начала Керенскому, когда он был в Пскове, об отношении войск фронта к происшедшим в Петрограде событиям и советовал отменить перевозку войск с северного фронта, предвидя, что это практически не может осуществиться и приведет лишь к тому, что Керенский и те войска, которые ему удастся повести лично, попадут в тяжелое и, может быть, безвыходное положение. Среди оч [1])... свидетелями [2]) этого разговора были Барановский, Кузьмин и Войтинский. Керенский согласился тогда со мной и отменил перевозку войск с северного фронта, но затем, когда я в 5 часов утра ушел от него, к нему снова пришел Войтинский и привел Краснова. Они вместе убедили Керенского ехать не в ставку, как я ему советовал, опираясь на ваше сообщение о настроении войск других фронтов и сообщения генерала Балуева о настроении войск западного фронта, а в Остров и лично вести третий конный корпус, при этом Краснов упустил из виду, что корпус его был разбросан, а именно: 2 Донских полка находились в Ревеле, Приморский полк в Витебске, несколько Уссурийских сотен в Боровичах, где расформировывали запасный полк, убивший командира полка, и в других пунктах. Можно было предвидеть, что если Керенскому и удастся двинуть на Петроград лично части, сосредоточенные в Острове, то остальные разбросанные части будет двинуть очень трудно и, быть может, невозможно. Впоследствии стали от него и от вас поступать приказания о направлении различных частей на Петроград; я сообщал вам тогда, к чему это ведет, и копию нашего разговора отослал Керенскому. Вы согласились не посылать войска, но потом изменили свое решение, думаю, под влиянием докладов лиц, благожелательно относящихся к Керенскому, но неправильно оценивающих обстановку. Главную роль в этом, вероятно, сыграл Войтинский, настроенный очень воинственно, но совершенно не разбирающийся в настроениях масс. Повторяю вам, что я за эти дни настолько измучился, что с величайшим наслаждением ушел бы немедленно с должности, и сделаю это, как только начавшаяся политическая передряга так или иначе закончится. В настоящее время, если вы не отмените распоряжения о движении войск через Псков, я вынужден буду уйти, и если же отмените, останусь пока, чтобы употре-

[1]) Видимо, описка. Следует, по смыслу, допустить возможным: «очевидцев».
[2]) Так в подлиннике.

бить все свое влияние и не допустить развала фронта. Я высказал вам свои соображения с полной откровенностью и прошу вас сделать то же самое, прошу хотя бы на время нашего разговора забыть те сплетни и слухи, которые, я знаю, обо мне .....лагают [1]) и здесь и в ставке; мне совершенно до них нет дела с личной точки зрения, но вам они, несомненно, мешают отнестись надлежащим образом к тому, что я вам сообщаю уже не впервые. *Черемисов.*

— Здравствуйте, Владимир Андреевич. Я ни минуты не предполагал двигать на Петроград 3 Финляндскую и части 35 пехотной дивизии, после того как окончились события под Гатчиной, но воспользовался при этом слагающейся обстановкой и уже происходившим движением частей для задач стратегического значения. Позвольте вас спросить, как и чем предполагаете противодействовать развивающемуся латышскому движению на вашем правом фланге при невозможности рассчитывать на войска Петроградского гарнизона, при условии, [что] 49 корпус, придя в соприкосновение с прибрежными гарнизонами, значительно утратит свою боеспособность и при условии небоеспособности располагаемого вами в Острове 3 конного корпуса?

— Финляндская дивизия и весь 17 корпус, как стратегический резерв, были бы очень желательны в районе Луги, но, как я вам только что докладывал, перевозка его туда через Псков невозможна, так как массы никаких стратегических соображений не понимают и не захотят понять, в движении войск они видят или хотят видеть контрреволюционные попытки со стороны лиц, желающих лишить их возможности осуществить те соблазнительные лозунги, которые им брошены. Третий конный корпус не боеспособен с точки зрения гражданской войны, но пойдет когда угодно в бой, об этом мне заявляли представители уссурийских дивизий, когда приходили ко мне требовать объяснения, почему их везут в Гатчино; донские полки 13 и 15 и сейчас без малейшего ропота несут непрерывную службу на побережье между Гапсалем и Перновом. Если собрать 17 корпус или хотя бы 3 Финляндскую дивизию в районе юго-восточнее Пскова, верстах в 30 от него, вблизи железнодорожных станций, то это бы удовлетворяло и оперативным и политическим условиям, и только было бы затруднение в отношении продовольствия — этот вопрос у нас стоит в катастрофическом положении. Снабсев генерал Фролов на каждом своем докладе два раза в неделю докладывает мне, что положение безвыходное; опасаясь, что он, быть может, сгущает краски, чтобы не быть впоследствии обвиненным в том, что не доложил об этом во-время, я три дня тому назад пригласил к себе интенданта и спросил его о том же, он ответил, что выхода нет. Наштасев Лукирский недавно остроумно заметил, что безвыходное продовольственное положение

[1]) Часть слова не поддается прочтению.

северного фронта получилось вследствие нарезки фронтам полос для довольствия в глубину, причем в то время как на юге войска имеют все, в нашей полосе есть хороший мрамор, финляндский гранит и лес, но нет овса и хлеба. А перевозка запасов из одной полосы в другую запрещена. Нельзя ли найти какой-нибудь выход из этого? Я отвлекся в другую сторону, но это для нас слишком острый вопрос. Снабсев уже проектировал перейти на фронте к одному фунту хлеба и в тылу к $^3/_4$ фунта хлеба, но я положительно не решаюсь на это при нынешнем настроении масс. Противодействовать восстанию латышей мы можем лишь 14 кавалерийской дивизией в районе от Мойзеколь, 17 кавалерийской дивизией, переданной мною командарм XII в Валк, и 4 кавалерийской дивизией, сосредоточивающейся в районе Верро, — кроме того, теми ударными батальонами, какие по настроению кажутся подходящими для этого. Барановский сейчас выбирает район юго-восточнее Пскова на случай сосредоточения там третьей Финляндской дивизии, 35 же дивизию, как мне говорил Кондратьев, по техническим железнодорожным условиям можно повернуть обратно в район Невеля.

— Какое положение у вас сейчас на фронте армий и почему вы его считаете угрожающим?

— Угрожающее положение не в оперативном отношении, а в смысле настроения войск.

— Сейчас я знакомлюсь с теми телеграммами, о которых вы говорили, и лентой комиссарсева и, обсудив этот вопрос, вам сообщу по аппарату, тогда разрешите еще раз вас побеспокоить.

— Имейте только в виду, что я приказал Карамашеву и Кондратьеву приостановить перевозки до вашего ответа, так как гарнизон Пскова уже готовился занимать вокзал, а казаки заявили, что они выступать не станут.

— Всетаки вокзал необходимо занимать надежными войсками. Думаю, впрочем, что проходящие эшелоны едва ли дали бы возможность его разгромить гарнизону, собранному из разных команд.

— Этими командами управляют разжалованные офицеры, ходят команды по городу в полном порядке, как строевые части. Два же эскадрона стрелкового полка 16 кавалерийской дивизии действуют, повидимому, в полном составе. Вчера по моему предложению были собраны все комитеты, которых здесь образовалось до 15, кроме того присутствовали желающие от войск; собранием руководил начальник гарнизона ген.-лейт. Триковский, цель собрания — примирить бесчисленные комитеты, из которых два главных — Военно-Революционный и Комитет Спасения революции — наиболее враждебны и опираются первый на пехоту гарнизона, а второй хотел опереться на казаков, но это не удалось; на собрании комитетам было заявлено генералом Триковским, что они могут веровать во что угодно и поклоняться кому угодно, но обязаны всеми мерами поддерживать порядок.

На этом все комитеты согласились, при условии, если перевозка войск прекратится, вокзал будет нейтрален, то-есть не будет занят ни казаками, ни пехотой гарнизона и если из города будут выведены все войска, присланные сюда для водворения порядка, а по их мнению для контр-революционных действий, и гарнизон Пскова будет приведен в прежнюю норму, до событий 24 октября. Минувшую ночь и весь день сегодня в городе было полное спокойствие, патрули и караулы Псковского гарнизона охраняли город от погрома, казаки оставались в своем расположении, во избежание столкновений с пехотой, что было сделано по инициативе их начальства, но около 4 часов дня сегодня узнали, что войска продолжают двигаться через Псков, и снова начались волнения и поднялось недоверие к начальству. Если войска не будут двигаться через ст. Псков, то она по уговору будет нейтральна, но только Революционный Комитет всетаки хочет иметь на вокзале своего дежурного агента, который бы наблюдал и удостоверял что перевозки действительно прекращены. Должен вам сказать, что, когда двигались хвосты 42 корпуса, Революционный Комитет и Псковский гарнизон отнеслись к этому вполне спокойно, так как им было объяснено и мною и представителями фронтового комитета оперативное значение этой перевозки, начавшейся задолго до того, как разыгралась политическая передряга. Получив вашу телеграмму ночью о сосредоточении 17 корпуса у Луги, я пытался сегодня объяснить представителям Комитета, что это сделано вследствие технических железнодорожных условий, не позволяющих повернуть сразу все эшелоны кругом. Но ни моим объяснениям, ни объяснениям впоследствии начальника гарнизона они не поверили.

— Мне кажется, что им можно было бы объяснить, что латышское движение возникло теперь и угроз [1]) и явилась необходимость обеспечить оборонительную линию озер в случае надобности и вследствие невозможности привлечь для этого Петроградский гарнизон. Теперь выходит так, что вопрос этот ставится в зависимость от настроения Псковского гарнизона, который сейчас же, когда были отправлены надежные части из Пскова, стал предъявлять свои ультиматумы, выпустил 200 человек из тюрьмы и при таких условиях выражает недоверие распоряжениям. Они могут иметь своих представителей в Луге, чтобы убедиться, что никаких контр-революционных замыслов здесь нет. Наконец, части надо расположить ближе к Пскову. Не будут же они итти походным порядком, а подача подвижного состава будет тогда известна. Мне кажется, что ваше влияние на комитеты могло бы изменить настроение и создать благоразумное отношение к вопросу, который, вероятно, и неправильно освещен.

---

[1]) Так в подлиннике.

— Арестанты выпущены несколько дней тому назад, когда казаки были здесь; наконец, и сегодня еще казаки в большинстве во Пскове, успели выехать, кажется, только две-три сотни Уссурийцев, весь Уральский полк будет здесь до 14 часов завтрашнего дня. Желая снестись с казачьим комиссаром ставки по поводу разногласия между полученными от него и от меня приказаниями, а именно — он приказал им соединиться с Уссурийцами в бригаду под начальством старшего и ждать на месте приказания, а я приказал им итти в район Острова и располагаться на отдых, в составе 3 конного корпуса и в качестве фронтового резерва,— сегодня у меня был их полковой комитет и, насколько я понял, ему более улыбается мое приказание, чем комиссара, так как им самим не хочется оставаться в Пскове, ввиду враждебного отношения к ним гарнизона. Таким образом, Псковский гарнизон не потому заволновался опять, что ушли казаки, а потому что казаки не выражают желания вступать с ними в бой после кровавой стычки 1 ноября и постоянных насмешек над ними, действующими всегда изолированно, без пехоты; казаки это мне заявляли и сегодня и раньше. Мое влияние на комитеты возможно лишь в отношении предупреждения разгрома города и лишь при условии прекращения перевозок, что мне не раз заявлялось; кроме того в Пскове есть агенты от армий, которые также наблюдают за вокзалом. О настроении армий вам из доклада Шубина известно.

— Я послал за лентой, ознакомлюсь и тогда сообщу вам. А как же перевозка? Надеюсь, что эшелонов на места назначения не повернули?

— Непонятно, о каких эшелонах вы говорите. Я приказал приостановить движение через станцию Псков. Причем Кондратьев мне сообщил, что он уже сделал это до моего приказания, с тою лишь разницей, что разорванные полки он предполагал собирать, пройдя Псков, а я приказал делать это, не доходя Пскова, для чего повернуть прошедшие уже Псков отдельные батальоны полков. Может быть, вы окончательный ответ дадите завтра утром, ввиду того, что уже поздно, а я 6-ю ночь уже не спал? Думаю, что если на ночь перевозка приостановится, это не создаст оперативных осложнений. Барановский, вероятно, уже сделал распоряжение, чтобы эшелоны 3 Финляндской дивизии сосредоточивались юго-восточнее Пскова, как я вам говорил раньше.

— Где же это юго-восточнее?

— Сейчас я могу узнать по телефону, если он не спит.

— А какие уже части прошли Псков?

— Сейчас скажу, справки у меня не оказалось, она у начальника штаба. Если хотите, разбужу. Насколько помню, часть 3 Финляндской дивизии прошла, и ее-то предполагалось всю стянуть к Луге, а 35-ю Кондратьев сам решил повернуть к Невелю, где она

садилась. Фактически он это сделал уже давно, до получения моего приказания, вероятно, часов 8 тому назад, весь вопрос сводится к движению 3 Финляндской. Думаю, что те два или три полка, которые еще не прошли Псков, не очень улучшат стратегическую обстановку, если сосредоточатся в Луге, а не юго-восточнее Пскова, а между тем движение их может причинить непоправимый вред.

— Как же генерал Кондратьев мог самовольно повернуть эшелоны без вашего ведома и не сообщив об этом начвосоверху? — Ответ окончательный я вам дам телеграммой. Пока до свидания.

— Может быть, на Кондратьева тоже было произведено давление, а может быть, он раньше узнал от наштасева о моем решении приостановить движение, хотя я после разговора с наштасевом почти сию же минуту позвонил Кондратьеву и отдал приказание, а он мне ответил, что это все уже сделано, а затем прислал письменную справку о числе прошедших эшелонов, она у наштасева. До свидания. *Черемисов.*

— До свидания.

Разговор ген. Барановского по прямому проводу с прап. Толстым и пор. Данилевичем 5 ноября 1917 г. в 18 ч. о сосредоточении войск у Луги [1]).

— У аппарата генерал Барановский. Здесь у аппарата поручик Данилевич и Павел Михайлович Толстой. Здравствуйте, Владимир Львович. Нам крайне необходимо знать положение фронта и ту линию поведения политических [2]), которая теперь проводится в отношении к Петрограду. Со своей стороны я, Толстой, ориентирую вас о всем [происходящем] в Комитете Спасения, где я провожу все время, и очень прошу пока вызвать к аппарату членов центрального комитета Хараша и Скалова или Шаскольского и Тумаркина. В частности, не откажите сообщить точные сведения о составе Лужского отряда и движущихся эшелонов.

— Здравствуйте, каким образом вы говорите?

— Мы говорим в кабинете, и центральная станция сегодня, наконец, нас включила с вами, но ставки дать не могла, поэтому после вас прошу соединить нас со ставкой. Ждем ваших сведений.

— Говорит Данилевич. Не сомневайся в подлинности. Доказательства: покинул тебя в 23 часа 45 мин. 27 октября и уехал в Гатчину, откуда по ликвидации всего под арестом Дыбенко прибыл в Петроград. Начинай.

— Положение, которое занял фронт, можно характеризовать как нейтральное. Наши армии определенно высказались за непосылку войск ни той, ни другой стороне, причем образовавшиеся в Двинске,

[1]) В. И. А., ч. I., д. № 222—093, л.л. 153—157.

[2]) Пропущено, видимо, слово: «организаций».

Валке, других пунктах и особенно в Пскове Военно-Революционные Комитеты старательно соблюдают эту позицию, не пропуская никаких эшелонов севернее Пскова. В Лугу проскочило до 6 эшелонов, стало быть, около полка пехоты, ударный батальон и штаб сводной дивизии. Все остальные эшелоны задержаны, севернее Пскова не пойдут. Находящиеся в Луге будут возвращены к своим дивизиям. Наши армии поставили командному составу нечто вроде ультиматума, что если войска с других фронтов будут продвигаться к северу, то армии организуют отряды для посылки им в тыл уже как содействие большевикам и как предотвращение междуусобной войны. Мерами содействия Военно-Революционные Комитеты имеют: разборка путей, захват аппаратов, затем вооруженные нападения, угрозы погромов и насилий, каковые и имели уже место, в частности, у нас в Пскове, гарнизон которого всецело на стороне Военно-Революционного Комитета. В армиях настроение напряженное, но выжидательное. В XII армии бунтуют латыши, выполняя свой какой-то организованный план захвата власти и важных узлов. Там появился обвинявшийся в июле месяце в работе на пользу противника поручик Рябе, а может быть, прапорщик. В V армии положение было очень тяжелое. Армия хотела послать в помощь большевикам целую дивизию. Теперь это улеглось. Западный фронт держит нейтралитет, и Комитеты Спасения с трудом пропустили через район фронта Финляндскую дивизию, ехавшую к нам, после долгих убеждений и уговоров. Южные фронты также проявляют мало активности. Вот в каком приблизительно положении находится фронт. Командный состав абсолютно никакого значения не имеет, совершенно бессилен, не имея возможности проявить свою волю. Все распоряжаются, кроме начальников, которые лишь «пешки» в руках массы и комитетов. Надо сказать, что на нашем фронте Комитеты Спасения не имеют никакого значения и влияния, таковое всецело в руках Военно-Революционных Комитетов. Вот все. Каково положение в Петрограде?

— Говорит Толстой. Эшелоны, дошедшие до Луги, это [не] Невельской бригады или отряда из фронта 3 Финляндской дивизии, 30 и 35 див.?

[Барановский].— Там есть части той и другой.

[Толстой].— По нашим сведениям, от прибывшего из Пскова и Луги знакомого члена Искосола XII, есть все основания надеяться сосредоточить все части отряда под фирмой Комитета Спасения, для чего там образуется филиальное отделение, и кроме выехавших уже товарищей выезжают еще несколько. Решено вести там соответствующую противобольшевистскую агитацию и стягивать там кулак, угрожая оттуда Петрограду, но не двигаясь сейчас на Петроград, чтобы не распылять сил и выждать лучшей обстановки как в смысле подхода с юга подкреплений, так и внутреннего разложения большевизма и разочарования в нем, что происходит сейчас скорее даже, чем можно

было ожидать, особенно в рабочих кварталах, где перевыборы в Совет дают торжество не большевикам, а например, в Путиловском заводе, в заседании представители комитетов не дали даже говорить большевикам, стянув их с кафедры. Из большевистских комиссаров-министров сегодня около половины заявили письменно в газетах о сложении этого звания. Бо́льшую стойкость проявляет весь Комитет Спасения, настаивающий «не признавать большевистского правительства и бороться с ним».

Иностранные дипломаты о революции 1917 г.

Публикуемая ниже коллекция документов отложилась в министерстве иностранных дел в результате работ шифровального или так называемого «цифирного» отделения министерства за период Февральской революции, тех работ его по дешифрированию, которые производились над перепискою иностранных дипломатических представителей в Петрограде, посвященной внутреннему положению страны в связи с революцией.

Нельзя не признать, что продукция работы названного отделения, штат которого пополнялся преимущественно из непривычных к усидчивому труду и особенно нуждавшихся в трудовой дисциплине представителей золотой молодежи, была и в качественном и в количественном отношении не на достаточной высоте. Сравнительно значительный процент нерасшифрованных документов, значительные пропуски в тексте расшифрованного материала, наконец, относительно слабая политическая значимость того материала, который поддавался расшифрованию, таковы характерные особенности оставшейся нам в наследство продукции «черного кабинета» царской дипломатии. Особенности эти могут не только наводить на мысль о том, что именно важнейшие документы ускользали от внимания бывшего министерства, но порою и поселить подозрение в нарочитости той редакции, какую давали иные корреспонденты посылавшимся ими шифрованным телеграммам.

При всем том историк русской революции не может пройти мимо того немногого, что дошло до нас от зашифрованной переписки иностр. дипломатических представителей и чем мы обязаны составителям хранящихся в Моск. Архиве Рев. и Внешней Политики двух досье: 1) «Dossier spécial. 1917. Английские из Англии, Английские из России» (по инвентарю фонда канцелярии мин. ин. дел № 84, на 402 листах.) 2) «Dossier spécial. 1917. Греческие, Персидские, Румынские, Итальянские, U. S. A., Швейцарские, Японские» (по инвентарю фонда канцелярии мин. ин. дел № 85, на 396 листах.)

Обращает на себя внимание факт полного отсутствия в папках относящейся к рассматриваемому времени шифрованной переписки французского посольства.

Что же касается характера собранной министерством шифрованной переписки прочих иностранных миссий, то она представляет для нас интерес не столько по заключенному в ней описанию хода событий, которое в большинстве случаев дает далеко неточное и даже неправильное отображение действительности, сколько по тем данным, которые характеризуют позицию представителей союзных и нейтральных держав в связи с происходившим в России переворотом и выявляют их отношение к основным фактам развивавшейся революции.

Первое место среди них занимает, разумеется, английское посольство, глава которого Бьюкенен, как известно, после Октября, в своих отдельно изданных мемуарах

оправдывался от обвинений в активном пособничестве революции. Февральская революция встречается им не только спокойно, но даже благожелательно; благожелательно — прежде всего потому, что не в пример последнему году эпохи царизма — теперь «нет как-будто никаких оснований опасаться прекращения войны». В те дни Бьюкенену, как и Милюкову, рисовалась идиллическая перспектива конституционной монархии с регентом Михаилом.

В дальнейшем, обеспокоенный антивоенными настроениями солдатских и рабочих масс, он проявляет максимум активности, принимая участие в организации агитационной работы в войсках. Он хлопочет над ускорением возвращения на родину эмигрантов, объявившихся оборонцами, и принимает зависящие от него меры к задержанию едущих в Россию интернационалистов. Полный оптимизма, он советует своему правительству «избегать поступков, которые могут показаться направленными против нового строя». Апрельская демонстрация нанесла первый удар по железному оптимизму посла; но ни июньские, ни даже июльские испытания не сломили бодрости духа великобританского представителя. Теперь он делает ставку на коалиционный кабинет с Керенским во главе, с своей стороны всячески толкая его к решительной, твердой, антибольшевистской политике. Он высказывается в то же время за то, чтобы не препятствовать английским делегатам ехать на Стокгольмскую конференцию. Им продолжает руководить желание «не оставлять России, чтобы этим не воспользовалась Германия, и извлечь, как можно больше, пользы для военного союза с Россией». Сохранившаяся переписка не заключает в себе достаточных данных для суждения о контактной работе английской миссии с ген. Корниловым. Но обращает на себя внимание, что после неудачи Корнилова Бьюкенен особенно занят реабилитацией своего имени перед лицом распространившегося слуха о причастности миссии к предприятию мятежного генерала. В дошедшей до нас переписке «революционером» Бьюкенен продолжает оставаться вплоть до Октября, когда, сжигая все старые политические расчеты, он озабочен только одною мыслью — сохранить находящиеся у него на руках ценности в одном из солидных банковских учреждений.

На роли радетелей и печальников русской революции подвизаются не одни англичане: в той же роли выступает и американская дипломатия, обещающая новому правительству долю в 3-миллиардном займе и горячую плодотворную дружбу при условии, если Временное Правительство сумеет на деле опровергнуть распространившееся мнение о том, что оно «находится под влиянием крайних социалистов, стремящихся к заключению мира».

В ту пору еще далеко не всем было ясно, что предлагавшаяся России великими державами финансовая и всякая иная «поддержка» должна была, по выражению В. И. Ленина (употребленному им на 1-м Съезде Советов), «поддерживать» ее «как веревка поддерживает повешенного». Это станет особенно ясным тогда, когда, ставшие перед лицом Октября, великие державы допустят японские войска к работам по восстановлению далекого русского тыла.

Но и в первые дни революции останавливает на себе внимание позиция Японии, хорошо отдающей себе отчет в том, что ее интересы требуют «обстоятельного выяснения причин революции и ее хода», ибо «будущее России имеет серьезное значение для Японии». Прогноз, даваемый японскою дипломатией в первые дни революции, отличается исключительной определенностью: «Будущее России сомни-

т е л ь н о» — такое заключение слышим мы от нее уже через две недели после Февральского переворота.

Итальянская точка зрения характеризуется в материалах также не менее мрачными мотивами, навеваемыми ей преимущественно обстановкой прифронтовой полосы, в какую попал итальянский посланник в Румынии (находившийся в Яссах). В связи с развертыванием русской революции у последнего проявляются даже покаянные настроения в развернутом виде: «настоящее положение вещей не позволяет возлагать больших надежд на будущее России и ее союзников».

Свободная от всяких обязательств перед державами Антанты, швейцарская дипломатия ограничивается строго информационной работой и ничем себя в переписке не проявляет, как только растерянностью и страхом за будущее («мы живем, как на вулкане»). Излюбленной темой греческой переписки служат вопросы обслуживания пострадавших членов многочисленной царской семьи. Что же касается дипломатии шахской, она исходит из мысли о «странности» происходящих в России событий и сообщения о них собирается первоначально «сохранить в тайне», но затем, убедившись в неудобстве такой постановки вопроса, спешит вслед за другими державами с признанием нового правительства.

Было бы ошибкой, основываясь на пикантности формальной природы документов, искать в них новых разоблачительных данных, но значения документальной иллюстрации того, как преломлялась революция в сознании больших и малых хищников империализма, отнять у публикуемых документов нельзя и нельзя пройти мимо них, поскольку документы эти помогают уяснению того международного окружения, в каком и несмотря на которое русская революция развивалась.

В настоящей публикации все документы воспроизводятся в переводе на русский язык, причем английская и американская переписки даны в переводах, сделанных с английского в Архиве Внешней Политики; итальянская, швейцарская и греческая — в переводах с французского, сделанных в том же Архиве; японская и персидская печатаются по тексту переводов с японского и персидского, сделанных в б. министерстве иностранных дел.

А. Попов.

Телеграмма Исидзака [1]) начальнику японского ген. штаба в Токио.

Петроград. 24 февраля (9 марта) 1917 г., № 297.

Вчера на улицах наблюдались большие скопления народа, и произошли некоторые беспорядки, но серьезного ничего не было. Сегодня толпы больше, и на улицах много войск, жандармов и полиции, которые препятствуют продвижению рабочих в южную часть города, на левый берег реки. Много фабрик в городе остановилось из-за недостатка топлива или вследствие ухода рабочих в виду... [2]) Симпатии населения всецело на стороне рабочих.

---

[1]) Военный агент, прикоманд. к японскому посольству в Петрограде.

[2]) Многоточием здесь и далее обозначены пропуски в подлиннике.

Телеграмма Бьюкенена [1]) Бальфуру [2]) в Лондон.

Петроград. 1(14) марта 1917 г., № 314.

Весьма срочно.

Министр иностранных дел сообщил сегодня мне и моим коллегам— французскому и итальянскому послам,— что у него нет никаких сведений об императоре и что он не знает, верно ли, что императрица покинула Царское Село. Он считает, что революция — совершившийся факт и что у правительства нет войск для ее подавления. Он знает лишь, что император отбыл из ставки в Царское Село сегодня в 2. 30. Он сообщил, что поезд его величества был остановлен на ст. Бологое на полпути между ставкой и Петроградом и не был пропущен дальше. Дума посылает делегатов для предъявления его величеству своих условий. Они предъявляют императору требование отречься от престола в пользу своего сына, а великому князю Михаилу Александровичу предлагают принять регентство на время войны. Должно быть назначено ответственное министерство из 12 членов Думы во главе с князем Львовым и с Милюковым в качестве министра иностранных дел. Сегодня положение в Петрограде значительно улучшилось; хотя и имела место небольшая перестрелка, но она свелась к обмену выстрелами между полицией, стрелявшей с крыш из пулеметов, и солдатами. Тысячи войск вошли в город и присоединились к восставшим. Войска хорошо дисциплинированы; к ним присоединилась некоторая часть офицеров. Город будет разделен на районы с подчинением каждого военному командованию. Москва вполне солидарна с движением. Комитет проявил большую организационную силу, и, если император останется на престоле, нет как будто никаких оснований опасаться прекращения войны. Протопопов добровольно явился в Думу и находится под арестом. Дворец в Царском Селе занят; вследствие просьбы императрицы об охране, туда были посланы два комиссара для переговоров с ней.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 3(16) марта 1917 г., № 333.

Император подписал сегодня в Пскове манифест, в котором он отрекся от престола в пользу великого князя Михаила, так как, по его словам, он не хотел быть разлученным с сыном. Великому князю Михаилу предложено вступить на престол. Воззвание с извещением об отречении расклеено по городу, и солдаты срывают императорские эмблемы.

Военный атташе, только что вернувшийся из Думы, сообщил, что Милюков и Гучков примирились с положением, так как они счи-

[1]) Великобританский посол в Петрограде.

[2]) Статс-секретарь по ин. делам Великобритании.

тают необходимым... Я спросил у Сазонова, которого видел сегодня, какую линию, по его мнению, примут союзные правительства. Он ответил, что они признают всякое правительство, которое решит вести войну до победного конца, но лишь по получении прочных гарантий по этому вопросу.

Телеграмма Исаак-Хана [1]) на имя Вусук-уд-Доуле [2]) в Тегеран.

Петроград. 3(16) марта 1917 г., № 145.

Дума назначила Временный Комитет, который будет управлять государством до созыва Учредительного Собрания, которое определит форму правления.

Я неофициально вступаю в сношения с Комитетом и жду распоряжения для заявления об официальном признании Персией нового правительства.

Телеграмма Фрэнсиса [3]) на имя Рейниш в Пекин.

Петроград. 3(16) марта 1917 г., № 50.

Пожалуйста, передайте государственному департаменту следующую телеграмму: «Наше посольство и служащие нетронуты. Ни одного американского подданного нет в числе пострадавших. Революция, повидимому, удачна и находится в надежных руках. В городе вполне спокойно. Были ли получены телеграммы посольства с № 10 по 1101?»

Телеграмма Вусук-уд-Доуле Исаак-Хану в Петроград.

Тегеран. 4(17) марта 1917 г., № 19.

Здесь получены весьма странные известия о происшедших в России событиях, как то: отречении императора и т. п. Между тем от вас получена только одна короткая телеграмма о забастовке рабочих. Прошу вас срочно телеграфировать о событиях. Существует полная возможность хранить в тайне ваши сообщения, если это окажется необходимым.

Жду также вашего срочного ответа на телеграммы относительно Петроградского совещания по персидским делам, о поездке английского посланника в Тегеран и т. д.

Телеграмма Панаса Залокостасу [4]) в Афины.

Петроград. 4(17) марта 1917 г.

В первый день беспорядков я послал представителя посольства в Павловск для принятия мер. Вчера я снова послал его, но сообщение

[1]) Персидский посланник в Петрограде.
[2]) Министр ин. дел Персии.
[3]) Посол Сев.-Амер. Соед. Штатов в Петрограде.
[4]) Министр ин. дел Греции в кабинете Ламброса (окт. 1916—май 1917 г.)

было прервано. Сегодня сообщил мне, что королева мать [1]) здорова, что в Павловске все благополучно и что никаких беспокойств причинено не было.

Телеграмма Уцида [2]) виконту Уцида [3]) в Петроград.

Стокгольм. 4(17) марта 1917 г.

Ватанабэ генерал-майору Исидзака:

«Сводка главнейших немецких и здешних отзывов: цель русских революционеров заключалась в том, чтобы свергнуть бюрократическое правительство, заменить его народным правительством и произвести крупные реформы, необходимые для организации страны ради войны. Они должны были направить все силы против внешнего врага, добившись соглашения между императором и войсками и единения всей страны. Была надежда на образование коалиционного правительства.

Однако, как теперь передают, революционные партии хотят устранения императора, и еще сомнительно, присоединятся ли к ним войска или нет. При нынешних беспорядках устранение затруднений во внутренней политике и особенно в области продовольствия и транспорта невозможно, пока революция не достигнет своего апогея или [4]) будет заключен мир. Такие беспорядки внутри страны нанесут немалый вред силам армий на фронте. Хотя, поэтому, и желают продолжать войну, но положение русской армии сделалось невыгодным, и это ускорит наступление мира.

Согласно германским официальным сообщениям, потери неприятельского и нейтрального судоходства в течение февраля достигают 368 судов с водоизмещением в 780.000 тонн».

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно [5]) в Токио.

Петроград. 5(18) марта 1917 г., № 253.

Теперь, когда император отрекся от престола и арестован, нет другого исхода, как признать новое правительство фактическим правительством. Однако желательно, чтобы это признание не состоялось позже признания со стороны правительств Англии и Франции. Если вы признаете нужным вступить по этому поводу в переговоры с правительствами Англии и Франции, желательно это сделать немедленно. Если нет, то прошу мне поручить произвести признание совместно с здешними послами Англии и Франции.

---

[1]) Ольга Константиновна, вдова греческого короля Георга I.
[2]) Японский посланник в Стокгольме.
[3]) Японский посол в Петрограде.
[4]) Повидимому, пропущено слово: «не».
[5]) Министр ин. дел Японии.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 6(19) марта 1917 г., № 355.

Сегодня в разговоре г. Милюков выразил большую удовлетворенность положением вещей, но признал, что, хотя армия и спокойна, но по вопросу о перемене режима среди войск существует значительное разногласие. Правительство, — добавил он, — посылает эмиссаров для объяснения положения. Что касается поста верховного главнокомандующего, занимаемого великим князем Николаем, то его превосходительство высказал мнение, что его высочество будет вынужден отказаться от этого поста сам. На мой вопрос об Учредительном Собрании его превосходительство сообщил, что будет выпущено воззвание, объявляющее о созыве Учредительного Собрания при первой возможности, но умалчивающее о сроке. Говоря о Финляндии, он сказал, что будет составлен проект указа о самостоятельности, но никаких решений не будет принято до созыва Учредительного Собрания. Что касается Польши, то он решительно против как независимости, так и отдельной армии и считает, что Польша должна быть автономна и иметь территориальные войска, которые явятся составной частью русской армии. По полученным мною сведениям, крайняя партия теряет почву, и я надеюсь, что она никогда не будет иметь господствующего значения. Она намеревается полновластно управлять страной и вести войну независимо от Думы, и есть какая-то аномалия в том, что Дума, предъявлявшая требования об ответственном министерстве, отойдет от революции и не будет иметь права контроля над правительством. Г. Милюков, который только что заходил ко мне, приходит к следующим выводам относительно положения: революция, — сказал он, — стоила лишь немногих жизней в Москве, и теперь там полный порядок. Он полагает, что окончательным устроением вещей явится избрание нового императора. Единственным кандидатом он считает великого князя Михаила. Его высочество приобрел большую популярность после опубликования своего манифеста.

Телеграмма Лансинга [1]) Фрэнсису в Петроград.

Вашингтон. 7 (20) марта 1917 г., № 1271.

Срочно.

Пожалуйста, зайдите к г. Милюкову, министру иностранных дел в новом правительстве, и попросите о назначении..., чтобы оповестить его о желании нашего правительства завязать сношения с новым правительством России. В конце беседы сообщите, что правительство Соединенных Штатов признает новое русское правительство, и что вы, как посол Соединенных Штатов, готовы продолжать... новое правительство.

[1]) Министр ин. дел Сев.-Амер. Соед. Штатов.

Телеграмма Бальфура Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 8 (21) марта 1917 г., № 526.

Из Гавра, № 27. Секретно.

Министр иностранных дел получил сильно тревожащие его сведения о позиции, которую занял в Петрограде Совет Рабочих. Он опасается, что эти настроения начинают расти. Он уполномочил бельгийского посланника в Петрограде сговориться с союзными представителями и, если это нужно, просить русское правительство не оставлять Бельгию. Г. Вандервельде сносится с русскими социалистами.

Телеграмма Исаак-Хана Вусук-уд-Доуле в Тегеран.

Петроград. 8 (21) марта 1917 г., № 148.

По приказанию Временного Правительства, бывшие император и императрица лишены свободы и будут содержаться в Царском Селе. Министр двора также арестован. Финляндия получила конституцию. Сторонники республиканского образа правления устраивают в Петрограде демонстрации и высказываются против назначения наместника на Кавказе верховным главнокомандующим.

№ 149.

Я посетил министра иностранных дел и выразил надежду персидского правительства на содействие и благожелательность нового русского правительства. Министр ответил, что он всегда был и будет сторонником свободы Персии и персидского народа, и выразил пожелания развития и преуспения Персии. По моему мнению, наши дела при новом правительстве получат благожелательное разрешение.

Телеграмма виконта Мотоно виконту Уцида в Петроград.

Токио. 9 (22) марта 1917 г., № 228.

Китайское правительство медлит с выполнением различных мер, необходимых в связи с разрывом дипломатических сношений с Германией. Я думаю, что одной из главных причин является опасение по поводу русской революции, и телеграфировал поэтому нашему посланнику в Пекине, чтобы он устранил это недоразумение и надлежащим образом дал понять китайским властям, что русская революция не только не повредит делу союзников, но, наоборот, меры нового правительства укрепят позицию союзных держав.

В ответ на мою телеграмму посланник телеграфировал, что он 2—3 дня тому назад поручил генерал-лейтенанту Аоки и генерал-майору Саито поговорить об этом с влиятельными китайцами, с которыми они в постоянных сношениях, причем оказалось, что китайцы, очевидно, уже поняли, в чем дело.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 10 (23) марта 1917 г., № 276.

Содержание конфиденциального сообщения, сделанного Уэда одним русским, который хорошо осведомлен в делах русской революции:

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов попрежнему имеет большую власть: он Исполнительный Комитет Думы [1]) и обращается с Временным Правительством по своему усмотрению. Правительство почти ничего не может сделать без его согласия. Рабочие и солдаты, в общем, пока еще не доверяют новому кабинету, и некоторые из них даже питают недоверие к своему представителю в кабинете — Керенскому. Они уже отклоняют Гучкова и Милюкова, которые занимают самое видное место в кабинете, и говорят, что Гучков оказывал помощь покойному Столыпину и поэтому им не... Возможно, что Гучков скоро оставит свой пост. Родзянко и Милюков совершенно не предвидели, что революция достигнет таких крайних пределов, как мы наблюдаем теперь. В то время, когда Родзянко отправил императору телеграмму, что положение опасно и грозит анархией, они желали образовать ответственный кабинет, но события развивались, и представители всех партий, принадлежащих к прогрессивному блоку, были принуждены образовать кабинет совместно с крайними левыми партиями социалистов-демократов и рабочих. Революция произведена рабочими и солдатами. Поэтому, хотя за исключением Керенского, представителя двух левых партий, все остальные члены кабинета принадлежат к блоку, тем не менее взгляды блока не осуществляются, — наоборот, взгляды означенных двух партий берут верх. В виду этого, в случае ухода Гучкова и Милюкова из кабинета, Временное Правительство всецело обратится в... Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Революция произвела большое впечатление во всей армии и во флоте. Особенно вредно она отразится на войсках на фронте. Солдаты... приказу рабочих, не подчиняются строгим приказам командиров, и многие оставляют фронт. Например, войска в Финляндии, узнав о революции в Петрограде, захотели отправиться в Петроград, чтобы быть свидетелями событий, и так как командиры этого не разрешили, они им оказали сопротивление и теперь свободно, без разрешения, прибывают в Петроград. Не говоря уже об окрестностях Петрограда и об Ораниенбауме, много таких случаев вблизи фронта. Кроме того, в Кронштадте матросы убили 450 офицеров, и в Черноморском флоте, говорят, произошли такие же события. Если, к несчастью, войска на фронте будут себя вести таким образом, война, естественно фактически должна кончиться. Часть крайних с самого начала была против войны, а потом уже большинство стало требовать ее прекращения. Теперь партии русских социалистов, демократов и рабочих открыто агитируют

[1]) Так в подлиннике.

в пользу прекращения войны. В случае, если Россия окажется во власти крайних левых и Германия этим воспользуется, чтобы предложить уступчивые (?) [1]) мирные условия, возможен сепаратный мир между Россией и Германией.

Я, конечно, не могу судить, правильны ли наблюдения этого русского или нет, но, изучая ход революции, многое подтверждается. Судя по заявлению, сделанному мне бывшим русским послом в Токио, Малевским-Малевичем, он высказывается совершенно идентично, и, указав на чрезмерные требования рабочих, он заявил, что опасность заключается именно в этих чрезмерных требованиях. Наоборот, бельгийский посланник высказывается весьма оптимистически: порядок в стране восстанавливается, и он уверен, что революция не отразится особенно на военном положении. Хотя я не думаю, чтобы его наблюдения имели какое-либо серьезное основание, но я их привожу для вашего сведения, как противоположные выше изложенным мнениям.

Уэда конфиденциально сообщили, что корреспондент «Таймс» не так оптимистически настроен и несколько изменил свой взгляд.

Телеграмма Бальфура Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 11(24) марта 1917 г., № 559.

Выясните и сообщите, можно ли предполагать, что нынешнее русское правительство не будет придерживаться политики своих предшественников в отношении вывоза пшеницы из России в Великобританию и Францию? Может быть, было бы хорошо указать, что всякое изменение этой политики, неблагоприятное для союзников, неминуемо отразилось бы на экспорте военного снаряжения в Россию. Крайне необходимо, чтобы правительство его величества и правительство Франции немедленно узнали, возможны ли какие-либо изменения. Такого рода телеграмма может быть послана...

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 11(24) марта 1917 г. [2]).

Сообщение военного атташе: «Майор Торнгилл и я посетили сегодня Царское Село и виделись с представителями гарнизона. Условия там лучше, чем в Петрограде, и в первом кавалерийском полку еще обучают солдат. Есть, в общем, надежда на продолжение войны, но солдаты с восьминедельной подготовкой учатся лишь по 4 часа в день и только... работают шесть часов. Говорят, что из отрядов Петроградского гарнизона будут образованы регулярные войска. Корнилов сообщил мне, что завтра перед Думой состоится парад нескольких

[1]) Вопросительный знак в подлиннике.
[2]) В подлиннике № отсутствует.

полков. Майор Нельсон возвратился с северного фронта, вынеся неблагоприятные впечатления от положения в Двинске, создавшегося в силу того, что офицеры совершенно утратили свой авторитет, и многие солдаты покидают окопы. Два офицера из состава высшего командования выразили надежду, что положение вещей изменится, но признают, что оно очень неблагоприятно на северном фронте. Г. Гучков выехал из Петрограда на фронт вчера ночью. Генерал Эверт отозван с западного фронта и заменен генералом Лечицким.»

Телеграмма виконта Мотоно виконту Уцида в Петроград.

Токио. 12(25) марта 1917 г., № 242.

Благодаря вашим донесениям относительно русской революции положение постепенно выясняется, однако, так как будущее России имеет серьезное значение для Японии, нет надобности настаивать на том, как важно для будущего обстоятельное выяснение причин революции и ее хода. Каждый раз, когда вы будете получать какие-либо сведения, прошу мне подробно телеграфировать о ваших наблюдениях, особенно относительно следующих пунктов: была ли забастовка только одним из действий, предусмотренных революцией, как таковой, или же она возникла сама по себе и явилась только удобным случаем для возникновения революционных беспорядков; вызвано ли быстрое присоединение армии и флота к революции предварительным соглашением с революционными партиями; как относятся войска к старому императорскому дому, и не следует ли опасаться по этому поводу контрреволюционных действий?

Телеграмма виконта Мотоно виконту Уцида в Петроград.

Токио. 13(26) марта 1917 г., № 249.

Наш посланник в Берне телеграфирует за № 51:

«23-го здешний испанский посланник со слов одного дипломата мне сообщил следующее: Россия вследствие революции окажется в невыгодном положении. Желание мира со стороны русского народа будет все усиливаться, и Россия будет принуждена заключить сепаратный мир с Германией. В таком случае Германия намерена через посредство России заключить мир с Японией и отделить ее от союзников. Говорят, что русский поверенный в делах, кроме инструкции г. Милюкова, которую он сообщил здешнему правительству, не получил никаких телеграмм и, очевидно, не осведомлен о перевороте в России.

«Викторов, который в прошлом году здесь открыл осведомительное бюро, уверен в успехе революции. Он говорит: русская революция имеет две задачи: во-первых, реформировать правительство и страну, а во-вторых, победить внешнего врага. Нынешняя революция, которая подготовлялась 10 лет, сделана кадетами и октябристами. Социалисти-

ческие и рабочие партии в ней мало участвовали. Первые умеют изменить то, что следует изменить, и сохранить то, что следует сохранить.

«На мое замечание, что японцы не могут понять опасений императора,[1]) он сказал: император добрый человек, однако, сколько ему ни говорили, он не слушался. Ничего не поделаешь. Здешние..... газеты поместили статьи такого же содержания, как немецкие газеты. Французские газеты приветствуют революцию, но говорят, что революционеры во многих отношениях должны изменить свое поведение».

Телеграмма Псиша [2]) Залокостасу в Афины.

Яссы. 13(26) марта 1917 г.

Комитет..... Петрограда дал приказ высшему командному составу войск румынского фронта объявить подчиненным ему войскам, что они примут участие в выборах в Учредительное Собрание, которые будут произведены путем голосования одновременно по всей России и в армии на всех фронтах.

Мой русский коллега, генерал Мосолов, который в течение четырех лет был чиновником министерства двора и, несмотря на либеральные тенденции, глубоко привязан к бывшему императору, сказал мне, что командование румынским фронтом, посовещавшись с ним, сочло долгом отложить на время объявление этого сообщения войскам.

В русских войсках здесь царит полный порядок. Очень большое количество солдат открыто носит красный цвет на улице и вчера утром отправилось в церковь причащаться.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 13(26) марта 1917 г., № 396.

Как вам известно, крайней рабочей партией ведется активная пропаганда против войны, причиняющая большое беспокойство русскому правительству. Они делают все возможное, чтобы ослабить влияние правительства на армию. Временное Правительство не чувствует себя достаточно сильным, чтобы бороться со всякого рода пропагандой и препятствовать свободному передвижению агитаторов. Мне говорили, что для борьбы с партией, которая ведет агитацию против войны, был бы полезен приезд сюда члена второй Думы Алексея Аладьина, который давно живет в Англии. С ним надо было бы посоветоваться и относительно приезда других. Полагают, что англичане, говорящие по-русски, хорошо сделали бы, если бы лично вели работу в пользу войны. Военный атташе уж привлечен к агитационной работе в войсках, и было бы ошибкой с нашей стороны отказаться от этой меры.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Греческий посланник в Румынии.

Телеграмма бар. Фашотти [1]) бар. Соннино [2]) в Рим.

Яссы. 13(26) марта 1917 г.

Телеграмма № 96. Румынская главная квартира также переведена сюда. Всеобщий интерес сосредоточен на событиях в России, особенно военного характера. Говорят, что генерал Лечицкий, командующий северной частью румынского фронта, должен будет заменить генерала Эверта, который получит отставку. Говорят также, что генерал Сахаров будет отозван. Две русские дивизии, из которых одна находилась в Бессарабии, а другая в Молдавии, переведены куда-то в другое место; из этого делают заключение, что эти две дивизии составляли единственные русские резервы и что число русских войск здесь все уменьшается. Здесь получен приказ снять с мундиров царские знаки отличия, короны и пр.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 14(27) марта 1917 г., № 407.

Корреспондент «Таймса», только что вернувшийся из поездки на фронт с г. Гучковым, утверждает, что положение там сильно изменилось, и солдаты стоят за доведение войны до конца. Г. Гучков был встречен тепло, и это должно придать ему силы. Здесь положение также, повидимому, изменилось. Я получил сведения, что в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов единомыслие и что крайние в незначительном меньшинстве.

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 15(28) марта 1917 г.

Телеграмма № 99. Братиано сообщил мне, что г. Милюков сделал ему самые твердые и сердечные заверения, что война будет доведена до конца и что Россия окажет Румынии всяческую поддержку.

Отозвание генерала Сахарова, оказывается, решено. Говорят также об отозвании генерала Мосолова вследствие его интимной связи с бывшим двором и особенно с генералом Фредериксом. Братиано против отозвания этих двух должностных лиц, первого потому, что он знает местные условия и потому что он убежден в безусловной необходимости сделать все для открытия Дунайского пути, а второго потому, что он всегда отличался сговорчивостью и доброжелательностью. Что касается продовольственного вопроса, то Братиано не придерживается мнения, будто русские уже сами заботятся об удовлетворении всех своих нужд, как сказал мне русский посланник. Братиано утверждает, что русские обязались доставлять сюда ежедневно двенадцать поездов для себя и два для Румынии, тогда как до начала настоящей недели пришло лишь восемь поездов для русских и ни одного для румын-

[1]) Итальянский посланник в Румынии.

[2]) Министр ин. дел Италии.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 15(28) марта 1917 г., № 303.

27-го граф Коковцев заявил посетившему его Марумо следующее: я весьма затрудняюсь ответить на ваш вопрос о положении. По моему мнению, дальнейшее всецело зависит от хода войны. В нынешнем Временном Правительстве большинство умеренно-прогрессивных взглядов и желает введения либеральной конституции. Последняя забастовка была только устроена, чтобы показать силы революционеров. Это движение, против их собственного ожидания, получило дальнейшее развитие и привело, в конце концов, к нынешнему положению. Совет Рабочих Депутатов, который за последнее время неоднократно имел столкновения с думскими депутатами, согласился поддержать правительство в вопросе о продолжении войны. Если будет достигнуто соглашение, если нынешнее положение на фронте будет сохранено, если порядок, который теперь восстанавливается, будут поддерживать, положение прогрессивного правительства укрепится. Контрреволюционное движение невозможно. Факт — что между армией и флотом и революционными партиями существовало предварительное соглашение: это одна из причин быстроты переворота. Сведения о положении на фронте, которые я до сих пор имею, к счастью, удовлетворительны. Однако, об этом можно судить только на основании донесения бывшего военного министра, генерала Поливанова, который на-днях должен вернуться из ставки (Марумо собирается сделать вторичный визит в ближайшие дни).

Вообще, следует обращать внимание на ход войны. Если события примут неблагоприятный оборот, нельзя ручаться, что сепаратный мир и восстановление монархии не возможны. Будущее России .....[1]).

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 15(28) марта 1917 г., № 304.

Вознесенский, член совета Общества 1914 года, заявил 27-го марта Уэда следующее: в органах крайних левых партий довольно сильно течение в пользу прекращения войны, но Временное Правительство, в целях препятствования осуществлению этих планов, сделало различные уступки Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и добилось соглашения. Особенно солдатам даны большие права: им предоставлено право выбора командного состава. Сделано предостережение, что, как только немцы придут в Петроград, старый порядок будет восстановлен. Большинство рабочих склонно к прекращению войны, солдаты согласны на прекращение ее и, вероятно, дело не [2]) дойдет до прекращения войны. Англия уже давно опасалась появления мирных

[1]) Пропуск слова в подлиннике; от руки приписано: «сомнительно?».

[2]) Так в подлиннике. Повидимому, здесь ошибка переводчика.

течений в России и препятствовала раньше движению консервативных партий в пользу сепаратного мира. Теперь еще сильнее желание мира со стороны рабочих и социалистических партий. Революция пока еще не особенно вредно отразилась на фронте, однако она имела весьма печальные последствия во флоте. В Балтийском флоте свыше 200 офицеров убиты матросами. В деревнях революция также имела дурные последствия: много помещиков подверглось нападению со стороны крестьян, и их дома разрушены. В настоящее время революция достигла апогея, и неизбежна реакция. Сейчас нельзя предвидеть, откуда она произойдет: от крайних левых или крайних правых, или одновременно от обеих крайних партий, но можно наперед сказать, что в ближайшем будущем в какой-либо форме должна...

Телеграмма Бальфура Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 15 (28) марта 1917 г., № 585.

Французское правительство посылает в Россию миссию, в состав которой входят несколько французских парламентариев, и мы предлагаем, чтобы три английских парламентария также отправились с ними. Высказывались предположения, что г. Григорий Алексинский, бывший член Думы, будет сопровождать депутацию. Я был бы рад узнать ваше мнение относительно того, хорошо ли это будет принято русским правительством.

Телеграмма Фрэнсиса Лансингу в Вашингтон.

Петроград. 15 (28) марта 1917 г., № 1143.

Вчера возвратился г. Гучков. Я видел его сегодня. Он говорит, что положение постепенно улучшается и что напряженность его ослабела с тех пор, как я виделся с ним перед его отъездом на фронт. Конфиденциально он сообщает, что неприятель не ведет активных приготовлений вблизи фронта и не предполагает переходить в наступление. Тем не менее, в официальных воззваниях он объявляет, что неприятель стягивает силы для наступления на Петроград. Он. . . . затруднения попрежнему с г. Скобелевым. Продолжают царить порядок и спокойствие. Я передал г. Гучкову 10.000 рублей, переведенные мне по телеграфу . . . для нуждающихся солдат, и предполагаю передать 10.000 рублей Красного Креста. . . . министру юстиции г. Керенскому для политических ссыльных.

Похороны жертв революции на Марсовом поле состоятся в четверг 23 марта. Ожидается большое стечение народа. . . весь порядок церемонии. Временное Правительство заявляет, что оно берет на себя честное выполнение денежных обязательств прежнего правительства, как, например, выплату процентов и выкуп государственных займов и т. д., и что подлежащие уплате налоги и другие подобные платежи должны вноситься попрежнему, пока новое законодательство не изменит их.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 16 (29) марта 1917 г., № 415.

На вашу телеграмму № 585/373.

Министр иностранных дел сказал, что он приветствует приезд английских представителей с Григорием Алексинским, но что он предпочел бы, чтобы Аладьин, о котором я упоминал ранее в телеграмме за № 396, не приезжал.

Телеграмма Бальфура Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 16(29) марта 1917 г., № 601.

Из различных телеграмм, посланных все еще находящимися в Берлине корреспондентами американских газет, выясняется, что немцы распространяют в Америке следующую версию о недавних событиях: русская революция является результатом ваших интриг и интриг английского правительства, имевших целью ниспровержение старого режима как в наших интересах, так равно в интересах русских промышленных и торговых кругов. Они изображают правительство состоящим из людей, подобных Неккеру в эпоху французской революции, которые колеблются между уступками и настоящей свободой. Америка, — внушают немецкие корреспонденты, — вероятно склонная сочувствовать новому движению, должна ясно понять, что правительство состоит не из радикалов, социалистов, демократов или республиканцев, но из либералов, лишь немногим менее консервативных, чем партия октябристов.

Я не вижу в настоящее время иного средства к тому, чтобы рассеять это впечатление в Америке, кроме ваших бесед или бесед русских должностных лиц с американскими корреспондентами в России. Я был бы рад получить сведения о проведенных беседах и передать их г...

Телеграмма маркиза Карлотти [1]) бар. Соннино в Рим.

Петроград. 18 (31) марта 1917 г.

Телеграмма № 164. Речь Бетман-Гольвега на тему о возможности сепаратного мира произвела большое впечатление на радикальные элементы в Советах Рабочих и Солдат. Собрание Совета созвано назавтра для обсуждения вопроса о мире. Правда, радикалы ставят вопрос о мире и в зависимость от упразднения монархии и милитаризма и от победы революции в Германии. Но, с другой стороны, есть опасность, что эти взгляды могут легко превратиться в сильное течение в пользу мира, тем более, что как солдаты, так и рабочие, в сущности, против продолжения войны. Опасность тем более велика, что нет ни малейшей возможности рассчитывать на Временное Правительство, авторитет

[1]) Итальянский посол в Петрограде.

которого в Петрограде чрезвычайно мал по сравнению с авторитетом Совета Рабочих и Солдат. Временное Правительство явно старается сделать все, чтобы угодить Совету, на стороне которого, по крайней мере, 300.000 рабочих и столько же солдат, но удастся ли это ему? Мне думается скорее, что Временное Правительство может быть свергнуто или же должно будет для своего спасения уступить радикальным требованиям Совета. Во всяком случае, настоящее положение вещей не позволяет возлагать больших надежд на будущее России и ее союзников.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 18(31) марта 1917 г., № 314.

Секретно.

Мнения о положении у всех различны, в зависимости от занимаемого положения и общего настроения, и трудно прийти к определенному выводу. Однако, в виду вашей телеграммы за № 242, что я должен телеграфировать о всем слышанном, я передаю следующее:

30-го Савицкий, исключительно для моего осведомления, под большим секретом, сделал Уэда сообщение, которое диаметрально противоположно взглядам, высказанным графом Коковцевым (сравни мою телеграмму за № 303). Граф по своему положению не мог сказать больше того, что сказал. Несколько дней до революции он высказался весьма оптимистически, но если. . . ., то не оказалось ли это мнение неправильным? Внутреннее положение по внешнему виду благоприятное, но на самом деле, оно, наоборот, заключает в себе большие опасности. Кроме того, оно изо дня в день ухудшается. Если у людей сложилось поверхностное мнение, что все благополучно, то это происходит оттого, что Временное Правительство, в согласии с Исполнительным Комитетом Думы, скрывает от общества правду. Революция уже чрезвычайно вредно отразилась на фронте и в деревнях. На фронте между офицерами и солдатами плохие отношения, а солдаты не только не подчиняются приказам офицеров, но многие из них оставляют фронт вследствие... Поездка всех членов кабинета в ставку предпринята исключительно для обсуждения положения на фронте. Кроме того, на фронте недостаток в продовольствии. На северном фронте еще есть некоторые запасы, а на других фронтах уже ощущается недостаток. Сообщения членов Исполнительного Комитета Думы, командированных на фронт, составлены весьма оптимистически, но на самом деле положение диаметрально противоположно. Я в этом убедился из разговоров с офицерами, вернувшимися на-днях с фронта. Если, поэтому, неприятель сделает попытку наступать, он с легкостью может дойти сюда. Далее, в различных губерниях начались восстания крестьян. Например, в Орловской губернии было большое крестьянское восстание. Здесь войска ежедневно устраивают шествия с красными флагами с надписью:

«До конечной победы», «Да здравствует республика», «Земля и Воля» и т. д. Однако, это делается Временным Правительством для того, чтобы скрыть в стране и за границей безотрадное положение. Порядок в городе удовлетворителен, но через 2—3 недели наступит недостаток в припасах, и нельзя знать, не начнут ли народ и солдаты снова бесчинствовать и не дойдут ли они опять до насилий. Я намерен поэтому в ближайшем времени отправить свое семейство в Москву на попечение родных.

Вчера я посетил Плансона, с которым познакомился в Пекине; его мнение, что нынешняя революция — дело пролетариата, среди которого много нигилистов. Он уже несколько лет опасался наступления нынешних дней, особенно после возвышения Распутина. . . Может быть, это весьма. . . по отношению к иностранному государству, но поскольку ему самому приходилось сталкиваться, нет таких лиц, которые не были бы недовольны нынешним положением. Он заявил, что нынешние дела не могут вызывать восхищения, и был весьма пессимистически настроен.

Бельгийский посланник, который меня посетил вчера вечером, уже не так оптимистически настроен, как прошлый раз. За последние дни аграрное движение весьма распространилось, и результаты его вызывают опасения. Относительно нападения германской армии на столицу он сказал: «если они не воспользуются этим благоприятным случаем, «Germans would be stupid»[1]). Теперь рабочие изо всех сил агитируют в пользу того, чтобы Учредительное Собрание заседало здесь, однако к тому времени русская столица может оказаться в руках неприятеля, и было бы лучше его устроить в Москве, где сравнительно безопаснее.

Телеграмма Одье [2]) в политический департамент в Берн.

Петроград. 18(31) марта 1917 г., № 53.

Внутреннее положение неустойчиво. Временное Правительство не располагает силами, на которые оно могло бы опереться. Значительная часть солдат Петроградского гарнизона исчезла. Пытаются организовать оставшуюся часть. На фронте — многочисленные случаи дезертирства солдат, стремящихся возвратиться домой. Поступают сведения о беспорядках в провинции, убийствах помещиков, грабежах имущества. В дипломатических кругах предполагают, что немцы не перейдут в немедленное наступление, так как дороги совершенно испорчены, и так как немцы рассчитывают на скорое разложение армии в связи с отсутствием дисциплины, что делает в настоящее время наступление излишним. В столице тревожно. Возможно, что Бибиков будет отозван в министерство. Плансон окончательно устранен. Назначение посланника в Берн еще не состоялось; имеется несколько кандидатов.

[1]) Немцы были бы глупы.

[2]) Швейцарский посланник в Петрограде.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 19 марта (1 апреля) 1917 г., № 323.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 303.

1 апреля Марумо опять посетил графа Коковцева. Он остается при своем мнении и заявил следующее:

1. Ни в коем случае не будет контрреволюции старых монархических партий, так как у русских консерваторов нет силы настоящего убеждения.

2. Между солдатами и рабочими есть некоторые разногласия, но с каждым днем все более сказывается тенденция. . . и приступить к работам. В Петрограде положение еще не совсем удовлетворительно, но в Москве, Харькове и т. д. оно вполне удовлетворительно. Вызвано это сознанием, что забастовки приведут к поражению, и в результате с таким трудом завоеванная свобода будет потеряна.

3. Он не верит в недостаток в продовольствии. Крестьяне уже начали выдавать спрятанные запасы хлеба. Товаров в стране достаточно, но зима в этом году помешала транспорту и снабжению продовольствием, но и это будет исправлено. Нельзя сказать, что в столице продовольственное дело обстоит вполне удовлетворительно, однако таких стеснений, как прежде, уже не будет. Беспорядки в провинции просто. . . . .

4. Относительно военного положения ему не удалось как следует побеседовать с генералом Поливановым, но положение на фронте удовлетворительно, и есть возможность сказать, что ему ничего неизвестно, но у него, очевидно, есть опасения.

5. Относительно места и сил германского наступления ничего неизвестно, но, с точки зрения германской армии, она, вероятно, сперва направится к Риге и Двинску. От этого фронта до столицы кратчайшее расстояние — 445 километров, и продвижение больших сил вызовет большие затруднения.

Несмотря на эти заявления, граф, очевидно, в душе сомневается, на чьей стороне будет победа.

Телеграмма Цинда [1]) виконту Уцида в Петроград.

Лондон. 21 марта (3 апреля) 1917 г., № 102.

Я телеграфировал министру иностранных дел за № 141: «Сегодня я посетил лорда Гардинга и беседовал с ним о положении в России. Он заявил, что положение быстро ухудшается.

Я сказал, что известия как будто бы хороши, а в то же время я слышал пессимистические разговоры. Говорят, что дисциплина в войсках на фронте весьма расшатана, и вследствие неподчинения солдат многие офицеры уехали. Действительно ли так?

[1]) Японский посол в Лондоне.

Лорд ответил: это верно, но это нас не должно беспокоить. В самом деле, солдаты поступают так не потому, что они не желают войны, а — желая прогнать офицеров, которые им не нравятся. Изгнанные офицеры обменялись местами, и многие из них снова заняли свой пост.

На мой вопрос, не возможно ли при таких условиях в армии наступление немцев, о котором говорится в газетах, он ответил: если Германия предпримет большое наступление, то именно это будет великим счастьем для России. В виду внешней опасности немедленно укрепится внутреннее единение. Германия действует весьма необдуманно, и поэтому возможно, что она способна совершить такую глупость.

На мой вопрос, нет ли симптомов каких-либо выступлений консервативных партий, он сказал: я не верю в такую возможность. Единственно, чего я опасаюсь, это — усиления радикальных элементов. Но, судя по ходу событий, они постепенно теряют свое влияние. Вообще положение немного улучшилось. Что касается переезда императора в Англию, то я не получил никаких сведений от русского правительства. Возможно, что социалистическая партия боится, как бы удаление императора за границу не имело опасных последствий, и противится этому. Я это предвидел».

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 21 марта (3 апреля) 1917 г., № 453.

Министр иностранных дел сообщил сегодня, что император переведен из Царского Села в Петергоф, где их величества жили обычно летом. Мы еще не имели возможности ... Императрица должна была приехать к нему, но осталась со своими детьми, один из которых сильно болен. Перемена местожительства императора вызвана тем, что в Петергофе легче обеспечить безопасность его величества, окружив его войсками.

Телеграмма Уцида виконту Уцида в Петроград.

Стокгольм. 22 марта (4 апреля) 1917 г.

Генерал-майору Исидзака от Ватанабэ: «Полковник Кавасэ и четверо его подчиненных прибыли сюда 3 апреля из Англии. По их рассказу условия плавания между Англией и Бергеном следующие: суда приблизительно в 1.200 тонн, скорость хода 1... узлов, с 1 легким орудием. Обыкновенно есть конвой, состоящий из двух истребителей, так что опасность сравнительно невелика.

Выражение германским канцлером сочувствия русской революции и заявление, что немцы в настоящую минуту не намерены наступать на восточном фронте, показывают, что Германия желает опять сблизиться с Россией и склонить социалистические партии к миру. Немецкие социалисты стараются через посредство социалистических партий в Да-

нии и Швеции добиться сближения с русскими социалистическими партиями. Поэтому здесь склонны думать, что германское наступление будет предпринято на западном или итальянском фронтах».

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 23 марта (5 апреля) 1917 г.

Телеграмма № 104. Русская революция начала возбуждать отголоски здесь, в особенности в отношении аграрного вопроса.

Президент палаты депутатов просил Братиано выступить в совете министров в защиту того, чтобы парламент был уполномочен провести, по крайней мере, своим голосованием, принцип экспроприации крупных частных владений и раздела государственных земель между крестьянами. Братиано сказал мне, что он еще не решается поднять этот вопрос. Тем не менее, он убежден, что предоставление более широких прав земледельческому населению настолько же необходимо для поддержания порядка, как и по соображениям внутренней политики.

Я слышал, что король Фердинанд также серьезно занят этим вопросом и что ожидают опубликования мероприятий в пользу крестьян.

Что касается общего положения Румынии, то его не следует считать улучшившимся.

Телеграмма пом. начальника япон. ген. штаба Исидзака в Петроград.

Токио. 23 марта (5 апреля) 1917 г.

Мы не в состоянии разобраться в известиях, поступающих отовсюду, относительно политического положения в России. Вы должны немедленно выяснить нынешнее положение и отношение к революции со стороны политических и финансовых кругов, всех классов и особенно войск на северном фронте, и обрисовать дальнейшие перспективы революции. Если потребуется, вы можете для этой работы вызвать в Петроград одного военного агента. Военное министерство дало на это свое согласие.

Телеграмма виконта Мотоно виконту Уцида в Петроград.

Токио. 23 марта (5 апреля) 1917 г., № 302.

Ваше мнение о ходе революции и о дальнейшем положении, благодаря вашим сообщениям, постепенно выясняется. По поводу дальнейшего развития мнения еще очень расходятся, особенно, что касается положения на фронте. Представляются ли отношения между офицерами и солдатами на фронте действительно опасными или нет, на этот вопрос смотрят различно, в зависимости от того, кто говорит. Таких рассуждений нам не нужно. Для императорского правительства в настоящее время нужны точные сведения о положении русских войск на фронте.

В виду этого мы обсудили вопрос с военными властями, и помощник начальника генерального штаба отправил военному агенту, прикомандированному к вашему посольству, инструкции вызвать наших военных агентов в Петроград и сделать действительно правильное донесение. Поэтому я бы просил вас обсудить этот вопрос с генерал-майором Исидзака и телеграфировать мне о результатах ваших наблюдений. Если вы сочтете нужным отправить кого-нибудь на фронт для подробного изучения положения, прошу мне телеграфировать для...

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 28 марта (10 апреля) 1917 г., № . . .

Морской атташе сообщает: контр-адмирал Верховский, до сих пор командовавший балтийской подводной эскадрой, назначен начальником штаба вице-адмирала Максимова, командующего морскими силами в Балтийском море. Это назначение заслуживает одобрения, так как адмирал Верховский хорошо известен как офицер и в начале движения держался осторожно, сохраняя доверие матросов. Адмирала Максимова считают лучшим администратором, чем офицером, и так как он в настоящее время не вполне отвечает своему назначению, хотя и пользуется доверием корабельных команд, то при удобном случае он будет смещен. Таким образом, назначение Верховского начальником штаба Максимова, несомненно, поведет к большим улучшениям в Балтийском флоте; к тому же, думают, что он будет преемником Максимова.

Телеграмма швейцарского политического департамента на имя Одье в Петроград.

Берн. 31 марта (13 апреля) 1917 г., № 65.

Газеты Francfort Times [1]) сообщают, что Совет Солдат и Рабочих намеревается свергнуть Временное Правительство и послать депутатов в Стокгольм для заключения мира во что бы то ни стало.

Так ли это?

Телеграмма Одье в политический департамент в Берн.

Петроград. 3 (16) апреля 1917 г.

Могу сообщить о реорганизации министерства иностранных дел, создании экономического департамента и введении должности помощника секретаря по юрисконсультской части, что должно заменить упраздненный второй департамент [2]). Послы в Вашингтоне, Мадриде и посланник в Копенгагене будут сменены. Плансон оставлен за штатом.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Второй департамент министерства ин. дел ведал вопросами экономического характера, реорганизации подвергался в 1914 и в 1917 гг.

Многочисленные манифестации воинских частей требуют от рабочих возобновления интенсивной работы для производства боевых припасов. Дезертиры начинают возвращаться на фронт. Аграрное движение усиливается, — в некоторых губерниях крестьяне не признают властей, землевладельцев и управляющих и держат себя так, словно земли принадлежат им. Съезд кадетской партии поддерживает политику Милюкова, зато Совет Рабочих и Солдатских Депутатов продолжает оказывать давление на Временное Правительство с целью добиться отказа союзников от завоевательной политики и контрибуций и заключения мира по соглашению демократий всех воюющих стран. Временное Правительство и Совет ведут переговоры. Информирую вас, если упомянутое соглашение будет достигнуто.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 3(16) апреля 1917 г., № 535.

Товарищ министра иностранных дел сообщил мне сегодня, что он слышал, будто итальянский анархист, по имени М . . . ари [1]) намеревается приехать в Россию через Германию или через Англию. Товарищ министра иностранных дел выражает надежду, что если он выберет второй путь, то английское правительство будет в состоянии не пропустить его дальше.

Телеграмма виконта Мотоно виконту Уцида в Петроград.

Токио. 4(17) апреля 1917 г., № 328.

Недавно в Петрограде состоялся съезд конституционно-демократической партии, причем была принята резолюция выразить Японии дружественные чувства. Вследствие этого лидеры партии отправили премьер-министру телеграмму, в которой была изложена вышеупомянутая резолюция членов партии по поводу продолжения войны.

В виду того, что мы должны послать ответную телеграмму, прошу мне сообщить о подробностях съезда. В упомянутой телеграмме говорится о Винавере, как о лидере партии. Прошу мне телеграфировать, что это за личность.

Телеграмма Одье в политический департамент в Берн.

Петроград. 4(17) апреля 1917 г., № 56.

На ваш № 65. Сведения об упоминаемом в ней аресте оказались неверными.

Все еще нет сведений о соглашении между Временным Правительством и Советом. Совет, конечно, во многих отношениях враждебен Временному Правительству и, особенно, Милюкову, несмотря

[1]) Так в подлиннике.

на запоздалое отступление Львова в вопросе о Константинополе. Временное Правительство не располагает силами, которые оно могло бы противопоставить рабочим; гарнизон и правительство осыпают друг друга упреками: обе стороны придерживаются выжидательной тактики. Два эскадрона, посланные правительством для подавления беспорядков в Эстонии, дезертировали: офицеры возвращаются одни. Совет, впрочем, не имеет никаких сил вне Петрограда. Поэтому союз с Советом не улушил бы положения в провинции, где многочисленные комиссары и комитеты, образованные наспех, зачастую с сепаратистскими тенденциями, не признают никакой власти и не принимают никаких мер к подавлению аграрной анархии.

Недостаток угля и кризис транспорта парализуют деятельность заводов, несмотря на уменьшение прогулов. Опасаются наступления через 15 дней в Петрограде хлебного голода, который сделает положение еще более тяжелым. Сильно рассчитывают на энергию и опытность Керенского. В некоторых дипломатических кругах считают падение Временного Правительства весьма вероятным. Говорят также о возможности пополнения правительства новыми представителями левых групп, а также о переезде правительства в Москву, где оно будет иметь большую поддержку.

Телеграмма Бальфура Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 4(17) апреля 1917 г., № 726.

Из Гааги. № 886. Я слышал за последние дни из четырех различных источников, идущих из Копенгагена, об уверенности Германии в том, что мир между Россией и Германией будет объявлен через две недели. Одно из этих сообщений гласит, что Кюльман, находящийся, по слухам, в указанном городе, уполномочен на ведение переговоров. Я не думаю, чтобы эти слухи были вызваны сегодняшним сообщением о том, что Австрия, в связи с недавней декларацией русского Временного Правительства об отказе от аннексии территорий других стран, а равно от нарушения их национальных прав, заявила, что Россия и Австрия движимы одними и теми же чувствами и что в скором времени поэтому может быть заключен мир.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 4(17) апреля 1917 г.

Лично.

Моя личная телеграмма от. . . . апреля.

Великий князь Михаил прислал мне письмо и сообщает, что сумма денег, которую он хочет перевести в Англию, достигает 100.000 руб. Я ничего ему не ответил и был бы рад, если бы вы ответили на вышеупомянутую мою телеграмму до предположенной поездки великого князя... в Англию.

Телеграмма Одье в политический департамент в Берн.

Петроград. 7(20) апреля 1917 г., № 58.

Будьте добры передать только коммерческому отделу нижеследующее: несмотря на кажущееся спокойствие, мы живем на вулкане, вследствие антагонизма между Временным Правительством и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, а также неподчинения и сепаратистских тенденций провинции.

Ненасытные аппетиты рабочих и недостаток сырья, топлива и съестных припасов грозят вызвать забастовку и остановку заводов и разрушить русскую промышленность. На частной бирже акции русской промышленности, даже предприятий, не работающих на национальную оборону, упали в последнее время на 40%. Государственная биржа закрыта со времени революции. Приобретение иностранной валюты становится все более трудным. Получите дополнительные сведения в отделе иностранных дел.

Телеграмма Лансинга Фрэнсису в Петроград.

Вашингтон. 8(21) апреля 1917 г., № 1337.

Сообщите нижеследующее Г. Ф. Мезерв.

«Конгресс вотировал 7-ми миллиардный военный заем. 3 миллиарда должны быть даны России и союзным правительствам. Русские государственные реформы были встречены здесь с большим энтузиазмом, но последние, широко распространяемые в печати сообщения о том, что новое правительство находится под влиянием крайних социалистов, стремящихся к заключению сепаратного мира, которого так жаждет Германия, — сильно вредят русским интересам здесь, и если эти сообщения не прекратятся, то это может помешать России получить свою долю в займе, предоставляемом союзникам. Широко оповестите об этом русских вождей, насколько это позволяет сделать деликатность, и настаивайте, чтобы были приняты все меры к исправлению злополучного дурного впечатления, произведенного на американский народ. Если новое правительство сможет поддержать порядок и успешно продолжать войну, нельзя достаточно оценить то чувство восторженной дружбы к России, которое родится здесь и откроет огромные возможности для ее развития после войны. Сепаратный мир пресечет всякую возможность содействия со стороны Америки. Робертс».

Телеграмма Сесиля [1]) Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 8(21) апреля 1917 г., № 770.

Я прошу адмиралтейство предписать местным властям освободить русских социалистов, задержанных в Галифаксе. Задержка про-

[1]) Зам. великобританского статс-секретаря по ин. делам.

изошла здесь для некоторых русских социалистов не в силу их политических убеждений, но в виду трудности обеспечения их перевозочными средствами [1]).

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 9(22) апреля 1917 г., № 382.

Я хочу командировать Ханаока на 4—5 дней в Москву для выяснения положения в связи с революцией. Прошу мне телеграфировать, даете ли вы ваше разрешение на это.

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 10(23) апреля 1917 г.

Телеграмма № 135. Г. Гучков отказался от приглашения присутствовать на торжественном обеде. Он извинился, ссылаясь на то, что не взял с собой необходимого для этого костюма, так как не предвидел подобного приглашения.

Г. Гучков заявил здесь, что совместно с четырьмя другими политическими деятелями он уже в течение полутора года старался добиться отречения царя в пользу царевича с регентством великого князя Михаила и парламентарным строем, но что народ пошел дальше, и теперь уже невозможно было остановить его на пути. Я слышал, что военный министр, несмотря на его неблагоприятное мнение о генерале Лечицком, тем не менее убеждал генерала взять назад свою отставку.

Я слышал также, что за последние дни много русских солдат покинуло румынский фронт и что трудно заставить их вернуться. Есть и такие, которые отправились к немецким войскам и братались с ними, но после вернулись в свои ряды.

Г. Гучков принял многочисленные депутации солдат, к которым держал очень любезную, но энергичную речь на тему о войне.

Телеграмма Одье в политический департамент в Берн.

Петроград. 11(24) апреля 1917 г., № 60.

По словам Милюкова, которого я видел сегодня, русские социалисты стремятся добиться всеобщего мира путем соглашения между всеми социал-демократическими партиями. Конгресс, который соберется в

[1]) Это противоречит тому, что говорит Бьюкенен в своих мемуарах. В начале апреля он поставил Милюкова в известность о том, что русские политические эмигранты задержаны в Галифаксе «впредь до выяснения намерений Временного Правительства». 8 апреля, по просьбе последнего, Бьюкенен ходатайствовал перед великобританским правительством об освобождении их и о разрешении им продолжать путь в Россию. Спустя же два дня Милюков, по словам того же Бьюкенена, просил его взять это ходатайство обратно и сообщить, что Временное Правительство наедется, что они будут задержаны в Галифаксе вплоть до последующего сообщения о них. См. Д. Бьюкенен «Мемуары дипломата», Гиз, 1924 г., стр. 217.

Стокгольме, будет работать в этом направлении. Влияние Ленина незначительно. Милюков утверждает, что Временное Правительство единодушно поддерживает его политику, ставящую своей целью осуществить русские стремления к освобождению проливов в соответствии с декларацией Вильсона. Керенский один мог бы содействовать заключению мира, которого требуют социалисты у буржуазии.

Положение правительства укрепилось бы в Петрограде, если бы не глубокое разногласие между правительством и Советом Рабочих. Солдаты Петроградских частей мало-по-малу возвращаются на фронт. Подготовка к выборам деятельно проводится с тем, чтобы закончить ее к... месяцу. Упоминаемое корреспондентом перемирие, повидимому, является результатом совпадения оборонительных намерений обеих сторон. Стягивание немецких сил, отмеченное у Двинска и Молодечно, повидимому, находится в соответствии с дислокационным планом французского наступления.

Правительство делает большие усилия к тому, чтобы остановить бегство с фронта, случаи которого можно исчислить... Отмечено прибытие в Кронштадт английских моряков.

В районе Волги и в других районах наблюдаются довольно сильные аграрные беспорядки.

Телеграмма Бьюкенена Сесилю в Лондон

Петроград. 12(25) апреля 1917 г., № 575.

Мой осведомитель полагает, что английские фабриканты должны быть поставлены в известность о том, что как затруднения в транспорте, так и различные ограничения, установленные русским правительством в отношении экспорта, фактически закрывают в настоящее время русский рынок для иностранного ввоза. Если английские промышленники не знают этого и заготовляют в большом количестве товары для русского рынка, то я настоятельно рекомендую обратиться к кому-нибудь из них конфиденциально или даже лучше гласно, в виду того, что русское общественное мнение в настоящее время чрезвычайно чутко, в особенности по отношению к Великобритании, и необходимо избегать поступков, которые могут показаться направленными против нового строя. Я думаю, что рекомендуемое предостережение действительно необходимо в наших интересах, и считаю, что лучше отказаться от их заказов, особенно принимая во внимание количество товаров, уже заготовленных для русского рынка.

Телеграмма Цинда виконту Уцида в Петроград.

Лондон. 16(29) апреля 1917 г., № 116—117.

Я телеграфировал министру иностранных дел за № 182: «Согласно инструкции, я 28-го посетил лорда Сесиля и заявил ему, что, по сведениям императорского правительства, в России движение в пользу

ускорения мира со стороны рабочих и социалистов принимает крупные размеры, и создается угрожающее положение, при котором даже возможен сепаратный мир. Если английское правительство рассмотрело вопрос об укреплении позиции Временного Правительства, я был бы рад конфиденциально узнать об этом.

Сесиль ответил: по тем сведениям, которыми располагает английское правительство, положение в России все время улучшается, и нет таких угрожающих условий, как я заявил. Особенно, по поводу вопроса о сепаратном мире английское правительство заручилось... обещаниями членов Временного Правительства, включая Керенского. Более того, даже обсуждение этого вопроса вызывает чрезвычайное раздражение русских. Конечно, еще неизбежны ..., но при нынешних тенденциях через два месяца общее положение укрепится. Это настроение еще более утвердится в стране в случае каких-либо действий со стороны немцев.

Затем он сказал: английское правительство вообще не рассматривало вопроса о каких-либо мерах, о которых вы спросили. Тем более, что в России теперь действуют многочисленные германские шпионы, которые волнуют население указаниями, что Россия находится всецело в руках Англии и Франции, и всякие меры, которые могут вызвать новое недовольство русских, вредны и ..., и могут иметь такие последствия, которые как раз противоположны нашим задачам укрепить позицию нового правительства. Английское правительство желает избежать таких ошибок. (Например, при запросах в парламенте относительно русских дел, оно старается по возможности предварительно совещаться с русским правительством. Заявление ... по польскому вопросу доказывает это.) Французское правительство придерживается такой же политики. Представители рабочих и социалистов, находящиеся в настоящий момент в России, получили указания от правительства и воздействуют на крайние элементы в России. Франция с этой же целью командировала Альбера Тома, а в скором времени отправится Вандервельде, лидер бельгийских социалистов и нынешний ... Кроме агитации этих лиц, направленной к ослаблению социалистических тенденций в остальных государствах, и ... посла Бьюкенена, которому английское правительство вполне доверяет, никакие меры не принимаются, и не собираются принять в связи с политическим положением в России».

Телеграмма Такэда Исидзака в Петроград.

Яссы. 16(29) апреля 1917 г.

О своих наблюдениях до сего дня я уже телеграфировал. Получили ли вы телеграмму? В настоящий момент я нахожусь в весьма благоприятных условиях в смысле добывания общих сведений относительно положения, однако я еще не могу решительно высказаться относительно положения в настоящем и относительно будущего, а

также относительно политики, которую Япония должна избрать. Кроме того, в виду перемены в командном составе, я полагаю, что было бы весьма выгодно временно здесь остаться для наблюдений. Однако, если дела в Петрограде так важны, я могу выехать на этой неделе. Прошу мне сообщить о ваших взглядах на этот вопрос. Араки.

Телеграмма ген. Ромеи [1]) маркизу Карлотти в Петроград.

Ставка. 18 апреля (1 мая) 1917 г.

К большому шествию, организованному сегодня утром различными слоями населения Могилева и в большей части своей состоявшему из солдат и офицеров, присоединились также находящиеся здесь австрийские и немецкие военнопленные, которые братались с солдатами и офицерами.

Этот факт произвел сильнейшее впечатление на всех офицеров, находящихся здесь. . . . при иностранных миссиях.

Я телеграфировал о вышеизложенном нашему верховному командованию.

Телеграмма Бьюкенена Сесилю в Лондон.

Петроград. 21 апреля (4 мая) 1917 г., № 625.

На вашу телеграмму № 860.

Нет никаких сомнений в том, что сообщение произвело очень неблагоприятное впечатление в политических кругах Петрограда, и я не считаю его своевременным. Совет до сих пор действовал в области поддержания порядка солидарно с правительством [2]). Корреспондент «Таймса» основывает свое сообщение на появившейся в том же номере «Таймса» информации, будто Совет имеет в Стокгольме своего представителя и т. д., а также на частных сведениях.

Конечно, в Совете представлены и партии, которые являются сторонниками мира на любых условиях, но официальная программа Совета требует мира без аннексий и контрибуций, и это требование разделяется многими [3]). Я полагаю, что было бы уместным выступление в опровержение этой телеграммы, подчеркивающее, что правительство его величества не имеет оснований полагать, что Совет когда-либо поддерживал сепаратный мир.

---

[1]) Начальник итальянской военной миссии при ставке верховн. главнокомандующего.

[2]) В качестве оговорки к этим «советским» настроениям Бьюкенена приведем следующие строки его письма от 16/IV 1917 г., адресованного в великобританское мин. ин. дел.: «Меня также очень озабочивает то обстоятельство, что правительство, повидимому, не в состоянии избавиться от контроля Совета Рабочих и Солдатских Депутатов». См. «Мемуары дипломата», стр. 213.

[3]) По поводу возможности различных толкований формулы «мир без аннексий и контрибуций» Бьюкенен в том же письме говорит следующее: «Ссылаясь на выражение «мир без аннексий», вошедшее в резолюцию, принятую Съездом Рабочих Депутатов, Львов заметил, что в нее можно вложить любой смысл, какой мы хотим, напр., освобождение от ига неприятеля».

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 22 апреля (5 мая) 1917 г., № 422.

4-го продолжались большие демонстрации, причем было несколько убитых и раненых, но правительство сверх ожидания оказалось на высоте положения. Третьего дня оно сразу же вступило в переговоры с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов и добилось соглашения. В результате все члены кабинета, начиная с министров военного и морского и иностранных дел, непосредственно обращались к толпе и солдатам, и объясняли им свою позицию, что правительство остается верным своей декларации от 9 апреля, и если в ноте союзным государствам были..., то это просто дипломатические термины. Наконец, они заявили, что если они не будут пользоваться доверием большинства, они подадут в отставку. В результате правительство одержало крупную победу. Беспорядки, которые начались третьего дня, прекратились вчера ночью, и наступило полное спокойствие. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов заявил, что он не имеет никакого отношения к агитации против правительства. Однако, так как основная причина этих волнений не устранена, то в любой момент возможны такие же события.

5 мая я осведомился у Клейна относительно его мнения по поводу событий. Он, попрежнему, оптимистически настроен. Судя по его словам, господин Милюков того мнения, что последние волнения представляют из себя апогей затруднений. На будущее он смотрит оптимистически.

Телеграмма Сесиля Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 25 апреля (8 мая) 1917 г., №....

На вашу телеграмму за № 592.

Соответствующими английскими властями было произведено тщательное расследование, но не удалось обнаружить никаких следов телеграммы, похожей на описанное сообщение, посланное независимой социалистической партией в Лондоне одному русскому социалисту. Невероятно, чтобы такое сообщение, если бы оно было послано по телеграфу, осталось незамеченным. Возможно, что сообщение попало в Россию контрабандным путем через посредство лица, желавшего скомпрометировать английских социалистических представителей в глазах русских социалистов, тем более, что оно могло послужить основанием для запроса в парламенте, особенно в виду того, что два члена независимой социалистической партии заявили, что социалистические представители, выбранные для поездки в Россию, вовсе не представляют английских социалистов [1]).

[1]) На стр. 216—217 своих «Мемуаров» Бьюкенен говорит об обвинениях, бросаемых русской социалистической прессой английским рабочим делегатам (Торну и О'Грэди) в том, что они являются «оплаченными эмиссарами» английского правительства, а также — об источнике этих нападок — сообщении, полученном в Петрограде от одного из членов независимой рабочей партии.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 26 апреля (9 мая) 1917 г., № 430.

Согласно донесения Ханаока, который вернулся 7 мая из Москвы, там спокойнее, чем здесь. Отношения между офицерами и солдатами также гораздо лучше. В противоположность Петрограду, где государственный герб снят со всех зданий, в Москве он остался по-прежнему. Здешнее политическое движение немедленно перебросилось в Москву, и в течение нескольких дней были волнения, но ничего особенного не произошло. Москва выдвинула премьер-министра, военного министра, министра народного просвещения и других, и поэтому она относится скорее сочувственно к Временному Правительству. На будущее страны склонны смотреть оптимистически, но по отношению к войне так же, как в других местах, есть признаки утомления населения. В большинстве уличных речей высказывается нежелание продолжать войну, и редко кто говорит в пользу продолжения войны, но даже эти ограничиваются призывами только отразить атаки немцев. Нет такого воодушевления, как в начале войны, почти все требуют уничтожения милитаризма. Агитационная поездка английских и французских социалистов там также не имела успеха. Помощь со стороны Америки не слишком приветствуют.

Бывший городской голова Челноков сказал Ханаока, что в случае нарушения Россией союза и прекращ ния войны Англия и Япония ей могут объявить войну. Газетные статьи о возможности объявления Японией войны России, конечно, только слухи, но в настоящее время это — полезное давление на русских. (В последнее время газеты и некоторые государственные деятели как средство оказать поддержку правительству пустили слух, что в случае прекращения войны Россией Япония нападет на Владивосток. Об этом я еще донесу особо.)

Что касается продовольственного дела, то в Москве неожиданно сократили рацион хлеба с одного до трех четвертей фунта. Между прочим, и здесь все бо́льший недостаток в съестных припасах, и с 10 мая всем полагается три четверти, а рабочим полтора фунта хлеба в день.

Телеграмма Лансинга Фрэнсису в Петроград.

Вашингтон. 26 апреля (9 мая) 1917 г., № 1385.

При передаче нижеследующего сообщения ... Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, подчеркните, что передача должна остаться совершенно неофициальной, чтобы не ... участие нашего правительства.

«В настоящее время совершается серьезнейший перелом в мировой истории, и позиция, которую займет Россия, может оказать решающее влияние на победу демократии или монархического начала. Не может быть никакого сомнения в том, что демократия и свобода, в конце концов, восторжествуют, но необходимо найти источник силы в мыслях

о той потере времени и о тех жертвах, которые должно повлечь за собой отсутствие единства действий. Чтобы это было избегнуто, я обращаюсь к вам. Перед лицом тяжелого кризиса, переживаемого русским народом, мы заверяем вас, что вы безусловно можете рассчитывать на всемерную поддержку и содействие со стороны американского народа в великой войне с нашим общим врагом — кайзеризмом. При выполнении этой задачи настоящее американское правительство опирается на девяносто девять процентов американского народа, включая сюда рабочий класс как городов, так и земледельческих районов. В свободной Америке, как и в свободной России, была предоставлена свобода слова агитаторам в защиту мира, выгодного для прусского милитаризма, в силу чего сознательные и несознательные сторонники кайзера кажутся более влиятельными, чем это есть в действительности. Вы должны понять истинное положение вещей. В Америке лишь очень немного сторонников того, чтобы кайзеризм и его союзники продолжали господствовать над негерманскими народами, желающими освободиться из-под их владычества. Не должны ли мы, в таком случае, протестовать против кайзеро-социалистического толкования лозунга «без аннексий», сводящегося к тому, что все угнетенные негерманские народы будут вынуждены остаться под владычеством Пруссии и ее лакеев Австрии и Турции? Не должны ли мы дать лучшее толкование, а именно, что не должно быть насильственных аннексий и что каждому народу должно быть предоставлено право свободного выбора подданства по его желанию, как того требует Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов? Подобно вам, мы против всяких контрибуций карательного и унижающего характера. Мы протестуем против тягостных карательных контрибуций, уже наложенных кайзером на народы Сербии, Бельгии и Польши. Американские рабочие разделяют мнение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, что единственный путь для немецкого народа довести войну до скорого конца, это — последовать славному примеру русского народа — вынудить отречение Гогенцоллернов и Габсбургов и отстранить от власти тираническое дворянство, бюрократию и военную касту. Пусть немецкие социалисты позаботятся об этом, оставив свои фальшивые требования и закулисные заговоры с целью заключить мир в интересах кайзеризма и правящего класса. Пусть они перестанут созывать по наущениям кайзера или, во всяком случае, при его поощрении мнимые международные конференции. Пусть оставят свои интриги, направленные к тому, чтобы заставить русский и американский рабочий класс извратить ваш лозунг «без аннексий и контрибуций» для защиты неприкосновенности престижа и власти немецкой военной касты. Теперь, когда русское самодержавие свергнуто, ни американское правительство, ни американский народ не сомневаются в том, что мудрость и опыт России приведут ее через будущее Учредительное Собрание именно к той форме правления, какая наиболее подходит к вашим требованиям.

Мы уверены, что со стороны Америки никакое послание, никакой специальный уполномоченный и никакая комиссия не посылались и не будут посылаемы с целью подачи каких бы то ни было советов России в ее внутренних делах. Всякая комиссия, которая может быть послана, поможет России в той форме, как она того пожелает, бороться с кайзеризмом, в каком бы виде он ни существовал или ни мог проявиться. До нас дошли слухи о том, что в России распространились ложные сведения об американских намерениях и настроениях, идущие вразрез с вышеизложенным. Мы утверждаем, что эти сведения — преступная работа отчаявшихся кайзеровских агитаторов и что они распространяются с целью обмана и возбуждения враждебных чувств между двумя великими демократиями мира. Русский народ должен знать, что эта деятельность лишь дополнительное проявление «темных сил», с которыми Россия была слишком хорошо знакома в ее несчастном прошлом. Американское правительство, американский народ, американское рабочее движение безраздельно с русскими рабочими, с русскими массами в их великом усилии удержать свободу. Вы уже победили, но для разрешения великих задач, все еще стоящих перед вами, мы призываем вас бороться за общее с нами дело — уничтожение всех форм самодержавия и деспотизма и установление и сохранение для будущих поколений неоценимых сокровищ справедливости, свободы, демократии и гуманности. Американская федерация труда. Президент Самуэль Гомперс».

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 29 апреля (12 мая) 1917 г., № 435.

Второй сын великого князя Константина Константиновича, скончавшегося в прошлом году, Гавриил Константинович направил ко мне своего адъютанта и велел заявить о своем желании поселиться в Японии, если Временное Правительство на это согласится, и спросить, как я смотрю на этот вопрос?

Что касается приема, оказываемого князю нашей императорской семьей, то были прецеденты в отношении принцев крови дружественной страны. Особого церемониала не придется соблюдать. Если обратить внимание наших газет, как им надлежит к нему относиться, то я полагаю, что не следует опасаться недовольства русских по поводу этого путешествия. Так как я должен дать ответ, прошу мне немедленно телеграфировать.

Телеграмма Бьюкенена Сесилю в Лондон.

Петроград. 29 апреля (12 мая) 1917 г., № 675.

Я узнал от генерального консула в Москве, что одна газета опубликовала интервью с . . . . . , где говорится, будто последний сказал, что если Россия прекратит военные действия и предоставит союзникам

нести все бремя войны, то она встретится с серьезной опасностью со стороны Японии, так как, согласно договору между союзниками, Япония получит в таком случае право занять всю Сибирь до Урала. Так как это сообщение произвело здесь большое впечатление, я уполномочил Бюро печати опубликовать, что подобного договора не существует и что союзники никогда не имели в виду просить Японию о вмешательстве с целью давления на Россию. Я был бы всетаки рад, если бы правительством его величества было опубликовано официальное опровержение.

Телеграмма Бьюкенена Сесилю в Лондон.

Петроград. 29 апреля (12 мая) 1917 г., № 684.

Военный атташе сообщает: следующие случаи, ставшие известными сегодня, обрисовывают положение в России. Вчера генерал Корнилов назначил смотр Финляндскому полку. 3 роты отказались выйти, так как они не получили предписания от Совета Рабочих. Один русский . . . . из . . . . . в Москву, посетивший . . . . ., был освистан солдатами, которые . . . . . Так как в коридоре были толпы солдат, он не мог выйти из своего купе в продолжение двадцати восьми часов и смог выбраться лишь через разбитое окно. Мост был . . . . . , и было возможно переправиться только в правительственном . . . . . был занят солдатами, которые отказывали всем . . . . ., и он потратил на переправу. . . . . больше дня. Поезда между Ростовом и Москвой переполнены солдатами, которые проводят время в поездках взад и вперед по линии.

Один англичанин — директор железного завода на Урале — утверждает, что важнейшие заводы в руках рабочих, которые отстранили администрацию с целью взять в свои руки добычу металлов и т. д.

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 1 (14) мая 1917 г.

Телеграмма № 173. Сербский поверенный в делах сообщил мне конфиденциально, что командование двух сербских дивизий, находящихся в Одессе, очень обеспокоено тем положением, которое создал для них местный Совет Рабочих и Солдат, желающий подчинить их своей власти. Сербские офицеры решительно отказываются подчиняться. Некоторые из них, бывшие ранее в австро-венгерской армии, просят разрешения вернуться в лагери военнопленных. Командиры этих двух дивизий боятся, как бы солдаты не разбежались, и просят, чтобы их отправили на французский фронт, если не представляется возможным отправить их в Салоники.

Телеграмма Фрэнсиса Лансингу в Вашингтон.

Петроград. 2 (15) мая 1917 г., № 1289.

Г. Милюков вышел в отставку, г. Терещенко назначен министром. Г. Керенский назначен военным министром. Назначения на пост министра финансов и министра юстиции еще не последовали. И Керенский и Терещенко стоят за продолжение войны. Известно, что эти назначения обеспечивают коалиционный кабинет, в котором рабочая часть будет сторонницей наступления . . . . . при реорганизованном правительстве.

Телеграмма Одье в политический департамент в Берн.

Петроград. 3(16) мая 1917 г., № 71.

Военный министр Гучков и генералы, командующие: Петроградским гарнизоном — Корнилов, Московским гарнизоном — Грузинов, северным фронтом — Рузский, центральным фронтом — Гурко и южным фронтом — Брусилов вышли в отставку.

Гучков мотивирует, между прочим, свой уход нежеланием провинциальных организаций оказывать содействие в деле снабжения войск продовольствием, митингами и вмешательством комитетов в командование.

Корнилов ссылается на требование Совета Рабочих и Солдатских Депутатов скреплять подписью Совета его приказы.

Уход командующих фронтами, повидимому, мотивируется отказом войск выполнять наступательные операции и их желанием получать сведения о намерениях командования.

Временное Правительство объявило сегодня, что оно остается, но ходят слухи о других переменах.

Должность военного министра еще не замещена.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, на который отставки произвели, очевидно, впечатление, выпускает воззвание к солдатам на фронте против братания и перемирия и за наступление.

Телеграмма Одье в политический департамент в Берн.

Петроград. 4(17) мая 1917 г., № 74.

Идут непрерывные переговоры между Временным Правительством и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Последний окончательно решил вопрос о вхождении во Временное Правительство представителей Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с определенной программой. Вчера в ночном заседании Милюков подал в отставку. Министры земледелия и просвещения хотели последовать его примеру, но кончили тем, что заявили о своем намерении довести об этом до сведения своей (кадетской) партии. Князь Львов отклонил предложенную правительством кандидатуру министра финансов Терещенко на

пост министра иностранных дел. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов выдвигает два имени — Скобелева и Чернова. Керенского намечают военным министром. Это — комбинация, еще не окончательная.

Телеграмма Одье в политический департамент в Берн.

Петроград. 5(18) мая 1917 г., № 75.

Коалиционное правительство, почти сформированное сегодня вечером, опубликовало декларацию. Его задачи — скорейшее достижение общего мира, укрепление демократизации армии и ее боеспособности как для обороны, так и для наступления, контроль государства над производством, транспортом, обменом продуктов, развитие мер по охране труда. Учредительное Собрание свободно вырешит вопрос о передаче земли трудящимся, об увеличении прямого обложения имущих классов, об установлении подоходного налога, укреплении демократических органов, самоуправлении. Учредительное Собрание должно быть созвано в Петрограде. Правительство должно пользоваться безусловным доверием и полнотой власти. В Правительство входят три социал-демократа и три социалиста, если не будет изменений, которые еще возможны. Усилия кадет — коллег Милюкова — помешать его отставке не удались. Терещенко получает портфель министра иностранных дел. По настоянию военного министра Керенского, командующие армиями, повидимому, возьмут свои отставки обратно.

Телеграмма Сесиля Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 5(18) мая 1917 г., № 1000.

Сербский посланник сообщил, что сербская дивизия недалеко от Одессы сделалась объектом внимания Совета Рабочих и Солдат, который пытался поколебать ее лойяльность. Я сказал, что доведу это до вашего сведения, хотя сомневаюсь в том, чтобы было возможно добиться расследования по этому делу. Вы, без сомнения, сделаете все, что сочтете нужным.

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 6(19) мая 1917 г.

Телеграмма № 177. Братиано прибыл сюда вместе с Поклевским. Он удовлетворен оказанным ему приемом и намерениями Временного Правительства и русских властей; что касается осуществления этих намерений, то он не скрывает, что дело идет не о доброй воле Временного Правительства, а о том, будет ли это ему по силам. Он считает внутреннее положение России очень непрочным.

В военных кругах считают, что русско-румынское наступление не только возможно, но и желательно для русских властей и достаточно подготовлено. Однако учитывается и то, что здесь, как и в других ме-

стах, в силу внутреннего положения вещей, русские войска нелегко согласятся драться, за исключением тех случаев, когда они будут атакованы неприятелем.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 7(20) мая 1917 г., № 470.

Содержание ответа нового министра иностранных дел, данного 20 мая на мои запросы: 1-я статья декларации коалиционного кабинета ни в коем случае не имеет смысла предложения немедленного общего мира. Вопрос о всеобщем мире возникнет только после окончания войны. Война ни в коем случае не прекратится и, конечно, будет продолжаться. Его участие в революции было вызвано неутешительным ходом войны с Германией и его желанием внести улучшение в это дело. Он принял должность министра иностранных дел, чтобы оказать поддержку военному и морскому министру Керенскому и чтобы сделать действия против неприятеля более энергичными. Он уверен, что я на днях от военного агента получу известия об улучшении положения на фронте. Он с самого начала питал неприязнь против Германии. Среди русских очень много таких, которые терпят засилие немцев, но он сам пробыл в Германии в течение 4 лет и хорошо ознакомился с . . . германского народа, и с тех пор он весьма ненавидит Германию. Окончательный мир должен быть прочным, и после войны в бюджетах держав вообще не должно быть статьи о расходах на военные приготовления.

Что касается подробной политической программы нового правительства, то он мне обещал прислать копии 4 документов, а именно: предложение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, критика его со стороны партии народной свободы, компромиссное мнение Временного Правительства и его беседа с корреспондентами газет.

После внимательного изучения этих документов я не премину вас уведомить.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 11(24) мая 1917 г.

Наш посол в Париже телеграфирует за № 96:

«Важнейшие пункты моей беседы с г. Маржэри 23 мая: русская революция короткое время проходила в порядке и имела тенденцию к отрадным улучшениям, между рабочими и солдатами царило большое единение, и взгляды армии были также умеренные, но затем произошла перемена, и теперь положение становится все серьезнее. Согласно декларации нового правительства, вопрос о сепаратном мире, конечно, не возбуждался, и оно решило продолжать войну. Генерал Алексеев весьма энергичен, но с наступлением необходимо подождать, пока командные отношения несколько восстановятся. Вопрос о требованиях

отказа от контрибуций и аннексий надлежит еще выяснить, но недавно Альбер Тома конфиденциально сообщил о слухах о намерении русского правительства сменить послов в Лондоне и Париже ... и вновь обсудить с союзниками вопрос о целях войны. Это, очевидно, имеет такое значение, что оно желает изменить цели, о которых до сих пор заявляло, т.-е., другими словами, пересмотреть ответ союзников на предложение Америки. Это весьма серьезный проект. Неизвестно, ... выбрать момент для начала наступления русской армии, но это вопрос не самого ближайшего времени и требует еще внимательного рассмотрения.

Что касается Америки, то она уже оказывает большие услуги в отношении вопроса о пшенице и транспортного дела. Партия американских войск, вероятно, будет послана сюда в начале июля, а затем 50.000 будут посланы постепенно начиная с сентября».

Телеграмма Сесиля Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 11(24) мая 1917 г., № 1045.

Из Берна. 486. Французское правительство информировано французским военным атташе о том, что 200 русских . . . . социалистических вождей решили возвратиться в Россию через Германию; им дали понять, что их просьба о разрешении проезда через Францию и Англию была отклонена союзными миссиями. Французское правительство сообщило мне, что их консульские и дипломатические власти в Швейцарии получили вполне точные инструкции не отказывать в удовлетворении подобных просьб за исключением крайних случаев, и что вашему французскому коллеге предложено принять меры к тому, чтобы русские консулы в Швейцарии были предупреждены о каких бы то ни было . . . . . со стороны немецких агентов. Французское правительство просило нас сделать соответствующее предписание, и я сообщил им, что мы уже предупредили их желание.

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 14(27) мая 1917 г.

Телеграмма № 206. Керенский проедет через Одессу, почему его приезд сюда немного задержится.

Я узнал конфиденциально и прошу ваше превосходительство сохранить это в тайне, что Керенский имел намерение отправиться непосредственно к русским войскам, не останавливаясь в Яссах, но что король Фердинанд и генерал Щербачев настояли на том, чтобы он сделал хотя бы краткий визит государю, олицетворяющему верховное командование русскими войсками, находящимися на румынском фронте.

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 18(31) мая 1917 г.

Телеграмма № 222. По вопросу о приезде сюда Керенского Братиано сообщил мне, что он самым энергичным образом настаивал на том, чтобы военный министр посетил румынский фронт, но что ответа не последовало. Только сегодня генерал Щербачев сообщил ему, что Керенский приедет сюда в половине июня по старому стилю.

Телеграмма Сесиля Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 29 мая (11 июня) 1917 г., № 1217.

Из Берна. № 476.

«Моя телеграмма № 425. Следствие установило, что русский социалист, занимающий видное положение в Петрограде, прибыл сюда. Надеюсь получить более точные сведения».

Телеграмма Бьюкенена Сесилю в Лондон.

Петроград. 3 (16) июня 1917 г., № 904.

Петроградский корреспондент г. Фарбман обратился за разрешением на въезд в Англию, которого, как мне кажется, после некоторого выяснения вопроса, не следует давать. Он выдает себя за лицо, весьма дружественное союзникам, но сотрудничает в «Новой Жизни» и горячо ратует за немедленное заключение мира без аннексий и контрибуций. У меня есть основания полагать, что он едет в Англию с целью пропаганды этой идеи. За этим ходатайством могут последовать другие, так как Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, поддерживающий поездку Фарбмана, предполагает послать за границу ряд русских для того, чтобы склонить общественное мнение союзников к мысли, что война вызвана не германской агрессивной политикой, но империалистическими и капиталистическими правительствами союзных государств. Я сообщил об этом министру иностранных дел и сказал ему, что мы можем давать разрешения лишь тем русским, которых мне рекомендуют персонально, и что я надеюсь, что русское правительство не будет рекомендовать нежелательных лиц. Я хотел бы знать ваше мнение по этому вопросу.

Телеграмма Исидзака начальнику ген. штаба в Токио.

Петроград. 5(18) июня 1917 г.

16-го состоялось неофициальное экстренное заседание Думы, на котором лидеры партий блока произнесли речи, после чего была издана декларация, что сепаратный мир и сепаратное перемирие недопустимы. С другой стороны Съезд Рабочих и Солдатских Депутатов поддержал высылку швейцарского социалиста Гримма из России. Он и его сотруд-

ник, журналист Колышко, агитировали в пользу Германии, и отставка Гучкова и Милюкова — их дело. Деньгами он . . . . . перемены в кабинете в начале мая. Нынешние члены кабинета — Скобелев и Церетелли, которые стояли во главе этого движения, также были принуждены заявить публике, что есть доказательства виновности этих лиц.

Газеты центральных партий осуждают прекращение деятельности Думы и поощряют ее начать действовать, а, с другой стороны, они критикуют предложение русского правительства о созыве конференции держав согласия для пересмотра договоров. В настоящее время открытая борьба между центральными и социалистическими партиями все усиливается, и это может вызвать серьезный кризис. Некоторые политические деятели считают, что ближайшие дни будут очень тревожны.

В Греции кабинет Займиса заявил, что он выполнит все требования держав согласия. Одновременно со снятием блокады, державы согласия начали развивать деятельность в отношении внутренней политики страны. . . . и . . . заняты французскими войсками.

Телеграмма Фрэнсиса Лансингу в Вашингтон.

Петроград. 5(18) июня 1917 г., № 1492.

Из Ясс. 18-го. № 83. Капитан Иетс начал пропаганду, выступая с речами в солдатских комитетах и раздавая печатные прокламации, с целью противодействовать немецко-австрийской пропаганде в пользу сепаратного мира. Соединенный военный и . . . . . является единственно возможным методом. Ему должны быть переведены телеграфом деньги на расходы. Если судить по положению на румынском фронте, подобная пропаганда должна вестись по всему русскому фронту, а также внутри страны. В то время как Германия наводняла русский фронт литературой, а агенты ее вели работу внутри страны, союзники, повидимому, не обращали должного внимания на необходимость контрпропаганды.

Телеграмма виконта Мотоно виконту Уцида в Петроград.

Токио. 7(20) июня 1917 г., № 507.

Относительно нынешнего положения в России я получаю от вас время от времени донесения, однако теперь признано необходимым выяснить в еще более широкой степени действительное положение в различных частях страны и среди различных классов населения. Изучение этого вопроса поручено директору Южно-Манчжурской железной дороги Каваками, который под видом командировки от Общества выезжает 29 июня из Харбина в Петроград в сопровождении Миягава Сэмпу (члена Манчжурского железнодорожного Общества).

Прошу вас обратить внимание на все обстоятельства, касающиеся выполнения его миссии, и оказать ему надлежащую поддержку. Я отправлю немедленно почтой список вопросов, исследование которых ему поручено.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 12(25) июня 1917 г., № 965.

Министр иностранных дел сказал сегодня, что он почти не сомневается в том, что крайние попытаются вновь вызвать беспорядки, но что правительство к этому вполне готово и уверено в своем успехе. Сообщенные сведения о том, что правительство распустило Думу, оказались ложными. Правительство не касалось этого вопроса и не предполагало распускать палату. Министр иностранных дел уезжает сегодня в ставку с американской миссией.

Телеграмма Исидзака начальнику ген. штаба в Токио.

Петроград. 13(26) июня 1917 г.[1]).

Демонстрация крайних партий вследствие усилий умеренных партий и правительства еще не состоялась, и в городе спокойно. При обсуждении вопроса о войне на Съезде Делегатов Рабочих и Солдатских Депутатов крайние партии не имели такого успеха, как прежде. Я не думаю, что общее положение благополучно выяснится, благодаря коллизии между все усиливающимися умеренными партиями и партией крайних, и можно предвидеть, что раньше или позже произойдет столкновение. Умеренные предложили устроить 1 июля одновременно в Петрограде, Москве, Киеве и Одессе и других городах . . . . демонстрации, в которых крайние партии также примут участие, и это, может быть, приведет к некоторому успокоению, хотя нельзя гарантировать, что не возникнут беспорядки.

Согласно заявления одного офицера генерального штаба, в настоящее время агитация крайних ведется на полученные от Германии средства в размере 200.000 рублей. Ввиду этого державы согласия начали контр-пропаганду и тратят на это большие суммы. Этим объясняется недавний неуспех крайних. Среди лиц, окружающих великого князя Михаила, идут подготовительные работы по осуществлению либеральной конституционной монархии. Одновременно делаются приготовления в поддержку великого князя Михаила, Керенского и генерала Брусилова. Временное Правительство намерено при удобном случае бежать из Петрограда, сперва нарочно в другом направлении, и перебраться затем в Москву.

Если его взгляды и неправильны, то, во всяком случае, не только одно предположение, что видные деятели революции Гучков, Милюков

[1]) Эта телеграмма нам была доставлена 3(16) июля. *(Прим. в подлинн.).*

и Пуришкевич, которые теперь отступили на задний план, намерены, совместно с главными деятелями из Думы, которую теперь хотят лишить власти, и при поддержке держав согласия, начать действовать в удобный момент, когда между двумя партиями Съезда Делегатов Солдатских и Рабочих Депутатов произойдет столкновение.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 15(28) июня 1917 г., № 587.

Ссылаюсь на вашу телеграмму за № 512. Резолюция Украинской Рады объявляет автономию Украины и была опубликована в газетах 27 июня. Содержание ее передано особо. Хотя Финляндия уже получила широкую автономию, опасаются, что она намерена пойти еще дальше и провозгласить независимость. Вслед за этим началось движение в пользу автономии Литвы. Опасаются, что и в Сибири и на Кавказе также возникнет движение в пользу автономии. Принимая во внимание, что позиция центрального правительства шатка, и оно почти не имеет власти, значение этих движений в пользу автономии ни в коем случае не следует преуменьшать. Еще неизвестно, не являются ли они предвестниками появления в России в будущем федеративной системы.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 26 июня (9 июля) 1917 г., № 638.

Сегодня меня министр иностранных дел специально посетил и заявил: сегодня вечером я уезжаю в ставку и в Киев (сравни мою телеграмму за № 637/851) и намереваюсь вернуться в Петроград в субботу. На следующей неделе в понедельник или вторник я хотел бы вас снова посетить и откровенно обменяться взглядами по поводу всех больших и малых вопросов, по которым между Россией и Японией уже давно ведутся переговоры. Я не ... невозможного, но хотел бы уладить, что возможно, устранить недоразумения между правительствами и народами обеих стран и содействовать общему успокоению. Я сам политик, дипломат и убежден, что лучше всего откровенно посоветоваться, ввиду чего я вас посетил перед своим отъездом, чтобы ...

Я ответил, что вполне разделяю его мнение.

Сказав: таких вопросов, которые в настоящий момент требуют обсуждения — три, он заявил следующее:

1. Вопрос об уступке Восточно-Китайской железной дороги должен был быть решен в завтрашнем совещании кабинета, но в виду моего отъезда министр финансов будет вести это дело в моем отсутствии. В общем, нет возражений. Вопросы, которые скорее касаются министерства финансов и требуют еще рассмотрения, будут, вероятно, решены до моего возвращения.

2. Незначительные вопросы, касающиеся инцидентов, возникших в Иркутске, Харбине и Владивостоке после революции и вызвавших недоразумения у обеих сторон.

3. Я намерен образовать под своим председательством комиссию, в состав которой войдут послы и посланники держав согласия и русские представители, для рассмотрения вопросов, о которых я узнал от Рута и Гендерсона. Число членов комиссии не должно превышать 12 человек, и я бы желал, чтобы мы в ней могли свободно обменяться взглядами.

Большинство министров нынешнего правительства ... Может быть, они ... неожиданно хорошими результатами наступления. Хотя они и хотят ... , но, во всяком случае, это предложение для нас выгодно. Так как это вопросы, с которыми я незнаком, то я бы просил мне телеграфировать для моего осведомления, если потребуется вступить в переговоры или дать какие-либо объяснения противной стороне.

Телеграмма Бальфура Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 27 июня (10) июля 1917 г., № 1423.

Из Стокгольма. № 675.

Лично. Совершенно секретно.

Русский посланник сообщил мне вчера, что русские политические эмигранты имеют свои комитеты в Стокгольме, Лондоне и Париже; здешний комитет регулярно пользуется русскими официальными вализами для отправки своей корреспонденции Совету в Петроград. Здешний комитет просил его, чтобы их корреспонденция, адресованная лондонскому и парижскому комитетам, также пересылалась русскими вализами. Он ответил, что так как русских вализ немного, то было бы лучше использовать английские и французские вализы, при условии получения разрешения соответствующего правительства. Он, очевидно, опасается, что комитеты смогут использовать официальные вализы для пересылки в них . . . . . Я сказал, что запрошу по этому вопросу вас. Однако я думаю, что если мы дадим это разрешение, то мы будем слишком обременены их корреспонденцией, от которой, разумеется, нам будет трудно отделаться.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград . . . . .[1] *июня 1917 г.*

Лично.

Так как министр иностранных дел заявил, что теперь он готов передавать в неприкосновенности по назначению все письма, которые я могу получить от королевы Александры к императрице Марии, я пе-

[1]) В подлиннике дата отсутствует.

редал ему вчера восемь писем, а также два письма великой княгине Ксении. Он позволил мне также передавать письма, которые я могу получить от императрицы Марии для королевы Александры.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 3(16) июля 1917 г., № 1176.

Я только что узнал, что все министры-кадеты вышли в отставку в связи с их отказом принять заключенное министром иностранных дел и Церетелли соглашение по украинскому вопросу. Оба последние вернулись сегодня вечером из Киева.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 5(18) июля 1917 г., № 662.

Вчера по городу разъезжало множество автомобилей, вооруженных пулеметами, и т. д. Вооруженные солдаты, рабочие и матросы из Кронштадта произвели демонстрации, захватили здание телефонной станции (sic!) [1]) и велели закрыть заводы и фабрики. В городе повсюду раздавались ружейные выстрелы. Анархисты захватили редакцию «Нового Времени», трамваи прекратили движение, все заводы и магазины закрыты, и происходит совершенно то же самое, как и в дни революции. Когда правительство при поддержке большинства Совета Солдатских и Рабочих Депутатов решило воспользоваться казаками для подавления демонстраций, произошли столкновения с казаками. Вблизи посольства и перед главным артиллерийским управлением произошли сражения. Главнокомандующий Петроградским военным округом по приказу правительства обратился к населению с воззванием закрыть ворота домов и не выходить на улицу ввиду ареста лиц, нарушающих порядок с оружием в руках. Одновременно он обратился с предупреждением к демонстрантам, однако эти [1]) и сегодня утром усиленно разъезжают на автомобилях, и, если правительство решительно приступит к подавлению восстания, то дело опять дойдет до столкновений.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон

Петроград. 7(20) июля 1917 г.

Лично.

Министр иностранных дел сообщил мне сегодня конфиденциально, что императора и его семью решено, для большей безопасности, отправить в Сибирь, — по всей вероятности, или в Тобольск, или в . . . . ск, где они будут жить в . . . . . и будут пользоваться большей личной свободой. Причиной, побудившей правительство сделать этот

[1]) Так в подлиннике.

шаг, было опасение, что, в случае немецкого наступления или какой-нибудь контр-революционной попытки, их жизнь может подвергнуться опасности. [1])

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 12(25) июля 1917 г.

Л и ч н о. Моя личная телеграмма от 20-го июля.

Министр иностранных дел сообщил мне сегодня, что Керенский, который видел вчера императора, условился относительно его отъезда в Тобольск во вторник. Его величество предпочел бы уехать в Крым, но, повидимому, остался доволен предложением переменить место жительства. Я выразил надежду, что в Сибири свобода императора не будет так ограничена, как в Царском Селе, и что ему разрешат свободу передвижения. Несмотря на то, что он совершил много ошибок и несмотря на слабость его характера, он не преступник и к нему должны относиться с возможно бо́льшим зниманием. Министр иностранных дел ответил, что Керенский, вполне разделяя это мнение, готов всецело итти навстречу желаниям его величества.[2]) Он дал ему разрешение выбрать лиц, которые будут сопровождать его. Возможность для него свободы передвижения будет зависеть исключительно от общественного настроения в Тобольске. В Царском Селе это было для него опасно. Истинной причиной переезда императора является растущая среди социалистов боязнь контр-революции. Я сказал министру иностранных дел, что, по моему мнению, эта боязнь неосновательна, поскольку дело идет о династии. Правда, существует движение в защиту порядка и сильной власти, но . . . . . это совершенно другое дело. Министр иностранных дел вполне с этим согласился.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 16(29) июля 1917 г., № 704.

Содержание беседы, которую я имел с министром иностранных дел 28 июля: удар, нанесенный нам неприятелем на юго-западном фронте, можно рассматривать, как благодеяние по отношению к России. В начале 4-го года войны правительство не думает о мире и намерено заявить союзным державам и русскому народу о своей решимости продолжать войну до конечной победы. Несомненно, что неприятель спас Россию. Он сделал то, чего правительство со времени революции желало, но не могло сделать, т.-е. он способствовал тому, что правительство восстановило смертную казнь, обуздало крайние партии, укрепило

---

[1]) Об этом же см. «Мемуары дипломата», стр. 189.

[2]) Определяя отношение Керенского к царской семье, Бьюкенен в другом месте говорит так: «Один из мотивов, по которым он [Керенский] добивался отмены смертной казни, заключался в желании предупредить возможное в будущем требование казни над императором». (Там же, стр. 189).

свою позицию и . . . . единение страны. Он лично . . . . . в ставку для совещаний с премьер-министром и главнокомандующим, и к вечеру, вероятно, упомянутая декларация будет отправлена по телеграфу представителям за границей.

На мой вопрос он ответил: московское совещание отсрочено до реорганизации кабинета, причем эта реорганизация не является перестройкой кабинета, а только укреплением его позиции. Неприятель сосредоточил главные силы на юго-западном фронте. На северном фронте пока нет признаков наступления. Неприятель испытывает различные затруднения внутри страны и у него нет лишних сил для действий на всех фронтах. (Кстати, судя по сведениям, имеющимся у голландского поверенного в делах, с которым я знаком из Пекина, несомненно, что немецкий народ желает мира). Русской армии где-нибудь удастся остановить неприятеля. Главная задача правительства в данный момент — приготовиться к зиме, а особенно приложить все старания для доставки топлива и продовольствия.

До какой степени эти заявления министра соответствуют действительности, покажет будущее, но нынешний министр иностранных дел не избегает общей привычки всех русских и весьма разговорчив. Это, конечно, необходимо более или менее принять во внимание.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 21 июля (3 августа) 1917 г., № 1185.

Керенский заявил, что он хотел вчера подать в отставку, но взял ее назад по просьбе своих коллег. Терещенко также согласился взять назад свою отставку. Чернов вышел в отставку, чтобы иметь полную свободу в защите себя от возведенных на него инсинуаций, но должность министра земледелия будет оставлена вакантной до тех пор, пока он окончательно не оправдается. Ему были устроены большие овации в Совете, где он был с Церетелли, который . . . . . в . . . . . от его поведения. Терещенко, которого я посетил сегодня, выразил очень пессимистический взгляд на положение и заявил, что он впервые совершенно не в состоянии сказать, что может случиться . . . . . ждать психологического момента, прежде чем настаивать на принятии правительством чрезвычайных шагов, но теперь момент этот наступил, и, если правительство не сделает их, оно будет вынуждено уступить место контр-революционерам. До сих пор он честно поддерживал революцию, но прежде всего его верность принадлежит родине. Он сказал Керенскому, что . . . . . нельзя больше откладывать, что он больше не может оставаться членом правительства, если последнее не решится действовать энергично. Ничего не остается делать, как только милитаризовать всю страну, объединить всех . . . . . как левых, так и правых, применить военные законы к железнодорожникам и принудить крестьян силой продавать их пшеницу. Генерал Корнилов должен быть

допущен в правительство, а несколько членов празительства должны находиться в ставке, чтобы быть с ним в постоянном контакте. На мой вопрос, разделяет ли Керенский оба его взгляда, он ответил утвердительно, но сказал, что его руки связаны. Члены правительства — социалисты — сознают необходимость энергичных мер для спасения страны, но не хотят нести ответственность за их применение. Он опасается, что Церетелли предпочтет покинуть правительство, если не будет иметь возможности действовать в качестве независимого члена Совета, который он стремится укрепить. Кадеты, наоборот, хотят обеспечить полное партийное . . . . . и заменить теперешнее правительство. Он видел сегодня Керенского, и ему кажется, что он желает организовать . . . . . представителей различных социалистических и несоциалистических групп, не ведя переговоров с самими партиями. Однако он не очень надеется на успех; все, что требуется, — это люди, которые не только были бы выразителями идей, но которые вели бы и практическую работу в качестве министров.

Положение настолько тяжелое, что я не вижу никакого просвета. Кадеты не имеют на своей стороне армии, и для них преждевременно становиться у власти с надеждами на успех проведения . . . . . политики; политика, предложенная Терещенко, должна быть проводима правительством, в котором сильно представлены социалисты, иначе ему сейчас же поставят на вид подготовку пути для контр-революции. В таком случае мы увидим повторение большевистской демонстрации, бывшей две недели тому назад, и страна впадет в анархию или гражданскую войну. Единственную надежду на успокоение дает образование коалиционного министерства во главе с Керенским, но если члены правительства — социалисты — оставят его, он в значительной степени потеряет популярность и влияние. [1])

Телеграмма швейцарской миссии на имя Адор в Берн.

Петроград. 22 июля (4 августа) 1917 г.

Керенский, которому Совет предъявляет требования о контроле над деятельностью министров-социалистов и о сохранении программы 8-го июля, а кадеты, с другой стороны, требования об изменении программы и независимости Временного Правительства, подал вчера в отставку. Министры и товарищ председателя Некрасов созвали тотчас же ночью конференцию делегатов пяти партий и председателей Советов и Думы. Все вернулись к мысли о необходимости предоставления Керенскому неограниченных полномочий для формирования кабинета, но кадеты требуют создания национального кабинета и возлагают ответственность на социалистов и на Советы, которые настаивают на

[1]) Текст телеграммы во многом сходен с текстом письма Бьюкенена от 2/VIII (н. ст.), адресованного в английское мин-во ин. дел. «Мемуары дипломата», стр. 239—240.

сохранении программы и контроля. Керенский был вызван из Финляндии.

Арестован генерал Гурко, обвиненный в контр-революционном заговоре.

Генерал Корнилов назначен верховным главнокомандующим: он требует carte blanche для восстановления дисциплины на фронте и в тылу.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 29 июля (10 августа) 1917 г.

Говоря о взглядах генерала Корнилова на военное положение, министр иностранных дел высказался вчера в том же смысле, что и румынский посланник, с тою лишь разницею, что он не думает, чтобы существовала какая-либо опасность оккупации немцами всей Украины. Он сказал, что считает нравственной обязанностью России спасти как можно большую часть Молдавии, но, если она должна выполнить это, союзники должны ослабить нажим на этом фронте, усилив свое наступление, так как положение станет критическим, если немцы перебросят новые войска с запада. В случае эвакуации Молдавии Россия предоставит в распоряжение Румынии военную зону для ее армии, где король будет обладать полнотой власти, а румынское правительство будет управлять.

Его превосходительство сказал, что Корнилов произвел на него хорошее впечатление. Он железной рукой восстанавливает дисциплину, приказал расстрелять сотню солдат, виновных в грабежах и убийствах в Калише, и положить их тела вдоль дороги с привязанными надписями, объясняющими, за что они были расстреляны. Он расстрелял также несколько захваченных немецких офицеров, у которых были найдены прокламации с пропагандой мира, и сообщил об этом немецким войскам. Что касается дисциплины в тыловых войсках, то генерал приказал, чтобы части, отправляющиеся на фронт, сперва обучались втечение нескольких месяцев в каком-нибудь месте внутри фронтовой зоны, где применяются военные законы. При первой возможности он будет просить о включении в эту зону Петрограда.

Телеграмма маркиза Карлотти бар. Соннино в Рим.

Петроград. 3 (16) августа 1917 г.

Телеграмма № 339. Бьюкенен сообщил мне, что причины, по которым он советует своему правительству выдать английским делегатам пропуска на Стокгольмскую конференцию, таковы:

1. Не следовало бы позволять русским делегатам входить в прямое и неограниченное соприкосновение с делегатами исключительно враждебных и нейтральных стран.

2. Представляется более правильным, чтобы английская демократия присутствовала на обсуждении вопроса о целях настоящей войны и чтобы она могла также защищать и свою точку зрения.

3. Таким способом была бы оказана услуга нынешнему правительству и вместе с тем поддержаны хорошие отношения между обеими сторонами — правительством и социалистами.

Таким образом, точка зрения английского посла основана опять-таки на желании не оставлять Россию, чтобы этим не воспользовалась Германия, и извлечь как можно больше пользы из военного союза с Россией.

Надо также признать, что влияние социалистов на русскую армию гораздо сильнее, чем влияние правительства, авторитет которого сосредоточен в лице Керенского, но у последнего нехватает мужества и моральной силы для того, чтобы увлечь за собой всю армию. К тому же трудно сделать что бы то ни было в стране, где у большинства лишь одно желание — заключить мир.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 12(25) августа 1917 г., № 1332.

Сегодня в разговоре с министром иностранных дел я сказал, что по сведениям, полученным от одного из наших офицеров, настроение в войсках немного лучше, но большевики стараются подорвать дисциплину, и если не будут приняты энергичные меры к подавлению их, они опять скоро возьмут верх [1]). Бесполезно запрещать газеты, которые они выпускают в окопах, если на другой же день их разрешается выпускать под другим названием. Приведенные в печати объяснения отставки Савинкова, видимо, говорят за то, что в кабинете мнения по этому вопросу различны. Может ли он сообщить мне, пришли ли к соглашению Керенский и Корнилов [2]) по вопросу о введении смертной казни? Я опасаюсь, что первый слишком склонен поддаваться влиянию внутренних политических соображений. Терещенко ответил, что только в последние дни было возможно затронуть вопрос о смертной казни. Правительство проявляло осторожность . . . . равно как и в вопросе о применении военного закона против большевиков. Керенский, — уверял он меня, — был в согласии с Корниловым и в принципе одобрил применение смертной казни к некоторым видам преступлений, совершенных против государства солдатами и штатскими, но министры-кадеты возражали против применения ее к последним, опасаясь, что она

[1]) В письме в великобританское министерство ин. дел от 15/VIII (н. ст.) Бьюкенен писал: «Правительство упустило единственную возможность раздавить раз навсегда большевиков после беспорядков, происходивших в прошлом месяце». «Мемуары», стр. 242—243.

[2]) Ген. Корнилов, по мнению Бьюкенена, являлся «единственным человеком, достаточно сильным» для «восстановления строгой дисциплины в армии и подавления анархии в тылу» (Там же).

будет использована в политических интересах против всех способствующих контр-революции. Я возразил, что как бы ни была необходима осторожность, государство не должно терять времени, так как, не говоря уже о военных перспективах, экономическое положение настолько серьезно, что, если сейчас же не будут приняты энергичные меры, зимой возникнут серьезные осложнения. Я однажды предупреждал императора, что холод и голод повлекут за собой революцию, и если правительство не будет действовать поспешно, те же причины вызовут контр-революцию. Терещенко не отрицал этой опасности. Я узнал частным образом, что высказанные мною взгляды разделяются N N.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 23 августа (5 сентября) 1917 г., № 1389.

Министр иностранных дел, которому я прочел содержание вашей телеграммы № 8, сказал, что так как военная конференция состоится в Париже в конце этого месяца, то, по его мнению, конференция, на которой должен присутствовать русский министр, должна бы быть в Лондоне немного позднее. Он предпочел бы Лондон Парижу, как место встречи. Он сказал, что предложит пост посла в Лондоне князю Львову и что последний, если примет пост, будет сопровождать его на конференцию, так же как и вновь назначенный посол в Париже Коновалов, являющийся специалистом по экономическим вопросам. Я сказал, что одним из важных преимуществ конференции будет откровенный обмен мнений между русским правительством и союзниками по вопросу о роли, которую Россия все еще может играть в войне, и о той помощи, которую союзники могут оказать ей. Здешним представителям очень трудно обрисовать в полной мере настоящее положение вещей, и только при личном участии члена русского правительства союзные правительства смогут решить, в какой мере будет в дальнейшем возможно представление России значительного количества военных материалов. Последние известия с фронта, связанные с внутренним экономическим кризисом, сильно поколебали мою веру в способность России отразить немецкие войска, которые, вследствие неспособности правительства восстановить дисциплину, опять перешли в наступление.

Министр иностранных дел согласился с тем, что откровенный обмен мнений будет необходим на конференции, и выразил надежду, что на нее будет приглашен американский представитель, так как он предполагал привезти данные по финансовым вопросам, которые подвергнутся обсуждению. Говоря об утрате Риги, он сказал, что не думает, чтобы мог быть взят Петроград, и что приняты меры к тому, чтобы остановить германское наступление. Петроградский округ будет непосредственно подчинен главнокомандующему, но самый город не может управляться подобным образом, поскольку в нем остается правительство, а оно переедет в Москву лишь в крайнем случае. Последние части гарнизона

должны быть отправлены на фронт, а в город, который будет объявлен на военном положении, будут присланы три дивизии казаков. Я выразил надежду, что арест двух великих князей и всех . . . . . в контрреволюции, не отвлечет внимания от тяжелого военного положения, и спросил, может ли он сообщить мне причину ареста. Он ответил, что они скомпрометированы интригами княгини Палей, жены великого князя Павла, и ее сына, направленными к возвращению императора или возведению на престол великого князя Дмитрия; были найдены ее многочисленные шифрованные телеграммы и письма. Однако он не думает, чтобы этот арест, являющийся лишь домашним, был продолжительным.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 26 августа (8 сентября) 1917 г., № 1406.

Сегодня в разговоре со мной министр иностранных дел просил меня использовать мое влияние на английских корреспондентов и попросить их не посылать телеграмм, могущих возбуждать анти-русские чувства, так как из телеграфных сообщений, полученных из Лондона, видно, что некоторая часть печати, видимо, потеряла надежду на Россию. Русская армия прошла через гораздо худшее время, когда имело место своего рода перемирие, так называемое братание, на фронте. Он опять предостерегал меня от слишком больших надежд на русское наступление; хотя он никогда не предполагал, что оно закончится столь катастрофически, он ожидал, что оно достигнет более . . . . и, таким образом, облегчит давление противника на западном театре войны. Эта цель была достигнута, и у врагов теперь 144 дивизии на русском фронте. В своей речи в Москве князь Кропоткин сказал, что Россия, подобно Франции в 1870 г., сознает себя побежденной, но, подобно Франции, обратившейся впоследствии к России, как к единственной стране, от которой она могла ожидать помощи, Россия теперь обратится к каждой стране, выражающей ей симпатию и готовность помочь ей. Его превосходительство говорил далее о несколько улучшившемся положении на фронте и сообщил, что генерал Алексеев дошел до Двинска, который надеются спасти. Положение продолжает оставаться серьезным, но он полагает, что армия остановится и будет в состоянии перейти в наступление весной. Комиссия, собранная в ставке, определила полномочия комитетов и правительственных комиссаров, а офицерам предоставлены широкие дисциплинарные права. Несмотря на протест Совета, несколько полков и часть . . . . были посланы в Псков; другие полки также будут, несомненно, отозваны и заменены другими. Указ, объявляющий Петроград на военном положении, прошел на вчерашнем заседании Совета Министров и будет тотчас же опубликован. Что касается продовольственного вопроса, то министр продовольствия вышел в отставку; правительство приглашает крупных

московских промышленников помочь ему. Продовольственный вопрос будет изучен ими, и новый министр выйдет из их рядов. Он надеется также, что Чернов покинет правительство.

Телеграмма бар. Соннино маркизу Карлотти в Петроград.

Рим. 26 августа (8 сентября) 1917 г.

Телеграмма № 1490.

От 6-го сего месяца информация из Лондона, телеграмма № 411: «Я видел сегодня Гардинга. Мы говорили о России. Он сказал мне, что считает положение безнадежным. Тем не менее, — добавил он, — Бьюкенен телеграфирует, что он еще не потерял надежд».

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 8 (21) сентября 1917 г., № 1492.

Военный министр, которого я встретил сегодня в военном министерстве, сообщил мне свой проект реорганизации фронта в тех же чертах, как он это сделал военному атташе. Я начал нашу беседу с указания на тяжелые последствия, которые, по всей вероятности, вызовет в армии выступление генерала Корнилова [1]), и с выражения опасения, что постоянная смена высшего командного состава будет иметь результатом подрыв доверия солдат к своим вождям и сделает для России очень трудным доведение войны до конца. Генерал ответил, что мятеж генерала Корнилова задержит реорганизацию армии приблизительно на месяц, но что реорганизация все же будет проведена. У генерала Корнилова была только одна идея . . . . . винтовки и пулеметы. По

---

[1]) О той позиции, какую занимал Бьюкенен во время корниловского выступления, указания можно найти в цитированных выше «Мемуарах». Так, накануне восстания он беседует с одним финансистом, принимавшим участие в заговоре, и просьбу последнего о содействии отводит ссылкой на свое положение посла и заявляет, что, с одной стороны, не станет обманывать оказанного ему доверия, с другой, — не окажет требуемой поддержки. При этом он сомневается в успехе всего предприятия и советует подождать «пока большевики не сделают первый шаг» (стр. 249). В момент наступления Корнилова на Петроград Бьюкенен в своей беседе с Терещенко указывает последнему на необходимость примирения с верховным главнокомандующим и командирования ген. Алексеева в качестве посредника для выработки соглашения с ним. «Так как он (Терещенко), — комментирует эту беседу Бьюкенен в своих «Мемуарах», — не выражал никакой надежды на то, что будет предпринят какой-либо шаг в этом направлении, то не остается ничего иного, как выжидать событий и верить в то, что Корнилов окажется довольно сильным, чтобы проедолеть всякое сопротивление в течение нескольких дней» (Там же, стр. 252). В строках дневника, помеченных Бьюкененом 12/IX (н. ст.), т.-е. написанных уже после выхода Корнилова в отставку, читаем: «Хотя все мои симпатии были на стороне Корнилова, однако, я все время старался изо всех сил бороться с идеей военного переворота, так как наилучшую надежду на спасение России дало бы тесное сотрудничество между Корниловым и Керенским» (Там же, стр. 254).

его мнению, это — ошибка. Прежде всего надо привить солдатам сознание . . . . . и необходимости смертной казни, поскольку эта мера восстановлена, в тех случаях, когда солдаты виновны в . . . . . Этой системы он придерживался с большим успехом в бытность свою командующим в Москве. Генералу Корнилову было нетрудно обмануть своих офицеров, но обмануть солдат он не мог, так как они всегда опасались, что он использует свое влияние в армии с политическими целями. Совершенно необходимо заменить высший командный состав людьми, пользующимися доверием солдат. Лица, которые будут назначены, не только должны быть лучше, но должны пользоваться доверием. По его словам, он стремится к тому, чтобы вся власть была сосред точена в руках офицеров, а не комитетов.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 19 сентября (2 октября) 1917 г., № 1545.

Новое правительство почти окончательно сформировано, и хотя состав его официально будет объявлен лишь после конца Демократического Совещания, члены его примут на себя руководство соответствующими министерствами с завтрашнего дня. Совет пяти будет продолжать свою деятельность в качестве военного комитета под председательством Керенского, в то время как М. . . .ов, один из московских промышленников, будет председателем Экономического Комитета, членами которого будут также министр финансов, торговли, продовольствия и. . . . Я спросил министра иностранных дел, действительно ли он предполагает отлучаться на короткое время из Петрограда, как он сообщил моим французскому и итальянскому коллегам. Его превосходительство сообщил мне, что несколько дней тому назад, когда я выразил неудовольствие по поводу появившегося в московской социалистической газете сообщения, будто английское. . . участвовало в имевшей недавно место попытке генерала Корнилова свергнуть правительство, он заявил, что Керенским было дано распоряжение закрыть газету. Но военный министр [1]), не уведомив его об этом, отдал приказ приостановить репрессии по отношению к этой газете, и сообщение, о котором я говорил, было повторено. У него был по этому поводу разговор с военным министром, и он заявил, что длч него невозможно иметь дело с иностранными представителями, если он будет поставлен в положение лица, дающего им неправильные сведения. Я поблагодарил его превосходительство за его поступок. В заключение министр иностранных дел сказал, что он распорядится, чтобы в печати было опубликовано категорическое опровержение сообщения, помещенного в московской газете.

---

[1]) Верховский.

Телеграмма швейцарской миссии в политический департамент в Берн.

Петроград. 26 сентября (9 октября) 1917 г., № 43.

Демократическое Совещание закрылось сегодня, выбрав из своей среды постоянный демократический Совет из 300 членов, на который возложено образование правительства и контроль над ним. Пять делегатов тотчас же вступили в переговоры с правительством. Соглашение состоялось, за исключением вопроса об ответственности правительства. Сегодня указом правительство окончательно сформировано; большинство — социалисты, четыре кадета, Коновалов — товарищ председателя, Керенский — председатель, Терещенко остается. Большевистские Советы возмущены осуществлением коалиции. Совет будет дополнен 120 представителями цензовых элементов. Опубликовано назначение Ефремова в Берн.

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 28 сентября (11 октября) 1917 г.

Телеграмма № 465.

Военный министр телеграфирует из Петрограда, что он удовлетворен переговорами с Керенским, который подтвердил данные ему уже в ставке обещания по вопросу о снабжении продовольствием.

Что касается вопроса о вмешательстве Совета во внутренние дела Румынии, то Керенский обещал ему послать специального делегата в Яссы, снабженного инструкциями по этому вопросу и обладающего необходимыми полномочиями.

Телеграмма бар. Соннино маркизу Карлотти в Петроград.

Рим. 9 (22) октября 1917 г.

Телеграмма № 1707. Наш поверенный в делах в Христиании телеграфирует от 20-го с. м.: «С е к р е т н о. Я узнал из авторитетного русского источника, что крайние русские партии поддерживают секретные сношения с немцами в целях ускорить заключение мира. Они готовы употребить все свое влияние, чтобы всеми средствами облегчить продвижение немцев на северном фронте, так как они убеждены, что с взятием Петрограда мир должен быть заключен».

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 11 (24) октября 1917 г.

Л и ч н о. На вашу телеграмму от 20-го октября. № 1028.

Часть писем королевы Александры, быть может, еще не дошла до императрицы [1]), так как их можно посылать только с оказией. Министр

[1]) Мария Федоровна, вдова Александра III.

иностранных дел сообщил, что императрице разрешено посылать свои письма с любым, едущим в Петроград, лицом, которому она доверяет. Я переслал два ее письма из Крыма последней почтой, но не помню, были ли они адресованы королеве Александре или. . . . Что касается последних трех писем императрице и одного великой княгине Ксении, то я передал их князю Шервашидзе [1]), который уезжает завтра в Крым. Он сказал, что императрица вполне поправилась после своей болезни, но все еще довольно слаба. Она не хочет уезжать из России до тех пор, пока не окончится война. Князь Шервашидзе был снабжен рядом писем к властям, указывающих, что ее величество не пленная и не должна быть притесняема в каком бы то ни было отношении. Новый комиссар, по его словам, также хорошо расположен, но не имеет достаточно влияния, чтобы заставить исполнять свои приказания. Князь Шервашидзе сообщит императрице, как нетерпеливо королева Александра ожидает от нее известий.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 16(29) октября 1917 г., № 1712.

Следующее для . . . . . .

Через неделю я уезжаю на несколько недель в Англию и хотел бы узнать ваши распоряжения о том, как мне поступить с государственным серебром. В городе много грабежей. Единственное средство — это сдать его в банк, но все банки отказываются теперь принимать на хранение ценные вещи, и только два банка можно было бы убедить принять наше серебро—Государстзенный и Народный Городской. Разумеется, в случае, если большевистское движение будет иметь успех, опасность будет угрожать как банкам, так и посольству, и, таким образом, шансы почти одинаковы. Кроме того, в случае эвакуации Петрограда, было бы легче получить наше серебро в целости, если бы оно было сдано на хранение в банк.

Телеграмма Бальфура Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 25 октября (7 ноября) 1917 г., № 2274.

Моя телеграмма № 4516 в Вашингтон [2]).

В случае, если ваш американский коллега не получит в течение ближайших дней предписания содействовать вам, вы должны будете приступить к переговорам самостоятельно. Американцы смогут присоединиться позже, если они, на что я надеюсь, будут содействовать нашей политике.

---

[1]) Состоял при имп. Марии Федоровне.

[2]) В подлиннике сноска: «Эта телеграмма нами еще не получена».

Телеграмма Фюрера [1]) в политический департамент в Берн.

Петроград. 25 октября (7 ноября) 1917 г., № 57.

Большевистский переворот, повидимому, можно считать совершившимся. В течение нескольких часов столица целиком в руках Петроградского Совета, на сторону которого перешел почти полностью гарнизон.

По сообщению французского посольства, министерство Керенского, оставленное даже казаками, условия которых не были приняты, распущено. Сегодня утром Керенский бежал, сказав, что уезжает в армию. Повидимому, формируется правительство Ленина — Троцкого. Отряды войск Совета занимают город; главные улицы забаррикадированы. В десять часов вечера слышна ружейная стрельба и канонада у Зимнего дворца.

Телеграмма Какламаноса [2]) Политису [3]) в Афины.

Петроград. 26 октября (8 ноября) 1917 г.

Совет захватил власть. Судьба министров неизвестна, за исключением Керенского, который, говорят, уехал в ставку. Совет выпустил воззвание, в котором заявляет, что, беря власть в свои руки, он выдвигает в качестве программы предложение демократического мира, распределение земель между крестьянами, контроль рабочих над промышленностью и т. д. Всю ночь шла ружейная перестрелка, а крейсер «Аврора», прибывший из Кронштадта с несколькими миноносцами, стрелял в упор. Верные правительству войска укрылись в Зимнем дворце, но в 2 часа утра сдались. Предпарламент был распущен, и дворец, где он заседал, был занят. Временное Правительство выпустило воззвание, в котором призывает народ и армию защитить законную власть. Крестьянский Совет выпустил прокламации с протестом против происшедшего.

---

[1]) Советник швейцарской миссии в Петрограде.
[2]) Греческий поверенный в делах в Петрограде.
[3]) Министр иностранных дел в Греции.

Запрещенный рассказ В. Короленко.

В 1886 году В. Короленко написал для журнала «Северный Вестник» небольшой рассказ «Федор Бесприютный (Из рассказов о бродягах)». По политическим условиям того времени рассказ к печати не был разрешен. Автор, как пишет цензор Коссович, «имел намерение представить на суд читателя выяснение одного из крайне щекотливых социальных вопросов с целью указать на несостоятельность некоторых условий общественного строя» и для этого он «не преминул иллюстрировать свою мысль чрезвычайно рельефным сопоставлением двух крайних типов, одного — взятого из мира каторжников, а другого — из мира официального». «Моральное превосходство каторжника, — сказано в отзыве о рассказе, — выступает... ослепительно ярко при сравнении мощной фигуры Федора Бесприютного с низменной и даже пошлой личностью quasi-добродушного полковника, очерченного автором в карикатурном виде, с явною целью осмеять в его изображении мещанские инстинкты благодушествующего карьериста».

С течением времени В. Короленко рассказ переработал, стараясь быть «наивозможно менее тенденциозным», и снова сдал его на цензурный просмотр под новым заглавием «По пути (Святочный рассказ)». Рассказ был «легко оцензурен» и к печати разрешен.

В. Короленко вынужден был смягчать свой рассказ. Задачу можно было разрешить двумя путями: значительными сокращениями, технической переделкой произведения, заменой сильных, волнующих мест, характеристик, выражений и слов более мягкими и спокойными, или же коренной, существенной переработкой его. Писатель избрал второй путь, он заново создавал своего Федора, создавал в новом тоне. Была новая творческая работа. Все основные моменты фабулы, тема и идея рассказа «Федор Бесприютный» остались неизмененными и в рассказе «По пути». Сохранились также все основные настроения, они были только смягчены. Во второй редакции не стало той острой сконцентрированности настроения, которая была в первом варианте. Учитывая реальные политические трудности, писатель все же стремился сохранить максимум идейного содержания своего первого рассказа. Существенная переделка коснулась главным образом тех второстепенных мест и моментов, которые сгущали, усиливали и оттеняли фигуру бродяги Бесприютного.

Вынужденный сделать рассказ «наивозможно менее тенденциозным», В. Короленко смягчал нравственное противопоставление бродяги и полковника.

В этих целях писатель старается держать читателя в более спокойном и ровном настроении, дабы он хладнокровнее и не так остро и болезненно воспринимал рассказываемое. Он сглаживает все то, что создает это настороженно приподнятое настроение, а затем снижает и общий психологический тон произведения.

В первом рассказе писатель сразу же резко ударяет по нервам, создает беспокойное, напряженное настроение, в котором и заставляет читателя взглянуть на кусок нашего жуткого прошлого бытия, на его отдельные фигуры. Данная психологическая установка, вызванная предрасположенность к тревоге, естественно, усиливают остроту, яркость и четкость восприятия рассказываемого, приподнимают настроение, напрягают мысль.

Это настроение автор постепенно усиливает, доводит до определенной высоты и силы в сцене встречи бродяги с полковником, некоторое время держит созданную болезненную напряженность, несколько ослабляя настроение, но не разряжая его до самого конца произведения.

Во втором рассказе постепенное, медленное, но неуклонное, грозное нарастание внутреннего кризиса бродяги и соответствующее нарастающее состояние читателя художник заменяет настроением, которое уже не так катастрофически надвигается, оно разбито, затаено. Даются нервозность, судорожность, непредвиденные психологические взрывы. Содержание мысли остается, но настроение ослабляется, хотя сильный удар в конце психологического акта остается. Трагедия не теряет своего смысла и содержания, но впечатление от нее менее тяжелое. В последней своей обработке она ослабляет впечатление и от самой фигуры бродяги. Фигура становится слабее, мельче, обыденнее. Требуется уже серьезная работа читателя, чтобы разобраться во всем этом настроении с полной отчетливостью.

Писатель ослабляет динамику рассказа, разбивает динамику чувств и мыслей, сглаживает настроение от пейзажа, изменяет фон отдельных моментов внутреннего состояния бродяги, переставляет крупные части рассказа и отдельные — на первый взгляд незначительные — места, переносит внимание с одного предмета на другой, делает кое-какие незначительные по существу сокращения.

В результате всей этой вынужденной переделки писатель все же сумел дать рассказ, психологическое воздействие которого хотя и ослаблено, но который не пострадал ни со стороны содержания, ни со стороны художественного выполнения. В последнем отношении рассказ местами даже стал лучше.

Валерьян Полянский.

Федор Бесприютный [1]).

(Из рассказов о бродягах.)

I.

Пешая этапная партия подымалась по трактовой дороге на «взгорок».

По обе стороны дороги кучки елей и лиственниц взбегали кверху оживленной кудрявой зеленью. На гребне холма они сдвинулись гуще, стали стеной тайги; но на склоне, меж дерев и ветвей, виднелась

[1]) Текст рассказа В. Короленко извлечен С. В. Любимовым из «дела СПБ. цензурного комитета 1885 г. по издаваемому А. Сабашниковой журналу под названием «Северный Вестник». Нач. 4 апр. 1885 г., № 43». Из того же дела взяты и отзывы цензора Коссовича, приведенные в предисловии (Ленингр. Центр. Истор. Архив).

даль, расстилавшаяся лугами, сверкавшая кое-где полоской речной глади, затянутая туманами в низинах и болотах...

Вечерело. На землю налегала прохлада; кругом все как-то стихло, темнело, заволакивалось синевой, и только кусок широкой дороги меж зеленью елей и лиственниц весь будто шевелился, кишел серыми арестантскими фигурами, звенел кандалами.

Партия растянулась почти на версту. Арестанты разбрелись по сторонам, избегая дорожной пыли, которую взбивала главная масса, двигавшаяся по тракту. Впереди всех, в голове отряда, шли кандальные; телеги с женщинами, детьми и больными перемешались с пешеходами. По опушкам придорожной тайги слышались голоса, хотя и не особенно оживленные. Партия шла вольно; солдаты частью спали в телегах, свесив оттуда ноги в сапогах с бурками, частью же мирно беседовали друг с другом, беспечно покуривая на ходу «цыгарки» из простой бумаги с махоркой; офицера совсем не было видно. Партия шла на слово старосты Федора, по прозванию «Бесприютного»...

Голова партии дотянулась уже до вершины холма. Федор Бесприютный взошел туда и, остановившись на гребне, откуда дорога падала книзу, окинул взглядом пройденный путь, и темневшую долину, и расползшуюся партию. Затем он выпрямился и крикнул арестантам:

— Ну, подтягивайся, ребята, подтягивайся! Недалече уже! Хлестни лошадей, подводы! Хлестни лошадей... Близко!..

Под влиянием этого окрика партия зашевелилась быстрее.

Из кустов выбегали арестанты, телеги встряхнулись, и сапоги с бурками заболтались на рысях в воздухе.

Серые разбросанные кучки, оживлявшие дорогу, стягивались в одну плотную массу, которая катилась кверху, туда, где, рисуясь на холодевшем небе, виднелась фигура высокого сгорбленного человека.

II.

О бок дороги шел по траве молодой человек, одетый не в арестантское, а в свое собственное платье. Уже это обстоятельство выделяло его из остальной серой массы: его клетчатые брюки, запыленные ботинки, круглая шляпа котелком, из-под которой выбивались мягкие белокурые волосы, синие очки, — все это как-то странно резало глаз, выступая на однообразном фоне партии. Но, — помимо этого, — фигура была несколько странна: молодой человек в круглой шляпе шел ровным шагом, выступая немного по-журавлиному, как ходят люди, выработавшие свою походку в кабинете. Теперь он, видимо, сознавал, что он уже не в кабинете, и прилаживал свой шаг к ходу партии. Ему это удавалось, и он был доволен, что сказывалось во всей его фигуре. Он не просто шел, а как бы свершал нечто важное, и это сознание придавало всей солидно и широко шагавшей фигуре оттенок неотразимого комизма. Черты его лица были тонки, губы легко складывались в

какую-то нервную , несколько кривую, но все же очень добрую улыбку. Но синие глаза всегда глядели серьезно, задумчиво, а высокий лоб придавал верхней части лица характер спокойной, ничем не возмутимой мысли.

Его отношения к партии тоже были отмечены характером двойственности и противоречий. «Барину» полагалась подвода, но он ею никогда не пользовался, и партия завладела телегой для своих надобностей. Его присутствие как будто игнорировалось, но вместе с тем, когда чудной барин подходил к кому-нибудь одному или к целой кучке арестантов, люди как будто смущались и робели. Когда думали, что он не видит, — то подталкивали друг друга локтями и смеялись, но всякий, на ком останавливался этот задумчивый взгляд, как-то терялся и будто чувствовал, что где-то что-то не ладно.

— Почему вы делаете то или другое? — спрашивал он иногда об артельных порядках, далеко не всегда, по его мнению, соответствовавших справедливости.

— Да ведь оно уже заведено, — мямлили арестанты.

Молодой человек задумывался и через несколько минут произносил:

— Но ведь это несправедливо.

— Д-да уж... не очень чтобы правильно, что говорить...

— Значит, надо переменить, — замечал молодой человек, как бы удивляясь, что логическая победа далась так легко, даже без спора.

— Да ведь как уж... не нами заведено... невозможно менять, — возражали арестанты, и губы молодого человека нервно вздрагивали. Он смотрел на людей своим испытующим взглядом, как будто разыскивая в них что-то затерянное. Этот взгляд очень смущал партию: все чувствовали, что этот барин в сущности «младенец», но вместе с тем чувствовали также, что среди них есть человек, который обдумывает каждый их поступок, чуть не каждое слово. Это стесняло партию, но никто не чувствовал против барина недоброжелательства. Вначале выходили иногда споры, так как он сам решительно отказывался подчиняться тем правилам, о которых шла речь, как о несправедливых и неразумных. Но впоследствии на молодого человека махнули рукой. Даже более, смеясь за глаза над барином как над юродивым, партия незаметно меняла тон своих отношений. Цинизм и разгул стихали порой не в силу сознания, но просто потому, что ощущение пристального анализирующего взгляда разлагало непосредственные чувства грубой толпы и умеряло широту размаха.

Так этот странный человек совершал свой путь с людьми и вместе одинокий. Он вместе с другими выходил поутру с этапа и вечером усталый, запыленный, приходил на другой, всю дорогу думая о чем-то, наблюдая, порой дополняя свои размышления расспросами. Вопросы были непонятны арестантам, а когда, получив ответ, он кивал головой, будто утверждаясь в своей догадке, — собеседники переглядывались

друг с другом. А молодой человек шел опять своей дорогой, не глядя по сторонам и весь поглощенный какой-то внутренней работой.

Теперь рядом с молодым человеком, держась за его руку, шел мальчик, лет пяти, одетый не совсем по росту. Рукава какой-то кацавейки были завернуты на детских руках, талия перевязана белым платком; таким же платком перевязан подбородок, большой картуз, с обширным козырьком, из-под которого глядели простодушные синие глаза ребенка. Он старался шагать широко, чтобы не отставать от остальных.

— Так тебя, значит, зовут Мишей? — спрашивал молодой человек, глядя вперед и о чем-то думая.

— Мишей, — повторил мальчик.

— Чей же ты?

— Мамкин... Вот, — указал ребенок на одну из телег, где сидела женщина с ребенком на руках. Она кормила ребенка грудью и в то же время следила взглядом за Мишей, который разговаривал с «барином». Эта женщина примкнула к партии на одном из ближайших этапов, недавно оправившись от болезни.

— Куда же вы идете? — спросил опять молодой человек.

— К тятьке идем, — ответил мальчик с детской беспечностью в тоне.

— А кто твой тятька?

Этот вопрос несколько затруднил мальчишку.

— Тятька-то? — переспросил он.

— Да... кто твой тятька?

— Тятька!.. — ответил мальчик просто, с полной уверенностью, что этим сказано все, что нужно.

— Глупый, не умеешь барину ответить, — наставительно вмешался шедший не вдалеке чахлый арестант и как-то снисходительно-заискивающе улыбнулся барину.

— Глуп еще, не понимает, —пояснил он за ребенка, пользуясь случаем, чтобы вступить в разговор. — А ты говори: посельщик, мол, тятька, вот кто.

Мальчишка вскинул глазами на говорившего и, как будто недоумевая, почему к имени его «тятьки» прибавляют незнакомое слово, — опустил опять глаза и проговорил упрямо:

— Нет, тятька он...

Семенов (так звали молодого человека) утвердительно кивнул головой, как будто находя ответ вполне удовлетворительным.

— Глупый младенец, дозвольте вам сказать, — вмешался опять чахлый арестант тем же заискивающим тоном. Он тоже примкнул к партии недавно. Если бы не это обстоятельство, он знал бы, что Семенов, если и барин, то не такой, от которого можно поживиться. Но, не успев узнать этого, чахлый арестант все время терся около «барина», подыскивая удобный случай для униженной просьбы, в надежде полу-

чить полтину-другую ради своего сиротства. Теперь он желал помочь в том же смысле младенцу.

— Кабы ты не глуп был, — наставлял он, — ты бы сказал барину: к посельщику, мол, идем... должна наша жизнь быть теперича самая несчастная, вот что.

Семенов нервно повел плечами и, повернувшись к арестанту, сказал:

— Идите, пожалуйста, своей дорогой.

Чахлый арестант съежился и отошел в сторону, а мальчишка, еще ниже опустив голову, повторил упрямо:

— К тятьке, к тятьке...

— Верно, — сказал молодой человек, и в его голове зароились невеселые мысли.

«Да, — думал он, шагая вдоль дороги, — вот целая программа жизни в столкновении двух взглядов на одного и того же человека: тятька и посельщик... для других это — посельщик, может быть, вор или убийца, но для мальчишки он—отец, и больше ничего. Ребенок попрежнему ждет от него отцовской ласки, привета и наставления в жизни. И так или иначе, он найдет все это... Каковы только будут эти наставления?..»

Молодой человек оглядел бойко шагавшего мальчишку своим задумчивым взглядом.

«Да, — продолжал он размышлять, — вот она, судьба будущего человека. Она поставила уже мальчишку на дорогу. Тятька и посельщик... Две координаты будущей жизни... Любовь сына, послушание отцу — две добродетели, из которых может выработаться целая система пороков. Житейский парадокс, и этот парадокс, быть может, воплотится в какую-нибудь мрачную фигуру, которая возникнет из этого мальчика с такими синими глазами»...

Дальнейшая нить размышлений молодого человека была прервана окриком арестантского старосты. Партия зашевелилась, и Семенов посадил Мишу на телегу рядом с матерью. Сам он на мгновение остановился и посмотрел в том направлении, где виднелась фигура Бесприютного. Казалось, фигура эта вновь вызвала в его голове новую нить размышлений.

III.

Трудно сказать почему, но именно эта минута, именно этот кусок пути запечатлелся в его памяти с особенной яркостью, и каждый раз, когда он вспоминал впоследствии о Федоре Бесприютном, в его воображении тотчас оживали холмик, и расстилавшиеся у его подножия луга, тихо лежавшие под лучами заката, и холодок близкой ночи, и высокий силуэт человека, стоявшего вверху... И этот голос, звучавший своеобразным, странным призывом.

«Близко!..» Что же близко? — этап, один из многих сотен этапов на расстоянии тысячеверстного длинного и трудного пути! Странное

утешение! Солнце закатывается, день отходит, партия тянется по дороге. И завтра, и через неделю, и через месяц — то же солнце увидит тех же людей на такой же, только, быть может, еще более трудной дороге,— что за дело? Что за дело, если путь бесконечно длинен, если он пролегает через знойное лето и через холодную страшную сибирскую зиму? Что за дело, если старик, который теперь еле выносит летнее путешествие, — наверное не вынесет осеннего. Что за дело, если ребенок, рожденный на этапе весной, умрет на другом этапе осенью. Что за дело и до того, что в конце пути для тех, кто его выдержит, лежит каторжный труд или горькая доля изгнания!

Что за дело! Солнце садится и отдых близок! — вот что слышалось Семенову в голосе вожака арестантской партии.

Молодой человек ускоренной, но ровной походкой обогнал телеги и подошел к Федору.

— Скоро придем? — спросил он.

— Недалече, — ответил Федор. — Вот в эту падушку [1]) спустимся, да опять на узгорочек подымемся. Там от кривой сосны за поворотом всего полверсты будет.

— Да уж Бесприютный знает, — льстиво заговорил тот же чахлый арестант, поспевший за барином. — Чать Бесприютному этой дорожкой не впервой иттить.

Арестант, очевидно, хотел польстить опытному бродяге, но суровое лицо Бесприютного, с резкими чертами, с морщинами около глаз, осталось таким же неподвижно суровым. Он осматривал внимательным взглядом свою ватагу. Он знал, конечно, что в партии, которую он вел, не может быть побега. Он дал слово начальнику, партия дала слово ему. Ценой этого слова партия покупает известные вольности: возможность по временам снимать кандалы, зайти вперед, прилечь в тени, пока подойдут остальные, отправить в какую-нибудь деревушку, в стороне от тракта, несколько человек за сбором подаяния и т. д. И, дорожа этими вольностями, арестанты свято блюдут данное слово, строго следя друг за другом. Но, не опасаясь побегов, Бесприютный боялся, что «шпанка» разбредется по лесу, пожалуй кое-кто заблудится и отстанет, и таким образом партия явится к этапу не в полном составе. А этого он не любил. Он дорожил своею репутацией; ему было бы неприятно, если бы про Бесприютного сказали, что у него в партии беспорядок.

Но этого не случилось; все были налицо; вот, звеня кандалами, подходят «каторжане»; громыхая, подъезжают подводы с женщинами и детьми; сгрудившись плотной кучей, всходят на пригорок пешие арестанты. И Бесприютный, окончив осмотр, опять двинулся вперед своей развалистой, характерной походкой бродяги.

---

[1]) От слова падь — долина. *Прим. автора.*

Шестьдесят верст «на круг» в сутки — такова была эта походка. Так идет человек, у которого нет ближайшей цели. Он не торопится, чтобы прийти до ночи, чтобы не опоздать к обедне в храмовой праздник, чтобы поспеть к базару. Он просто — идет. Дни, недели, месяцы... По хорошей и по дурной дороге, в жару и слякоть, гольцами и тайгой, и ровною Барабинскою степью, — бродяга все идет к своей неопределенной далекой цели... Он не торопится, потому что торопиться всю жизнь невозможно. Самое страстное, самое горячее стремление — в эти долгие месяцы и годы уляжется в привычные, размеренные, бессознательно рассчитанные движения. Туловище подается вперед, будто хочет упасть, но следующий шаг несет его дальше, и так, покачиваясь на ходу, уставившись перед собой глазами, согнув спину с котелком и котомкой, — отмеривает бродяга шаг за шагом эти бесконечные и бесчисленные версты... Эта ровная, неторопливая, хотя и довольно быстрая походка входит в привычку, и теперь, когда Семенов смотрел на фигуру шедшего впереди Бесприютного, ему виделось в этой сгорбленной фигуре что-то роковое, почти символическое. Молодой человек опять кивнул головой: «Понимаю, — подумал он, — выражение этой походки состоит в том, что человек не идет по своей воле, а как будто отдается с полным фатализмом неведомому пространству».

Серые халаты с тузами и буквами на плечах — вообще нивелируют всю эту массу. В первое время свежему человеку все эти люди кажутся будто на одно лицо, точно бесконечное повторение одного и того же тюремного экземпляра. Но это только первое время. Затем вы начинаете под однообразной одеждой замечать бесконечные различия живых физиономий; вот на вас из-под серой шапки глядят плутоватые глаза ярославца; вот добродушно хитрый тверитянин, не переставший еще многому удивляться и то и дело широко раскрывающий голубые глаза; вот пермяк с сурово и жестко зарисованными чертами; вот золотушный вятчанин, прицокивающий смягченным говором. Вы начинаете различать под однообразной оболочкой и разные характеры, и сословия, и профессии, — все это выступает, точно очертания живого ландшафта из-под серого тумана.

Но, смотря на Бесприютного, трудно было решить — что это за человек, чем был он раньше, пока не надел серого халата. Тогда как на большинстве арестантов казенное платье сидело как-то неуклюже, не ладилось, топорщилось и слезало, — на Бесприютном все было впору, сидело ловко, точно на него шито. Большие руки, дюжая фигура, грубоватые движения... как будто крестьянин. Но ни одно движение не обличало в нем пахаря. Не было заметно и мещанской юркости, ни сноровки бывшего торговца. Кто же он? Семенов долго задавался этим вопросом, но наконец теперь, поняв по-своему «выражение» его походки, он решил, что перед ним бродяга.

Бродяга — и ничего больше! Все характерные движения покрывались одной этой бродяжной походкой. Глаза Федора глядели не

с мужицкой наивностью, в них заметна была своего рода интеллигентность. Ни роду, ни племени, ни звания, ни сословия, ни ремесла, ни профессии, — ничего не было у этого странного человека. Он, как и мальчишка, с которым Семенов только что беседовал, пошел в Сибирь за отцом, бывшим крестьянином. Рос он дорогой, окреп в тюрьме, в первом побеге с отцом возмужал и закалился. Тюрьма и ссылка воспитали этого человека и наложили на него свой собственный отпечаток. Пройти столько, сколько прошел бродяга, видеть стольких людей, скольких он видел, — это своего рода школа, и она-то дала ему этот умный наблюдательный взгляд, эту немужицкую улыбку. Но эта школа была трагически односторонняя: люди, которых он изучал, были не те, что живут полной человеческой жизнью; это были арестанты, которые только и д у т [1]), которых только г о н я т [1]). Правда, во время бродяжества он сталкивался и с сибиряками, живал по деревням и на заимках. Но опять и тут настоящая жизнь для бродяги была закрыта. Его дом — не изба, а баня на задах; его отношения к людям — милость или угроза. Он знал, в какой стороне чалдон живет смирный и мягкосердный; в каких деревнях бабы ревут ревмя, заслышав заунывный напев «Милосердной» [2]), и где бродяге надо итти с опаской; знал он, где для бродяжки готов хлеб «на поличке» и где встретят горбача винтовкой. Но жизнь семьи, круговая работа крестьянского года, житейские радости, печали и заботы — все это катилось стороной, все это миновало бродягу, как минует быстрое живое течение оставленную на берегу продырявленную и высохшую от солнца лодку.

Эти характерные бродяжьи черты в Федоре Бесприютном соединились с замечательной полнотой, и немудрено: ведь он не знал другой жизни, — жизнь сибирской дороги владела его душевным строем безраздельно. Но кроме этих характеристических черт было в фигуре Бесприютного еще что-то, сразу выделявшее его из толпы. Каждая профессия имеет своих выдающихся личностей.

Бесприютный представлял такую личность бродяжьей профессии. Каторжная, скорбная дорога овладела в его лице недюжинной, незаурядной силой.

В волосах Федора уже виднелась седина. На лбу прошли морщины; резкие морщины обрамляли также глаза, глядевшие из глубоких впадин каким-то особенным выдержанным взглядом. Казалось, человек, смотрящий этим странным взглядом, знает о жизни нечто очень горькое... Но он таит про себя это знание, быть может, сознавая, что оно под силу не всякому, и, быть может, именно в этом сдержанном выражении, глядевшем точно из-за какой-то завесы на

[1]) Разбивка автора.

[2]) «Милосердная» — арестантская песня с чрезвычайно унылым напевом: «Партионные» и бродяги запевают ее, проходя по улицам деревень и выпрашивая подаяния. *Прим. автора.*

всякого, к кому обращался Федор Бесприютный с самыми простыми словами, скрывалась главная доля того обаяния, которое окружало вожака арестантской партии.

— Бесприютный знает! Бесприютный зря слова не скажет, — говорили арестанты.

И худое слово человека, глядевшего этим спокойным, сдержанным, знающим взглядом, приобретало в глазах толпы особенную авторитетность. Ко всякому, самому простому слову Федора (он был вообще неразговорчив), кроме прямого его значения, присоединялось еще нечто... Нечто неясное и смутное прикасалось к душе слушателя, что-то будило в ней, на что-то намекало. Что это было, — слушатель не знал, но он чувствовал, что Федор Бесприютный что-то «знает»... Знает, но не скажет, и поэтому в каждом его слове слышалось нечто большее обыкновенного смысла этого слова.

В лицо он знал в партии всех, но друзей и товарищей у него не было. Ближе других сошлись с ним два человека, но и с теми соединяли его особые отношения. Первым был старый бродяга, Хомяк, вторым — барин.

Бродяга Хомяк был дряхлый старик. Сколько ему было лет, — сказать трудно, но он не мог уже ходить и «следовал» на подводе. Одна из телег, именно та, на которой помещался старик, служила предметом особенных попечений старосты. Он сам настилал в ней солому, прилаживал сиденье, сам выносил с этапа и усаживал старого бродягу. В продолжение пути он то и дело подходил к этой телеге и подолгу шел рядом с нею. Никто не слышал, чтобы они разговаривали друг с другом. Бесприютный только пощупывал сиденье и шел, держась за переплет телеги. Хомяк сидел, свесив ноги, боком к лошадям, и смотрел неизменно перед собою неподвижным взглядом. Его руки лежали на коленях, ноги бессильно болтались, спина была сгорблена. Густая шапка только наполовину седых волос странно обрамляла темное обветрелое лицо, на котором тусклые глаза совсем терялись, что придавало лицу выражение особенного бесстрастия. Картина за картиной менялись, появляясь и исчезая, но эти выцветшие глаза смотрели на все одинаково равнодушно. Старик мог видеть и слышать, но как будто не хотел уже ни глядеть, ни прислушиваться. Он мог говорить, но до сих пор Семенов ни разу еще не слыхал звуков его голоса. От всей фигуры веяло каким-то замогильным безучастием; не было в ней даже ни одной черты страдания: в холод и жар, в дождь и непогоду — он сидел одинаково сгорбившись и по временам только постукивал пальцем одной руки по другой. Это было единственным проявлением жизни в этой старчески-невозмутимой фигуре.

Арестанты говорили, что Федор Бесприютный приходится Хомяку товарищем по прежним бродяжествам.

IV.

На одной из телег, среди всякой арестантской рухляди, лежал белый чемоданчик, принадлежавший Семенову. Иногда на этапе он просил старосту принести чемодан, чтобы переменить белье и взять, что нужно, и Федор, исполнявший очень внимательно все его просьбы, обыкновенно сам приносил просимое. Этот чемодан и послужил первым поводом для их сближения.

За несколько дней до описываемого случая молодой человек попросил принести чемодан. Федор принес и отошел было как всегда, пока молодой человек разбирался, но, оглянувшись как-то, староста увидал, что Семенов открыл одну из крышек и стал разбирать книги. Вынув одну из них, он закрыл чемодан и лег с книжкой на нарах. Федор посмотрел несколько секунд будто в нерешительности, потом подошел к Семенову и сказал:

— Книжки у вас?

— Книжки, — ответил Семенов и, взглянув на Федора из-за страницы, спросил, — а вы читаете?

— Мерекаю самоучкой, — сказал бродяга, приседая у чемодана и без спроса открывая крышку. Семенов смотрел на это, не говоря ни слова. Федор стал раскрывать одну книгу за другой, просматривая заглавия и иногда прочитывая кое-что из середины. При этом его высокий лоб собирался в морщины, а губы шевелились, несмотря на то, что он читал про себя. Видно было, что чтение стоило ему некоторого усилия.

— Нельзя ли и мне какой-нибудь книжечки почитать? — спросил он, продолжая перелистывать книги одну за другой.

Молодой человек приподнялся.

— Возьмите, — сказал он живо и как будто обрадовавшись, — не знаю только, найдете ли вы что-нибудь интересное.

— Ну, ничего, — сказал снисходительно бродяга, — все-таки время провести. Конечно, и в книгах тоже... настоящего нету.

— Настоящего? — удивился Семенов. — Как это странно! Каждая книга говорит о каком-нибудь одном предмете, и, если бы у меня их было побольше, вы, вероятно, нашли бы, что вам нужно.

Бродяга слегка усмехнулся, и в его глазах промелькнул мгновенно огонек, опять в них засветилось такое выражение, как будто бродяга знает и по этому предмету кое-что, но возражать не желает.

— Читал я их, — продолжал он, помолчав и попрежнему рассматривая книги, — не мало читал. Конечно, есть занятные истории, да ведь, поди, не все и правда... Вот тоже у поселенца одного, из раскольников, купил я раз книжку; называется эта книжка «Ключ к таинствам природы»... Говорил он, в ней будто все сказано, как есть...

— Ну, и что же?

— Да нет, толку мало. Неотчетливо пишет этот сочинитель. Читаешь, читаешь, в голове затрещит, а ничего настояще не понимаешь. Вечная единица, треугольники там, высшая сила... а понять ничего невозможно. Конечно, я человек темный, а все же, думаю, обман это, больше ничего.

— Я тоже думаю, что вам попалось не то, что нужно...

— То-то и я думаю. Надо чем-нибудь кормиться, хоть бы и сочинителям.

Перебирая книги одну за другой, он вдруг со вниманием остановился на одном заглавии.

— Это что же такое? — сказал он, поворачивая заглавие.

Это были «Вопросы о жизни и духе» Льюиса.

— Это насчет чего? — спросил бродяга, с любопытством осматривая со всех сторон книгу.

Молодой человек затруднился ответом. Если заглавие непонятно, то что же сказать в объяснение? Как пояснить содержание трактата о сложных «проклятых» вопросах, над которыми, быть может, никогда не задумывался этот человек, с трудом разбирающий по складам?

— О жизни и духе!.. — задумчиво повторил между тем бродяга и опять с видом удивления стал поворачивать книгу во все стороны, осматривая и корешок, и коленкоровый переплет, и даже самый шрифт. Казалось, он удивлялся, что книга с таким заглавием так проста на вид. Быть может, он ожидал встретить «вопросы о духе» в каком-нибудь фолианте, переплетенном в старинный сафьян.

— Это насчет жизни и, например, о душе?.. Так что ли?

— Да, — ответил молодой человек нерешительно.

Бродяга пытливо посмотрел на него.

— И все тут сказано?.. явственно?..

— Как вам сказать?.. конечно, все, что мог сказать этот писатель. Но явственно ли?.. Знаете что! Лучше возьмите какую-нибудь другую книжку...

Бродяга с живостью отдернул книгу, к которой молодой человек протянул было руку.

— Нет уж, дозвольте мне этой книжки почитать... Ежели тут насчет души и о прочем...

— Извольте, — неохотно ответил молодой человек. — Если встретится вам что-нибудь непонятное, слово какое-нибудь, выраженье, я с удовольствием постараюсь вам разъяснить...

— Нет, что выражение, выражение ничего не составляет. Конечно, мало ли их, слов-то непонятных. Ну, да все же прочитаешь раз, прочитаешь другой, оно и видно, к чему что идет. Так можно?

— Можно.

— Спасибо, — сказал он и опять взглянул в книгу. — «Вопросы о жизни и духе», прочитал он еще раз с расстановкой. Должно быть — она самая!..

Он встал, но, подымаясь, раскрыл книгу на предисловии и зашевелил губами, прочитывая кое-что на выдержку. Одна фраза остановила на себе его внимание. Что-то в роде удовлетворения мелькнуло в его лице и в глазах, когда он взглянул на молодого человека.

— Вот, — сказал он, ткнув пальцем в одно место, и затем прочитал: — «Наш век страстно ищет веры».

— Это верно, — подтвердил он с какой-то наивной авторитетностью, махнув головой.

Молодой человек усмехнулся.

— Верно, — подтвердил бродяга, — сколько теперича этих самых молоканов да штундистов с партиями гонят. И что ни дальше, то больше... Ну, спасибо. Эту книгу я теперича беспременно прочитаю.

И он ушел.

Когда наступила ночь, в камере этапа не спало только два человека. Бесприютный, полулежа на нарах, при свете сального огарка, поворачивал страницу за страницей. Лицо его выражало сильное, почти болезненное напряжение мысли, морщины на лбу углубились, и по временам, когда бродяга отрывался от книги и, устремив глаза в потолок, старался вдуматься в прочитанное, — на лице его явственно виднелось страдание.

Не спал и молодой человек. Лежа под открытым окном, — это было его любимое место, — заложив руки за голову, он задумчиво следил за читавшим. Когда бродяга углублялся в книгу и лицо его становилось спокойнее, — на лице молодого человека тоже выступало спокойное удовлетворение; когда же лоб бродяги сводился морщинами и глаза мутились от налегавшего на его мысли тумана, — молдой человек беспокоился, приподымался с подушки, как будто порываясь вмешаться в тяжелую работу.

Он был утомлен дневным переходом. Все члены ныли от усталости, и он чувствовал потребность в успокоении. Но голова его горела, глаза тоже были охвачены будто кольцами лихорадочного жара, он беспокойно метался каждый раз, когда шелест перекидываемой страницы долетал до его слуха среди сонных звуков камеры.

«Что-то он найдет в моей книге, — думал он, — этот наивный вопрошатель? Найдет ли хоть частицу того, что ему нужно?»

И молодому человеку глава за главой вспоминалась вся книга. Живучесть проклятых вопросов... Определение метафизики. Метод научный, метод эмпирический, метэмпирический метод... Что же тут почерпнет этот самоучка, что он поймет во всех этих определениях, зачем ему вся эта история бесплодных исканий, это блуждание за заблудившимися в бесконечном лабиринте?

Молодой человек смотрел теперь на труд мыслителя с особенной точки зрения; он хотел представить себе, что может почерпнуть из него человек, незнакомый со специальной историей человеческой

мысли, и он метался беспокойно, боясь, не дал ли он просившему камень, вместо хлеба. Эта работа внимания и воображения утомила Семенова. Голова его отяжелела, тусклый свет огарка стал расплываться в глазах, темная фигура маячила точно в тумане.

V.

И приснился молодому человеку странный сон. Видел он густой, темный лес ночью... Во мраке качались гигантские ветви, старые стволы стояли точно великаны-призраки, и ни одна звезда не заглядывала в чащу, ни один луч не освещал темноты. Толпа людей билась в этом лесу, разыскивая, где выход к вольному простору и свету. Долго шла толпа, расчищая путь, прорубая просеки, прокладывая в лесу дороги. Куда вести эти дороги, так ли направлены просеки, кратчайшим ли путем приведут они к выходу, туда, где солнце золотит нивы, — люди не знают. Лишь только бледная заря разольется по лесной глуши, — люди встанут ото сна и поведут дальше работу. Сзади за ними теряется в бесконечном лесу пройденный путь, вперед призывает работа, и пот выступает на лбу и ноют усталые члены, а люди рубят деревья, стелют мосты, жгут и уничтожают чащу. Ночной отдых сменяет усталость дневной работы. Приходит смерть, и люди ложатся в могилы, в темноте чащи, обращаясь головами туда, откуда — они верят — свет светит и лежит страна, которую они ищут. Там ли она, так ли направили они свою тяжелую работу, — они не знают. Знают другие. Им известно только, что они тяжко трудились, что заслужили отдых, чтобы завтра трудиться опять, или смерть, чтобы успокоиться навеки.

Толпа спит спокойным трудовым сном. Но в ней есть люди, которых члены не ноют, над которыми сон не налег так тяжело, как над остальными, потому что их работа легче. У них были глаза острее, слух чутче, и потому они не рубили дерев, не копали землю лопатами, не настилали мостов. Они проверяли пути, они ходили вперед, они ставили позади вехи и вечно думали о той стране простора и света, куда стремились. Иногда они подымались на высокие деревья... Но оттуда только бесконечное море древесных вершин колыхалось и шумело листвой... То самое море, на дне которого, там назади — в тесных могилах — полегло столько людей, искавших выхода... И люди спускались опять в чащу, исследовали и меряли путь, а сердца их нередко сжимались от боли, их душу тяготило чувство ответственности, но члены их не ныли и ноги не подкашивались от утомления.

И вот раз в глухую полночь они поднялись от сна и, оставив спящую толпу, пошли в чащу. Одних неодолимо влекло вперед представление о стране простора и света, других манил мираж близости этой страны, третьим надоело тянуться с «презренной толпой, которая только и знает, что спать да работать руками», четвертым каза-

лось, что все идут не туда, куда надо. Они надеялись разыскать путь своими одинокими усилиями и, вернувшись к толпе, сказать ей: вот близкий путь. Желанный свет тут, я его видел...

И эти люди пошли, а толпа еще спит. До зари далеко, кругом темно. Далеко зашли ушедшие, и многим уже не вернуться. Они сбивались с пути, возвращались, встречались друг с другом и расходились опять. Они менялись опытом своих неудач и успехов, они ставили свои вехи, делали свои зарубки, условные знаки, понятные другим искателям. Иногда кто-нибудь из них натыкался на какой-нибудь символ, смысл которого не давался пониманию. Тогда сходились другие и по большей части разгадывали знак: знамение неведомой гибели и незнакомой доселе опасности. И так прошло много дней и ночей. Толпа осталась где-то далеко, продолжая прежде намеченный путь, а те, что ушли вперед, — все шли, у них выработался свой условный язык, свои знаки...

И вот в одну ночь, когда отдыхавшая толпа спала, как прежде, еще один человек поднялся задолго до зари и, беспокойно оглядевшись, тоже пустился в чащу. И чаща замкнулась за ним. Он искал пути, как и другие, но был один. Ему непонятен условный язык. Он остановился у громадного столетнего дерева и, подняв свой фонарь, с тоской рассматривает зарубку... Знак, когда-то высеченный твердой рукой, стоит перед ним неведомым иероглифом и, несмотря на это указание, чаща стоит вокруг него полная прежней тайны, и мрак кажется еще глубже, лесная глушь еще враждебнее и страшнее... Зачем он поднялся, что его разбудило?..

Молодой человек спал плохо. Он метался, и весь этот сон проходил в его мозгу, как это нередко бывает, то в виде образов, то будто написанный где-то, то как воспоминание о чьем-то рассказе, звучавшем в его ушах и отдававшемся в сердце скорбными нотами какого-то незнакомого голоса... Только лицо человека, стоявшего перед знаком на дереве, вдруг встало в его воображении с такой знакомой яркостью, что он проснулся и окинул камеру мутным взглядом... Действительность не сразу овладела сознанием. В обширной камере вповалку спала толпа, и один человек склонился у самого огарка над книгой с выражением тоскующего недоумения...

Молодой человек быстро отвернулся. В нем шевельнулась досада. «Что это такое, — думал он, — или я в самом деле становлюсь болен и начинаю бредить?.. Чем я виноват, и что мне за дело?.. Я не бросал спящей толпы, я не уходил от нее в чащу, и, наконец, не я и разбудил этого человека... Не я виновен, что путь мысли труден, что они не понимают условных знаков на пути... Я сам родился где-то на глухом бездорожьи и сам вынужден искать пути в глухой чаще»...

И молодой человек заснул...

Между тем бродяга прекратил чтение; он посидел некоторое время отуманенный, с выражением разочарования, затем оглядел

книжку со всех сторон удивленным и насмешливым взглядом, точно удивляясь, как мог он ждать от нее чего-либо и тратить на нее так много времени... Если бы молодой человек видел все это, то его сон был бы менее спокоен и на его лице едва ли горела бы улыбка...

На следующий день была дневка, затем опять два дня пути с остановками только для ночлегов, и опять дневка. Все это время Бесприютный не заговаривал о книге и как будто избегал Семенова.

VI.

Когда теперь на гребне холма Семенов подошел к старосте, на лице Бесприютного виднелось сдержанное и холодное выражение.

— Ну, как вам понравилась книга? — спросил молодой человек.

— Ничего, книга хорошая, — сказал Федор, но в его тоне слышалось полное осуждение книги; он говорил о ней так же, как отзывался раньше о тех, которые помогают «провести время»; вслед затем он неожиданно заговорил о другом предмете:

— Которая в этой книге вложена карточка, — это кто такие вам приходятся?

Семенов вспомнил, что действительно он вложил в книгу фотографию и, забыв об этом, после не мог разыскать карточку.

— Это, должно быть, моя сестра, — ответил он.

— Сестра, — проговорил Бесприютный задумчиво, и Семенова поразил особенный тон, каким звучало в устах бродяги это слово; казалось, все, что можно соединить любовного и нежного с идеальным представлением о сестре, — все вылилось в голосе Бесприютного.

— Сестра... так... у меня тоже есть сестра... две сестры было...

— Было? А теперь?

— Да чай и теперь есть.

— Вы их давно не видали?

— Давно. Мальчонкой по улице вместе бегивали. С тех пор... Чай теперь такая же, как и ваша. Только моя — крестьянка. Ну, да ведь все равно это... Все ведь равно, — я говорю?

Семенов невольно посмотрел в лицо Бесприютного при этом повторенном вопросе. Суровые черты бродяги будто размякли, голос звучал тихо, глубоко и как-то смутно, как у человека, который говорил не совсем сознательно, поглощенный страстным созерцанием. Семенову казалось тоже странным, что бродяга говорит о сестре, тогда как у него были сестры, как будто представление о личности стерлось в его памяти и он вспоминал только о том, что и у него есть сестра, как и у других людей.

— А мальчик, — спросил он опять, — чать сынок ейный?

— Да.

— Вам значит — племянник?

— Конечно.

— Чать и у моей тоже... племянник... — сказал он попрежнему тихо и с тем же затуманенным взглядом.

Пройдя несколько саженей, он встряхнулся и резко вернулся к началу разговора.

— Несовсем и эта книга хороша. Не договаривает сочинитель.

— Чего не договаривает? — удивился Семенов.

— Нет настоящего... — и, видя, что молодой человек ждет пояснений, Бесприютный заговорил серьезно и с расстановками. — Не договаривает!.. Да!.. Как, то есть, надо понимать. Вот у вас племянник. Чать у него отец с матерью?

— Да.

— Ну, подрастет, станут наставлять... потом в школу, потом к ремеслу аль к месту. Верно?

— Конечно, — ответил молодой человек, недоумевая, к чему клонится этот разговор.

— Ну, вот. Это ведь всегда так. Взять хоть скотину: гонят ее, например, по дороге к околице. Станет теленок брыкаться, с дороги соскакивать, сейчас его пастух опять на дорогу гонит. Он вправо, — он его справа кнутиком, он влево—его и слева. Глядишь—и привык, придет в возраст, уж он ни вправо, ни влево, а прямо идет, куда требуется. Верно ли?

— Верно.

— То-то. Так вот и с человеком, все равно. Только бы с малых лет не сбился, на линию стал. А уж там, на какую линию его установили, — не собьется.

— Это верно все, но к чему вы это говорите?..

— А к тому и говорю, что племянник-то ваш, я вижу, сытенький мальчик, и притом с отцом, с матерью. Поставят его на дорогу, научат и пойдет он себе жить благородно, по-божьему. А вот Мишка, с которым вы сейчас шли, — с малых лет все по тюрьмам да на поселении... Так же и я вот: с самых с тех пор, как пошел за отцом, да как мать померла, я, может, и человека хорошего не видал и слова хорошего не слыхал. Откуда мне было в понятие войти? Верно ли я говорю?

— Что же дальше?

— Ну вот! Может, — спросили бы меня теперь, — я бы согласнее в младых летах свою жизнь кончить, чем этак-то жить. И верно, что согласился бы. Так ведь у меня никто не спрашивал, а сам я был без понятия... Положи сейчас кусок хлеба, пущай мимо голодная собака бежит. Ведь должна она этот хлеб схватить. Ну, так и я. Вот и вырос. Жить мне негде, к работе не приучен. Идешь по бродяжеству, — тут всего бывало: где подают, ну а где и сам промышляешь. Помню этто в первый раз мы с отцом, да со стариком вон с тем шли. Оголодали. Вот подошли ночью к амбару, в амбаре оконце. Ломать ежели амбар, — услышат. Подсадил меня отец к оконцу: «Ну-ко,

говорит, пробуй, Федька, пролезет ли голова. Голова пролезет, так и весь пролезешь». А мне боязно: в амбаре-то темно, да еще, может, и чалдон сторожит где-ни-то за углом. А тоже ослушаться не смею. Сунул голову. «Не лезет», говорю (а голова-то ведь лезет!). Вот и слышу, говорит отец Хомяку: «А что, брат Хомяк, ничего не поделаешь, — видно, ломать придется». — «Плохо, — тот отвечает, — услышат на заимке или собака взлает. Народ здесь — варвар, — убьют.» «Да ведь как быть, — отец отвечает, — мочи моей нет! Ведь я вторые сутки не ел, вчерась свой кусок мальчонке отдал»... Повернулось у меня сердце, куда и страх девался. Сунул голову в оконце. «Тятька,— кричу, — тятька! Голова-то пролезла!» Ну, вот... А там и пошло; современем все больше да больше... Вот она — наука-то моя. Поставили меня на линию тоже... А теперь должон я за это отвечать?.. Это как?

— Что же, — заметил Семенов, — если бы вас судили судом присяжных, то вероятно, все это приняли бы во внимание...

Но тотчас он понял, что сказал ужасную глупость. Бесприютный окинул его быстрым взглядом, в котором он прочел удивление, а затем что-то в роде пренебрежения. И тотчас точно луч блеснул в уме молодого человека: он сообразил теперь, о какой ответственности говорил бродяга, в чем этот человек сомневался, чего добивался от книг.

— Продолжайте, — сказал Семенов, — я ошибся, но теперь понимаю.

Повидимому, бродяга убедился, что недоразумение действительно рассеяно.

— Каждый человек поставлен на линию, — подтвердил он, — вот что. Как же теперь понимать, за что отвечать человеку? Шел два года назад арестант один, так тот так понимает, что ничего этого нет. Помер человек, и кончено. Больше ничего. Все одно — как вот дерево: растет, качается, родится от него другая лесина. Потом, например, упадет, согниет на земле, — и нету... И растет из него трава. Ну, опять на это я тоже не согласен...

Он прошел несколько шагов молча и опять, как Семенову показалось сначала, — заговорил о постороннем:

— Третий раз я бежал в ту пору. Отец у меня уже помер, товарища не было, — пошел один. Ну, скучно было. Тайгой иду, и все вспоминается, как мы тут с отцом шли. Только раз ночью бреду себе знакомой тропкой, запоздал шибко, до ночлега. Хотел в шалашике ночевать, который шалаш мы с отцом когда-то вместе строили. Только подхожу к шалашику, — гляжу: огонек горит и сидит у огонька старик-бродяга. Исхудалый, глаза точно у волка. Кидает он на огонь сучья, сам к огню тянется, дрожит. Одним словом,— оголодал и одежа на нем рваненькая. Почитай нагишом совсем... Вот хорошо; я даже этому случаю шибко обрадовался, — думаю, товарища встре-

тил. Покормил я его, чем богат, чайком обогрел. Посидели, потолковали, — спать!.. Лег я, халат под голову положил... полежал — слышу: встает мой старик, из шалаша вон выходит. Куда? — спрашиваю.— «Да так, — говорит, — не спится что-то. Пойду к ручью, водицы в котелок возьму да сучьев натаскаю: завтра пораньше чай варить. Да ты что же, молодец, головой-то под самый навес уткнулся, — чай ведь душно...» А меня покойник отец учил: случится, говорит, с незнакомым человеком ночевать, пуще всего голову береги. В живот хоть может и ткнет, все же труднее убить. А по голове ничего не стоит. Вот я, хоть насчет старика этого и в уме у меня не было, а все же завет отцовский берегу. «Ничего, — говорю, — в привычку мне этак, и комар не ест». Хорошо!.. Ушел старик к ручью, не идет, да не идет. Ночь, помню, темная была, на небе тучи, да еще и неба скрозь дерев не видать. Огонек у входа эдак дымит, потрескивает, да листья шелестят. Тихо. Вот лежал я, лежал — и вздремнул, да не очень крепко. Только слышу — вдруг отец меня окликает: «Федор, не спи!» Так это будто издалека слышно. Открыл я глаза, гляжу опять — огонек дымит, да ветка качается. Я опять заснул. Только слышу опять, будто идет кто к шалашу и даже так, что вижу — за огоньком эдак кто-то стоит. И опять: «Эй, Федор, не спи!» Вот я опять и проснулся. Что, думаю, такое это? Ну, как за день я сильно притомился, то и не могу вовсе проснуться, — глаза так и слипаются. Заснул опять, да, видно, еще того крепче. Прошло сколько-то времени. Опять слышу — подходит отец, стал в дверях шалашика, руки эдак упер, сам наклонился ко мне в дыру-то: «Слышь, Федор, не спи, а заснешь — навеки!» Да таково явственно сказал, что сон с меня вовсе соскочил. Гляжу: нет никого, огонек погас почитай вовсе; по листьям дождик шумит. И будто за костром кто-то молчит, — так помаячил и исчез. Поднял я голову — что бы это, думаю, могло обозначать? Видно, не спроста. А где, мол, старик проходящий, что это он в дождь по тайге ходит. И вдруг опять кто-то крадется тихонько к шалашику. Подошел этот старик, остановился у самого того места, куда я головой улегся, потом слышу — шарит осторожно, хворост разворачивает. Встал я незаметно, выхожу из шалашика. Что это, мол, ты делаешь, почтенный? А у него, подлеца, уже и шелеп изготовлен: в тайге вырезал здоровенную корягу... Да, вот оно дело какое. Как же теперь надо понимать: ведь уж это явственно ко мне отец приходил с того свету. Кабы с другим было — может бы и не поверил, а ведь со мной...

Несколько шагов они прошли молча.

— Рассказать вам, что после у меня с этим стариком вышло? — спросил бродяга, кинув искоса взгляд на молодого человека.

— Расскажите.

— Да, вот я вам расскажу, а вы подумайте, как оно бывает иногда. Потому: вы еще молоды. Книжек-то вы читали много, ну а все же пожили бы с мое, увидали бы такое, чего и в книжках нету. Вот,

когда услышал старик такие мои слова, — сейчас бросил свою корягу, сел к огню и говорит:—Ну, бей, — говорит, — ты человек молодой и в силе. Мне с тобой не справиться, а без одежи да без пищи я все равно в тайге смерть приму. Так уж лучше сразу...—Посмотрел я на старика этого: ноги у него в кровь изодраны, одежонка рваная, промок, дрожит весь: борода лохматая, лицо худое, а глаза горят все равно, как угли. Видно, лихоманка к нему привязалась не на шутку. Жалко мне его стало. «Ты что же это, — говорю, — на подлости пошел? Я тебя хотел заместо товарища взять, весь бы запас разделил пополам, а ты что задумал?» — Нехватит, — говорит старик, — все одно на двух-то...—А запасу, правду сказать, и у меня было немного. Тайгой этой итти надо было еще ден шесть, а то и больше, а мне и одному-то на три дня в силу хватит. Ну, думал себе, ягодой, мол, станем пробавляться, да корнем, — как-нибудь выберемся. А как увидел его поступки, тут уж какое товарищество, конечно... Однако отделил сколько-то сухарей, да чаю, да табаку немного и говорю: «Бери! Я на тебе зла не помню». Взял он, сгреб все обеими руками, сам на меня глазами уставился, — не стану ли отнимать... Вижу я: в глазах у него точно огонь бегает. Даже страшно. Собрался я, подвязал котомку и котелок, — пошел. Прошел сколько-то, оглядываюсь: старик мой тоже собирается. Завязал все кое-как в узел, айда за мной... Верите, сколько я с ним муки принял, так это и рассказать невозможно. Ни отдохнуть, ни поспать, — сейчас он тут как тут. Видели вы летом слепую муху, как она к скотине привяжется. Ну, так и этот старик. И ведь не думайте, нисколько моего добра не помнил: чуть бывало прилягу к ночи, прислушаюсь: уж он тут... крадется в тайге и все с корягой. Как только поспевал за мной — удивительно! Я иду скоро, как могу, а он не отстает, да и только. Вот подошел я к нему раз и говорю: «Что тебе надо? Отстань, а коли не отстанешь, тут и жизни твоей конец»... Хотел запугать, да где тут! Отошел я версты три, к вечеру дело было, и думаю: дай схоронюсь за дерево, обожду, а сам огонек разложил небольшой в другом месте, подальше. Только этак через полчаса времени, гляжу, выходит мой старик на тропку... идет, как медведь, переваливается, глаза горят, сам носом по воздуху так и водит. Завидел мой огонек и сейчас в тайгу, да стороной-то, да крадучись, так и ползет к огню с корягой... Что мне тут делать: парень я молодой, непривычный; кругом, может, на сколько верст души человеческой нету, только лес один; на сердце и без того тоскливо, а тут этот старик увязался. Заревел я тут, просто сказать, по-бабьи, да ну бежать. Бежал, бежал, сколько было мочи; наконец, притомился, лег и заснул. Сколько-то проспал, просыпаюсь, — опять старик тут. Впоследствии времени уж он и стыд потерял. Я к нему усовещевать, а он на меня с корягой так и кидается, так и наскакивает. Ах, ты господи! Выбился я на вторые сутки из сил, вижу: либо мне, либо ему не жить. Стал супротив его на тропке, дожидаюсь. Увидел он, что я

стою, да, видно, не испугался: так со слепу с корягой и лезет. А я стою, голосом реву, слезами плачу; вышел уже изо всякого терпения, нет моей мочи. Подскочил он ко мне, замахнулся — бац шеленом по голове. Изловчился-таки достать порядочно... Ну, тут уж я ожесточился, вырвал корягу, ударил раз и другой... Да тут же и сам свалился, заснул. Ночью проснулся, — так мне и кажется, что опять старик крадется в тайге потихоньку. Да нет: лежит на тропке, не шевельнется. Схватил я тут котомку, да опять бежать. Ни сна, ни отдыху; иду-иду, а самому кажется, что никогда мне из этой тайги не выйти; и все сзади будто старик идет, сопит, переваливается, нагоняет... Как уж я вышел к деревне, — и сам не знаю: подняли меня сибиряки у поскотины замертво... Да, так вот оно, дело-то... Иной человек и век проживет без греха. Сходит к празднику в церковь, оттуда домой придет, о божественном разговаривает с детьми, потом пообедает, ложится спать... Совесть, думает, чиста у меня, не как у прочих других. А между прочим, может, и совесть потому у него чистая, что горя он не видал да на линию такую поставлен. А вот моя линия совсем другая... И совесть у меня нечиста, а иной раз так даже и места себе не найду... И по сию пору, бывает, старик этот не дает мне покою. Потому что, не иначе, думаю я, только что был он тогда вроде как в горячке. А его, больного человека, убил... Как же теперь по-вашему-то: должон я за это отвечать, или нет?

VII.

Не дожидаясь ответа, Бесприютный вдруг сошел с дороги и остановился. Невдалеке виднелась уже кривая сосна. Этапные проходили мимо, и староста занялся счетом людей, не обращая более внимания на молодого человека, который остановился с ним рядом.

Последняя телега поровнялась с ними. На ней сидело несколько женщин, и старый Хомяк глядел с нее своими оловянными глазами. Староста подошел к телеге.

— Что, старичок божий, хорошо ли сидеть-то? — спросил он, взявшись по обыкновению за переплет телеги.

Старые губы прошамкали что-то невнятное.

— Стар дедушка, — сказал Семенов.

— Не очень, должно быть, — насмешливо возразил Федор. — Год назад еще его в Одессе отодрали. Ничего, — выдержал. Стало быть, еще молодец.

— Что вы это, Федор, говорите?

— То и говорю, что было. По закону оно, конечно, не надо бы, да про закон вспомнили, когда уже всыпали. Ну, что же тут поделаешь, — назад не вернешь.

Старый Хомяк закачал головой, его морщинистое лицо пришло в движение, глаза заморгали, и в первый раз Семенов услышал его

голос. Он повернулся к Бесприютному, уставился на него глазами и сказал:

— Ничего не поделаешь, парень! Да, ничего не поделаешь!

Он говорил ровным дребезжавшим голосом, бесстрастным, как его тусклый взгляд, хотя, повидимому, находился в состоянии оживления, на какое только был способен. Долго еще шамкали и двигались бескровные губы, голова шевелилась, даже полуседые волосы, торчавшие из-под шапки, казалось, задорно подымаются, и среди невнятного шамканья слышалась все та же фраза:

— Ничего не поделаешь!

При этом Бесприютного старик называл парнем или малым, вероятно, по старой памяти.

— То-то и я говорю, ничего не поделаешь, — всыпали, так уж назад не высыпешь, — ответил Федор с выражением грубоватой насмешки; была ли это действительно насмешка или под ней скрывались горечь и участие, Семенов не мог разобрать. Резкие черты Федора были довольно грубы, и не особенно подвижная обветренная физиономия плохо передавала тонкие оттенки выражения.

За поворотом от кривой сосны действительно открылся и этап. Высокий частокол с зубчатым гребнем скрывал крышу здания; лес подступал к нему с трех сторон. Невдалеке, под темной стеной тайги, небольшая деревушка искрилась несколькими красными огоньками, между тем как дома уже терялись в тумане. Невеселый сибирский пейзаж охватывал кругом печальные здания этапа; вечерний сумрак делал картину еще грустнее, но партия весело и шумно огибала угол частокола и входила в отворенные ворота: ужин манил изголодавшихся, широкие нары — усталых.

Один Бесприютный не изменил походки, не прибавил шагу. Он только окинул этап быстрым, угрюмым взглядом, как бы желая убедиться, что все осталось без перемен с тех пор, как он был здесь в последний раз.

Все было попрежнему; только разве лес несколько отступил от частокола, оставив пни и обнажив кочковатое болото, да частокол еще более потемнел, да караулка еще более покосилась. И бродяга отвел глаза от знакомого здания. Да, все здесь в порядке... здания сгибаются от старости, как и люди, старые окна глядят так же тускло, как и старые очи... Он знал это и прежде.

Посмотрев еще раз кругом на оставшуюся сзади только что пройденную дорогу, на темнеющий лес, на огоньки деревушки, на стаю ворон, круживших и каркавших над болотом, и проводив в ворота последнюю телегу, на которой сидел Хомяк, — староста сам вошел во двор этапа, где уже слышались шум голосов и суета располагавшейся на ночевку партии.

VIII.

Первая суета стихла в старом этапном здании. Места заняты, споры об этих местах покончены. Арестанты лежат на нарах, сидят кучками, играют в три листика, иные уже дремлют. Из отдельных, «семейных», камер слышится крик ребят, матери баюкают грудных детей, а в окна и открытые двери глядит сырая, но теплая сибирская ночь, и полная луна всплывает красноватым шаром над зубцами частокола.

Часа через полтора после прибытия партии два арестанта-кашевара внесли в общую камеру на шесте ушат со щами. Бесприютный вошел вместе с ними из кухни и стал у стола, чтобы наблюдать за раздачей партии горячей пищи. Арестанты засуетились, разбились на кучки. Каждая кучка посылала от себя человека с посудой, который, подходя к столу, произносил: пятеро, четверо, шестеро — и соответственно с этим получал пять, шесть, четыре больших ложки щей. Больные и женщины, кормившие грудью детей, имели при раздаче преимущество, и Бесприютный внимательно и деловито следил за правильностью раздачи.

В это время в ночном воздухе, там, за оградой, послышался топот приближавшейся к этапу тройки. Тройка катила лихо, но под дугой заливался не почтовый колокольчик, а бились и «шаркотали» бубенцы.

— Эй, подтянись, ребята, смирно! — высунулся головой один из караульных. — Чай это инспектор приехал.

Среди арестантов произошло невольное движение, которое Бесприютный прекратил спокойным замечанием:

— Подходи, ребята, подходи, полно!

И раздача продолжалась прежним порядком, а Бесприютный стоял у стола с тем же равнодушным видом человека, мало заинтересованного всем происходящим.

Раздача еще не совсем кончилась, когда на пороге, выступая из темноты, появилась полная фигура немолодого уже полковника.

— Здорово, ребята! — сказал он тем бодрым и добродушно веселым тоном, которым приветствуют обыкновенно подчиненную толпу добрые и благодушные начальники.

— Желаем здравия, ваше скородие, — нестройно ответили в камере, и арестанты повстали с мест, с ложками в руках. Иные стали вылезать из-под нар.

— Оставь, ребята, оставь, ничего! — махнул он рукой, входя в камеру. За ним вошел начальник этапа, болезненный, и худой офицер, да еще два-три молоденьких прапорщика конвойной команды. Фельдфебель, молодцевато выпятив грудь, вынырнул из темноты и мгновенно прилип к косяку вытянутой фигурой.

— Хлеб-соль, ребята! — продолжал полковник, обходя кругом средних нар. — Не имеете ли претензий?

— Никак нет, ваше скородие, — послышались опять голоса.

— Ну, и отлично, ребятушки! А каковы у вас щи? Хороши ли? — И с этими словами он направился к тому концу, где стоял Бесприютный у опорожненного почти ушата. Полковник среди раздававшейся толпы арестантов шел тяжеловатой, но свободной походкой человека, который знает, что эта толпа уже заранее к нему расположена, что на него обращены одобрительные взгляды. Казалось, он испытывал самодовольное чувство от сознания, что он добрый начальник, что он знает, как нужно говорить с этими преступными людьми, что он умеет с ними ладить.

Староста стал на своем месте, и его глаза попрежнему следили за ложкой разливальщика, причем ни один мускул не шевельнулся при входе и приближении начальника. На мгновение только его быстрый испытующий взгляд остановился на толстой фигуре полковника с тем же выражением, с каким он исследовал за несколько часов перед тем покосившиеся этапные постройки. Казалось, расплывшаяся и несколько обрюзглая фигура инспектора доставила бродяге материал для нового, хотя и не неожиданного заключения. Затем он равнодушно отвел глаза и занялся своим делом.

Но полковник, заметивший бродягу еще на половине своего пути, оказал ему более внимания. Он прибавил шагу, потом, приблизившись, быстро и внезапно остановился, при чем ножны его сабли с размаху ударили по коротким ногам. Откинув назад голову с широким добродушным лицом, он взглянул на бродягу из-под громадного козырька и хлопнул себя рукой по бедру.

— Панов! Бесприютный! Да никак это ты!

— Я самый, — ответил бродяга, опять кидая на полковника равнодушный короткий взгляд.

— Вот! Сразу узнал, — не без самодовольства обратился полковник к следовавшей за ним кучке подчиненных. — А ведь имейте в виду: уже более двадцати лет я его не встречал. Так, что ли? Да ты меня, братец, узнал ли?

— Как не признать, — ответил Бесприютный спокойно и затем прибавил: — Да! Чать не менее двадцати-то лет...

— Двадцать, двадцать, я тебе верно говорю. Уж я не ошибусь, — у меня, братец, память! Д-да. Имейте в виду, господа, — это было два года спустя после моего поступления на службу, — как мы с ним встретились первый раз. Как же! Мы с ним старые знакомцы. Много, братец, много воды утекло.

— Так точно, ваше высокородие, — ответил бродяга равнодушно. Казалось, он не видел особенных причин к тому, чтобы радоваться и этой встрече и вызванным ею воспоминаниям.

— Ну, каково поживаешь, братец, каково поживаешь? — И добряк-полковник присел на угол нары с очевидным намерением удостоить бродягу благосклонным разговором.

Бесприютный ничего не ответил, но это не остановило словоохотливого полковника. Повернувшись в свободной и непринужденной позе фамильярничающего начальника к стоящим за ним офицерам, он сказал, указывая через плечо на бродягу большим пальцем:

— Русская поговорка, гора, дескать, с горой не сходится!.. Да-с... Вот она судьба-то сводит. Имейте в виду, господа, двадцать лет назад я вел партию в первый раз. Понимаете, молодой прапорщик, первый мундир, эполеты, одним словом — начинал карьеру. А он в то время бежал во второй раз и был пойман. Он молодой и я молодой... Оба молодые люди у порога, так сказать, жизни... И вот, судьба сводит опять... Знаете, для ума много, так сказать... Понимаете, для размышления...

Почувствовав некоторое затруднение в точной формулировке тех философских заключений, которые теснились под его форменной фуражкой, полковник быстро повернулся опять к бродяге и измерил его с ног до головы пристальным и любопытным взглядом.

Фигура Бесприютного как-то потемнела; он насупился и как будто слегка растерялся. Но полковник, не замечавший, повидимому, ничего, кроме своего собственного прекраснодушия, продолжал осматривать своего собеседника и при этом слегка покачал головой.

— Постарел, братец, постарел. А что! Я, брат, слышал, что ты с тех пор еще несколько раз бегал. Небось раз десять пускался, а?

— Тринадцать раз, — глухо ответил Панов.

— Ай-ай-ай. Имейте в виду, — повернулся опять полковник к молодым офицерам, — и все неудачно!

Инспектор покачал опять головой с видом глубокого сожаления. И это сожаление было совершенно искренно. Конечно, в то время, когда он конвоировал партию, и после, будучи начальником этапа, — он не только не отпустил бы Панова на волю, но даже, пожалуй, усилил бы в иных случаях надзор за ловким бродягой. Конечно, и теперь, в случае побега, он постарался бы с особенным усердием устроить облаву, потому что этого требовали прямые интересы его службы. Но ведь Панов-Бесприютный мог убежать не у него (у него вообще не бегали); он мог уйти с каторги или поселения, и, в этом случае, встретившись с ним где-нибудь на тракту, — полковник без сомнения дал бы ему рубль на дорогу и проводил бы старого знакомца добрыми пожеланиями. Теперь он искренно жалел человека, с которым его связывали воспоминания о давнем прошлом. Когда он начинал свою карьеру молодым урядником конвойной команды, — Бесприютный начинал карьеру бродяги, и теперь в сердце полковника ожили давние приятные ощущения. Он был тогда молод, усики только что пробились над губой и доставляли ему такое же удовольствие, как и новый мундир и погоны; все это наполняло его жизнь радостью и блеском. С тех пор он подвигался вперед и вперед по ровной, проторенной и верно расчищенной дороге. Молодому прапорщику жизнь пред-

ставлялась целой лестницей повышений. Если во столько-то лет он достигнет чина поручика, то наверно умрет полковником... а при успехе... Теперь полковник оглядывался назад на пройденное пространство и видел с удовольствием, что он ушел гораздо дальше, чем это представлялось безусому фендрику: вот он еще бодр и крепок, а уже достиг высшего предела своих молодых мечтаний. Он уже полковник, и все, чего удастся еще добиться по службе, будет сверхсметным подарком судьбы. И старик-инспектор был доволен своей трезвой, благоразумной, уравновешенной жизнью; у него была семья; сына он поставил сразу гораздо выше, чем стоял сам при начале пути; дочери он дал приданое, потому что он не пьяница и не картежник, как многие другие. А исполнив все это, — он спокойно сомкнет глаза перед последним часом, потому что и т а м [1]), в другом мире, его формуляр — в этом он твердо убежден — заслужит полное одобрение.

Да, вот какова его жизнь! А ведь не все умеют так устраивать ее. Полковник испытывал в глубине сердца — под сожалением к бродяге — еще то особенное чувство, которое заставляет человека тем более ценить свой уютный угол, свой очаг, когда он вспоминает об одиноком и усталом путнике, пробирающемся во тьме, под метелью и ветром, безвестной и нерадостной тропой.

Хорошо полковнику, согревшему свою жизнь светом общепризнанных солидных добродетелей. А вот он, — старый бродяга, — стоит перед ним, сгорбившись, в том же сером халате, с тем же тузом на спине, с сединой в волосах, с угрюмой лихорадкой во взгляде. Да, карьера Панова, связанная, в воспоминании полковника, с началом его собственной карьеры, — не удалась. Несмотря на всю силу и удаль, несмотря на то, что имя Панова гремит по всему тракту, что об его ловкости и влиянии сложились целые легенды, что его имя от Урала и до Амура известно всем гораздо более, чем знают имя полковника, даже в районе его служебного влияния, — все же к этому имени всюду прибавляется один эпитет — несчастного, незадачливого бродяги.

Полковник опять повернулся к своим спутникам, и во взгляде, который он бросил им, заключалось целое невысказанное наставление. Наставление, очевидно, было понятно, потому что молоденький урядник, державший в руках новенькую папаху с кокардой, тоже посмотрел на бродягу и покачал головой; за ним так же укоризненно покачали головами два его сотоварища. Только один смотритель этапа, худой, с раздражительным и угрюмым лицом, не обращал на слова философствовавшего начальника никакого внимания, и вся его фигура обличала по меньшей мере равнодушие и пассивное неодобрение. Впрочем, может быть, это происходило оттого, что Степанов немолодой уже поручик, и вообще-то не вполне соответствовал видам на-

[1]) Разбивка автора.

чальства, получал частые выговоры, а теперь, кажется, был еще вдобавок с похмелья.

— Удалось ли хоть побывать на родине? — спросил опять полковник бродягу.

— До своей губернии доходил два раза, — говорит бродяга и затем добавляет глуше, — в своем месте не бывал ни разу.

— Ай-ай-ай! — закачал опять головой полковник и затем, усевшись поудобнее на нарах, он положил локти на коленях и, сложив руки ладонями, подался туловищем вперед, как человек, располагающийся побеседовать подольше. Раздача была кончена, ушат убрали, у Бесприютного не было больше дела у стола, но он стоял на том же месте. Теперь у него не было уже того равнодушно горделивого вида, как прежде. Окруженный кучей арестантов, стоявших на почтительном отдалении, бродяга стоял с несколько растерянным видом прямо перед сидевшим в свободной позе инспектором.

— Ну, — произнес тот, усевшись, — скажи ты мне, куда ты все бегаешь?

Бродяга еще больше растерялся и, если бы полковник был несколько наблюдательнее, у него, вероятно, нехватило бы духу продолжать свой допрос. Но он принадлежал к числу тех людей, для которых самодовольное прекраснодушие застилает все происходящее перед их глазами. В этом была его несомненная сила, и Бесприютный как-то растерянно ответил:

— Да как же, ваше высокородие, в свою сторону хочется все...

— Так! — сказал полковник. — А давно ли ты оттуда?

— Дитей оттуда, ваше высокородие.

— Отец твой ведь помер в Сибири?.. Ну, а мать-то жива?

— Нету. Ранее еще померла, без матери вырос, — сказал Бесприютный, и затем как-то робко, будто высказывая последний аргумент и вместе боясь за него перед лицом этого беспощадно-здравомыслящего человека, он добавил: — Сестра у меня родная...

— Сестра! Пишет она тебе письма?

— Где уж писать!

— Может, и она умерла давно.

— Две было, — протестует бродяга.

— Ну, пусть. Ну, допустим, обе они живы. Так ведь они теперь замужем, своя семья у них, дети. И вдруг явишься ты, беспаспортный, беглый из Сибири... Думаешь, — обрадуются? Что им с тобой делать?.. Имейте в виду, господа, — повернулся опять полковник с своим поучением к молодежи, — я знаю этих людей: чем опытнее бродяга, чем больше исходил свету, тем глупее в житейских делах.

Было что-то ужасное в этой простой сцене. В голосе полковника звучала такая полная уверенность, что, казалось, сама практическая жизнь говорила его устами, глядела из его несколько заплывших глаз;

между тем опытный бродяга, тот самый Бесприютный, который пользовался у сотен людей безусловным авторитетом, стоял перед ним и бормотал что-то, как школьник. Лица обступивших эту группу арестантов были угрюмы. На одной из нар сидел в своей обычной позе Хомяк, и даже он как будто прислушивался к громкому голосу полковника и к тихим ответам Бесприютного.

— Эх, вы! — махнул полковник рукой, — недаром говорится: горбатого исправит могила!

И затем, переменив тон, он добавил благодушно:

— А постарел ты, братец, сильно постарел. Да и то сказать, все к могиле идем. И я не тот, что был: женился, пятеро детей; старший учение кончает, дочь невеста... Вон меньший карапуз во дворе играет.

Взгляд Бесприютного, который он поднял на полковника, стал как-то тяжел и мутен. Но полковник теперь не глядел на бродягу. Полковник знал про себя, что он добр, что его любят арестанты «за простоту». Вот и теперь он приехал сюда со своим мальчишкой, и семилетний ребенок играет на дворе с собакой среди снующей по двору кандальной толпы. Прислушавшись, инспектор различил среди наступившей в камере тишины игривое урчание собаки во дворе и звонкий детский смех.

— Васька, эй, Васька! — крикнул полковник.

— Василь-Ваныч, — повторил почтительно стоявший у дверей фельдфебель.

На пороге открытой двери появился краснощекий мальчуган в синей косоворотке и военной фуражке. Свет керосиновой лампы на мгновенье заслепил его голубые глаза; мальчик с улыбкой закрыл их рукавом, но затем, разглядев отца, он бросился к нему с веселым смехом среди расступающихся арестантов. Физиономия старого полковника расплылась благодушной улыбкой; с нее исчезли последние признаки философского глубокомыслия; он поставил около себя своего любимца и, положив ему на голову свою руку, повернул лицо мальчика к бродяге.

— Вон какой растет, — произнес он. — Это у меня самый младший, а ведь тогда, как мы с тобой в первый-то раз шли, — я еще сам молокосос был.

Мальчика не пугала серая толпа, окружавшая его со всех сторон в этой камере, — он привык к этим лицам, привык к звону кандалов, и не одна жесткая рука каторжника или бродяги гладила его белокурые волосы. Но, очевидно, в лице одиноко стоявшего перед отцом его человека, в его воспаленных глазах, устремленных с каким-то тяжелым недоумением на отца и на ребенка, было что-то особенное, потому что мальчик вдруг присмирел, прижался к отцу головой и тихо сказал:

— Папа, пойдем отсюда!.. Папочка!..

— В самом деле пора. Мальчишка набегался за день, поневоле спать захочет. Ну, Бесприютный, прощай. Спокойной ночи, ребята, счастливый путь!

— Вам также, — послышалось откуда-то несколько голосов. Ближайшие арестанты молчали.

Кажется, мальчик на этот раз, по счастливому инстинкту, оказался благоразумнее опытного и «знающего этот народ» инспектора. Когда отец и сын направились к выходу, Бесприютный провожал их горящими глазами; лицо его сделалось страшно; он скрипел крепко стиснутыми зубами.

IX.

Утомленный дневным переходом, Семенов заснул скоро и, вероятно, очень крепко, потому что очень долго шум, стоявший в камере, не мог его разбудить. Однако, мало-по-малу, крепкий сон стал переходить в беспокойство, потом над ним нависло какое-то дремотное полусознание. Молодой человек слышал неприятный гул голосов, сквозь который прорывался то чей-то оклик, то клочек песни, и опять все эти звуки удалялись, тонули, чтобы опять выделиться с беспокоящею резкостью. Особенно неприятным казался ему один голос, звучавший громче других. Он как будто узнавал его сквозь сон, и от этого ему еще более не хотелось проснуться, не хотелось убедиться в том, что он не ошибся.

— Пей, мамка, — пей!.. Эй, жги, нажигай, молодка!..

Семенов открыл отяжелевшие веки, и в сизом тумане душной камеры перед ним обрисовалось красное лицо с горящими глазами. Кто-то сидел на нарах, обнявшись с пьяной простоволосой арестанткой, которая покачивалась и, нагло ухмыляясь по временам, заводила пьяную песню. Большинство арестантов спало, но в центре камеры шла попойка. Увидев все это, Семенов тотчас же опять сомкнул глаза, и двоившееся сознание затуманилось. «Это был только сон», думалось ему во сне об этой картине из действительности.

Но вдруг шум усилился. Молодой человек проснулся и некоторое время не мог отдать себе отчета в том, что перед ним происходило, — в камере кто-то плакал, как-то дико и с причитаниями. Это был голос Бесприютного, и к нему примешивались пьяные причитания арестантки.

— Феди-инька, горемышно-ой!.. О-ох-ох-хо-оо!..

И пьяная простоволосая баба тянулась руками, стараясь приподнять голову Бесприютного, припавшего к нарам, а сам Бесприютный как-то глухо и протяжно ревел. Это не был плач пьяного человека и не порывистое рыдание мгновенно прорвавшегося горя. Это был именно протяжный грудной рев, как-то безнадежно, ужасающе ровный, долгий, которому, казалось, не будет конца. В камере воцарилось гробовое молчание. Арестанты приподымались на нарах;

недоумевающие лица обращались к Бесприютному, и на них виднелось общее выражение испуга.

Вдруг Бесприютный поднял голову и обвел взглядом всю камеру. Казалось, водка не оказала на него обычного действия: его глаза не затуманились, черты не расплылись. Напротив, бледное лицо стало как будто суше и резче, а взгляд горел.

Он тяжело приподнялся, опираясь руками на нары, и все искал кого-то блуждающим взором. Вдруг он увидел Семенова, который смотрел на бродягу вдумчиво и с участием. Во взгляде Бесприютного мелькнуло определенное выражение.

— А, барин! — крикнул вдруг Бесприютный, подаваясь всем могучим корпусом вперед, и скверное циничное ругательство сорвалось с его языка.

— Ва-апросы, — продолжал с горькой язвительностью, — я, брат, и сам спрашивать мастер... Нет, ты мне скажи: за что я отвечать должон, — вот что. А то ва-апросы!.. На цыгарки я твою книгу искурил... ха-ха!.. Се-естра! У меня у самого сестра.

И опять ругательства полились уже по адресу сестры, на этот раз еще более циничные и ожесточенные. Казалось, он чувствовал особое злобное наслаждение, втаптывая в грязь свою мечту о мифической сестре; и вместе с тем безумный огонь в его глазах разгорался еще сильнее, а из груди вырывался сухой кашель, похожий на глухие стоны.

Он замолчал и опустил голову. Когда он поднял ее, выражение лица изменилось.

— Из лесу выйду, — заговорил он опять, глядя куда-то в пространство тоскующим взглядом, — люди этта в полях копошатся, чего-то работают, стараются... А я гляжу на них, точно волк из кустов... А что делают, для чего стараются... не знаю!..

Гробовое молчание камеры, казалось, стало еще глубже. Освещенная сальным огарком, она вся замерла, хотя не спал в ней никто, и отрывистые жалобы и проклятия бродяги с какою-то тяжелою отчетливостью падали в испуганную, взволнованную и сочувственную толпу. Даже пьяная арестантка прекратила свои причитания и уставилась в Бесприютного мутным застывшим взглядом.

Вдруг среди тишины раздался дребезжащий голос старого Хомяка. Уже несколько минут назад старик, кряхтя и охая, медленно сполз с нары и направился к Федору. Теперь он остановился по другую сторону нар и произнес своим обычным тоном:

— Ничего не поделаешь, парень... Д-да!..

И затем прибавил с более определенным выражением:

— Терпи, Федор, терпи, паренек. Ничего не поделаешь.

Помутившийся от внутренней боли взгляд Федора повернулся к Хомяку.

— А ты, старый сыч! Молчи, поротая собака!.. Что? Думаешь, и я эдак же? И меня в девяносто лет... пороть... Н-нет же!.. — стукнул он кулаком по нарам так, что дерево затрещало, и в то же мгновение в камере началась невообразимая возня. Семенов видел только, как в руках Бесприютного сверкнуло что-то, как ближайшие арестанты кинулись на него. Завязалась борьба. Федор рвался и бился, как бешеный зверь, но толпа, без вражды и гнева, но с молчаливым испугом настойчиво боролась с одним человеком. Более робкие повскакали на нарах, крестясь и вздыхая.

Наконец, толпа осилила. Несколько тел грузно рухнулись на пол.

— Берегись, братцы, ножик!

Отнятый у Панова и кинутый чьей-то рукой из толпы, — ножик с лязгом упал на пустые нары. Из груди Бесприютного вырвался стон, и затем он только храпел и глухо рыдал. Его вязали.

— Господи, царица небесная, — пугливо причитал чахлый арестант, глядевший на всю эту сцену широко раскрытыми лихорадочными глазами.

Когда привлеченные шумом в открытые настежь двери камеры вошли конвойные солдаты, все было кончено. Панов, весь опутанный веревками, принесенными наскоро со двора, где висело белье, уже лежал на нарах. Он глухо рычал и безумно озирался, крепко стиснув губы, на которых виднелась красноватая пена. Лицо страшно побледнело, и на нем резко виднелись черные огромные глаза, в которых теперь исчезло всякое выражение. С какой-то ужасающей размеренностью бродяга поворачивал голову, останавливая взгляд на комнибудь из арестантов. По всем вероятиям, он никого не видел; однако, когда молодой почувствовал на себе этот упорный взгляд, ему сделалось жутко.

Понемногу разговоры стихли; усталые, измученные борьбой арестанты улеглись по нарам, оставив около связанного троих караульных. Хомяк подошел, было, к нему, но, увидев его, Федор заметался так враждебно, что старик отошел. Кряхтя и охая, он уселся в обычной позе невдалеке от Федора, но так, что тот не мог его видеть, и все стихло. В окна глядела ночь, свеча нагорела и вздрагивала, по временам стонал и ворочался связанный бродяга, да храпел уже кое-кто из арестантов. Молодой человек тоже забылся, но его дремота странно сливалась с бодрствованием: он все время сознавал на себе тяжелый взгляд лежавшего насупротив бродяги.

Много ли времени прошло таким образом, сказать было бы трудно, но вдруг молодой человек встрепенулся и его дремоты мгновенно как не бывало. Прямо против него на нарах сидел Федор, попрежнему опутанный веревками, но теперь его глаза смотрели сознательно.

— Барин, а барин! — тихо звал Семенова бродяга, и этот тихий возглас разбудил молодого человека. Повидимому, его услышал также

старый Хомяк. Он раскрыл глаза и, тяжело кряхтя, спустился с лавки. Остальные арестанты крепко спали; спали даже приставленные к Федору караульные, прислонившись спинами к колонке и низко свесив головы.

Хомяк подошел к Федору, вздохнул и сказал со старческим сожалением:

— Эх, паренек, паренек!..

Покачав головой и вздохнув, он прибавил обычную сентенцию:

— Что тут поделаешь, терпи! — и затем стал развязывать дрожащими руками веревки.

— Барин, помоги развязать, — сказал Федор Семенову.

Тот подошел и, вынув перочинный ножик, разрезал веревку в нескольких местах. Лицо бродяги было бледно; глаза глядели хотя и угрюмо, но совершенно сознательно, так что молодой человек нисколько не колебался исполнить обращенную к нему просьбу Бесприютного. Последний встал на ноги, кивнул головой и, потупясь, быстро вышел из камеры. Протягивая перед собой руки, пошел за ним и Хомяк.

Молодой человек посмотрел им вслед и затем, улегшись на наре, выглянул в окно. На дворе было темно. Две фигуры медленно ходили взад и вперед, о чем-то разговаривая. Семенов не слышал слов, и только грудной голос Бесприютного долетал до его слуха. Казалось, бродяга жаловался на что-то, изливая перед стариком наболевшую душу. Временами среди этой речи дребезжали старческие ответы, в которых молодому человеку слышалась неизменная безнадежная формула смирения перед судьбой.

Наконец, Федор подвел старика к стене, подослал свой халат и уложил старого бродягу. А сам уселся на ступенях крыльца, так что молодому человеку была видна вся его фигура.

И долго сидел этот человек, опустив голову и не шевелясь, и молодой человек, крепко прижавшись горячей головой к холодному железу решеток, смотрел на него и думал.

А ночь все лежала над двором, безмолвная и темная.

X.

Этапный двор казался угрюм и неприветлив. Ровная с прибитой пылью площадка замыкалась забором. Столбы частокола, поднявшись рядами, встали угрюмой тенью между взглядом и просторною далью. Зубчатый гребень как-то сурово рисовался на темной синеве ночного неба. Двор казался какой-то коробкой... в тени смутно виднелся ворот колодца и еще неясные очертания каких-то предметов. Глухое бормотание и дыхание спящих арестантов неслись из открытых окон...

Сверху темнота налегла на эту коробку плотной непроницаемой крышкой. Где-то, далеко в вышине, вглядевшись, молодой человек

различил неясные очертания белесоватого облака, тихо плывшего над этой коробкой. Но очертания были нежны, смутны; казалось, этот бесцветный призрак облака тонул и терялся в густой темноте, наводя своим неопределенным движением грустные, тоскливые грезы...

И молодому человеку показалось в эту темную безлунную ночь, что весь мир замкнулся для него этой зубчатой стеной... Весь мир сомкнулся, затих и замер, оградившись частоколом и захлопнувшись синеватою тьмою неба. И никого больше не было в мире... Был только он, да эта темная неподвижно сидевшая на ступеньках фигура... Молодой человек отрешился от всего, что его волновало гневом, надеждами, запросами среди шума и грохота жизни, которая где-то катилась там... далеко... за этими стенами...

Это было когда-то давно. Теперь ему ни до чего не было дела, кроме одной мрачной и неподвижной фигуры...

И по неясной для него самого аналогии в его воспоминании наряду с этой темной фигурой возникала другая, вставал в душе эпизод далекого детства.

Отца его все любили. Он был добр и великодушен, — сердит, да отходчив. За обиду он вознаграждал всегда очень щедро, и многие сами напрашивались на обиду, чтобы потом воспользоваться великодушием сожаления. Однажды отец нанял молодого лакея. Говорили, что это сирота, что ему выпало счастье в виде места у доброго барина. Это был странный человек, непохожий на остальную дворню, чуткий и гордый. Отец вспылил как-то, разгневался и при всех ударил молодого лакея. Потом оказалось, что отец был совершенно неправ. Семенов вспоминал болезненное, горькое, исполненное недоумения выражение на лице оскорбленного. На другой день молодой слуга ушел. Связал свои вещи в узелок, надел узелок на палку, вышел за ворота и тихо, не оглянувшись, ушел по дороге. Мальчик долго глядел, и на глазах его были слезы, потому что он не знал, откуда пришел этот Павел и куда он ушел, он знал только, что ему было плохо и будет еще хуже... Но он ушел, потому что над ним совершена несправедливость. Отец предлагал ему денег, извинялся перед ним, уговаривал его, но он, отвернув глаза в сторону, твердил одно: «Прощайте, пан, пойду». И пошел.

Но раньше, чем уйти, всю ночь до утра он просидел на крыльце, и мальчик долго смотрел на него из окна. Павел сидел точь-в-точь так, как теперь сидел бродяга: опустив голову, не двигаясь, точно будто он окаменел или спит непробудным тяжелым сном. Он не спал, а только тосковал о том, что добрый человек, которого все любили и которого он тоже начал любить, совершил над ним жестокую неизгладимую несправедливость. И мальчик никогда не мог забыть этого ночного часа, и этой фигуры, и совершенной над этим человеком несправедливости. Он не примирился с нею, и даже теперь, когда он

вспоминал об отце,—к его любви и к его грусти примешивалось воспоминание о тяжкой, неизгладимой и неизглаженной неправде.

И вот опять такая же ночь и такая же фигура. Но теперь не отец виноват в тяжкой неправде... Виноват кто-то другой, тоже любимый и тоже для многих других великодушный и щедрый... Жизнь над бродягой совершила эту страшную несправедливость...

И молодой человек с горечью отворачивался от того, что называют жизнью, яркой, веселой, сверкающей, гремящей, живой и неудержимо катящей свои волны. Душа одного человека — это целый мир, и вот этот мир в душе бродяги отравлен тяжкой неправдой. За что?

Теперь эта душа открылась перед молодым человеком; он понял, чего искал бродяга своим темным умом; понял, что и перед человеком с грубыми чертами могут вставать проклятые вопросы. Жизнь оскорбила этого человека, — вот он восстал, и он ставит эти вопросы, обращая их к жизни, требуя у нее ответа...

То, что другим дается, как подарок, с рождения, что составляет как бы воздух, которым грудь дышит даже без сознания этого блага, то для бродяги — иллюзия. «У меня тоже сестра!» Т о ж е [1]), как и у других, как у всех людей!.. Да, в устах бродяги это только иллюзия, это надежда, миф, идеал. К а к у в с е х! [1]) Бродяга мечтал о том, чтобы быть, к а к в с е [1]), мечтал наивно, и эта мечта разбивалась, как все недосягаемые иллюзии.

Уйти? Но куда же? Павел, — тот вскинул свою палку на плечи, шел, шел по прямой дороге, все уменьшаясь, мелькнул беленькой точкой у самого леса, который составлял для мальчика грань видимого мира... Мелькнул еще раз и скрылся. Будет ли ему там хорошо или дурно, найдет ли он там забвение горькой обиды, спокойствие, счастье или тягчайшие, еще более жестокие обиды?..

Сегодня, после того как последние иллюзии жизни разбиты практическим полковником, — бродяга тоже пытался у й т и [1]), совсем рассчитаться с жизнью. Но куда бы он ушел? Что встретил бы там, за краем видимого мира?.. За что он должен ответить и кто перед ним ответит? Забвение ждет его или награда за страдания? Или в самом деле — ничего, этот мир — душа человека, мир, отравленный ядом незаслуженного страдания, — промелькнул и исчезнет, оставив в общем балансе природы одно ничем не вознагражденное, ничем не уравновешенное страдание?..

Вот как понимал молодой человек теперь все вопросы бродяги, его поиски в книгах, его иллюзии. Вот о чем он думал, глядя с переполненным сердцем на темную неподвижную фигуру.

О чем же в эту ночь думал сам бродяга? Быть может, он ни о чем теперь не думал, а только ощущал в сердце тяжесть от обломков раз-

[1]) Разбивка автора.

битых надежд и боялся пошевелиться, чтобы вместе с ним не зашевелилась глухая тоска. И потому он сидел, опустив голову и с закрытыми глазами.

А между тем ночь бежала и убегала своим обычным путем, и мир начинал пробуждаться. Жизнь тихо, неслышно, но неуклонно прокрадывалась на маленький дворик. Сначала темная крышка, плотно надвинувшаяся сверху, стала будто приподыматься. Дыхание утра легко развеяло сумрачную серую тьму ночи... Небо засинело, стало прозрачнее, взгляд молодого человека уходил все дальше и дальше в высь. Мир сверху раздвигался, маня синим простором.

Потом розовые лучи разлились по небу с восточной стороны и, смешавшись с сумерками, заиграли на зубцах частокола. Это розовое сияние упало вниз на землю, где прежде лежала густая тень, мягко легло на дерево колодца, на прибитую росою пыль, заиграло в капельках на траве и разливалось все обильнее и дальше.

Затем белая тучка выглянула краем из-за зубцов частокола. Она будто заглянула во двор и понеслась вверх, все выше и выше. За ней другая, третья. И чем быстрее неслись они, играя и переливая лучами, тем яснее было видно, как они высоко, как бесконечно велик свод...

Встрепенувшись от холода и росы, жаворонок, спавший за кочкой вне ограды, вдруг поднялся от земли и, кинувшись вверх точно камень, брошенный сильной рукой, посыпал оттуда яркой, нежной, веселой трелью. И вслед затем мысль молодого человека перешагнула за ограду, и опять сверкающий, манящий, живой мир развернулся перед его воображением. Он увидел, как тихо колышатся ветки елей под дуновеньем утреннего ветра. Там вьется меж деревьев еще спокойная и безмолвная дорога, там ручей журчит и бормочет под белой пеленой утреннего тумана... И речка, и луга, и горы — все встало в воображении молодого человека и потянулось вдоль необозримой, бесконечно разнообразной перспективой.

Свежее дуновенье утра коснулось также и неподвижной фигуры сидевшего на крыльце человека. Бесприютный вздрогнул от холода, пробежавшего по спине, повел плечами и поднял голову. Затуманенным взглядом он посмотрел на небо.

Из «семейной» камеры вдруг послышался плач ребенка, и эти неудержимые всхлипывания резко пронеслись из окна по этапному дворику. Когда ребенок смолкал на время, тогда было слышно дыхание спящих, чье-то сонное бормотание и храп. Но вскоре детский плач раздавался опять, наполняя собой тишину свежего утра.

Бледная, изможденная, вышла на крыльцо мать ребенка. Месяца два назад она родила и теперь в дороге, несмотря на все трудности, на собственные страдания, она с материнской неутомимостью и энергией отстаивала юную жизнь. И, повидимому, старанья не оставались безуспешны: достаточно было прислушаться к звонкому, крепкому

и настойчивому крику ребенка, чтобы получить представление о здоровой груди и хороших легких.

Нельзя было того же сказать о матери. Некрасивое, испитое и изможденное лицо носило следы крайнего утомления; глаза были окружены синевою; она кормила и вместе с тем вынуждена была продаваться за деньги, чтобы покупать молоко и окружить ребенка возможными в этом положении удобствами. Теперь она стояла на крыльце, слегка покачиваясь на нетвердых ногах. Она, казалось, все еще спала и, если двигалась, то лишь под впечатлением детского крика, который управлял ею, помимо ее сознания.

Бесприютный поднялся.

— Матрена! — окликнул он женщину, — тебе молока, что ли?

Женщина протерла глаза, увидела Бесприютного, и довольное доброе выражение появилось на ее сонном лице.

— А, ты здеся, Федор? Никак уже встал? Да, Федорушко, молочка бы ему: слышь, как заливается.

Федор направился к небольшому домику, где помещались караулка и кухня. Каждый раз с вечера он заготовлял молоко для партионных ребят, и не было еще случая, чтобы он забыл об этом. Не желая будить кашеваров, так как было еще рано, Бесприютный вышел из кухни во двор с охапкой щепок и кастрюлькой. Через минуту синий дымок взвился кверху, и огонь весело потрескивал и разгорался. Бесприютный держал над пламенем кастрюльку, арестантка, все еще сонная, с выбившейся из-под платка косой, стояла тут же.

— Ишь заливается, орет, — произнес Бесприютный, — ты бы хоть грудь дала.

— Чего давать, молока ни капли нету; всю он меня высосал...

— Ишь, бутуз. В кого он такой уродился? Ась?

Арестантка слегка потупилась.

— Да, чать в Микиту Тобольского, с ним я в ту пору жила, — ответила она грустно. — А ты, Федор, вечор пошумел маленько.

— Пошумел, — ответил Бесприютный, — на вот, тащи. Покорми дите скорея...

Арестантка ушла. Бесприютный поднялся и прислушался, как мальчишка тянул теплое молоко, жадно ворча и чмокая. Лицо бродяги стало спокойнее.

А между тем день совсем разгорелся. Выкатилось на небо сияющее солнце, лес вздыхал и шумел, шуршали за оградой телеги, слышно было, как весело бежали к водопою лошади, скрипел очеп колодца.

Жизнь закипала кругом и вливалась также в сердце бродяги. Его лицо было спокойно, как будто вчерашнего не бывало, как будто ожили надежды, и образ мифической сестры загорелся всеми живыми красками, как те облака, что бежали в синеве небес...

Бродяга глядел своим обычным взглядом. Выражение горечи опять спряталось куда-то вглубь его спокойных, задумчивых глаз,

и в движениях явилась привычная уверенность авторитетного старосты.

Он разбудил кашеваров, потом вошел в общую камеру.

— Ну, вставай, ребята, вставай. Переход ноньче дальный.

— А много ли?

— Тридцать верст до лукояновского этапу.

— Тише, ребята, не возись, — добавил он, взглянув в сторону, где было место молодого человека. — Барин вон заснул... Чай всю ночь не спал, — не буди! Уходить станем, тогда побудим.

Действительно, молодой человек спал. Он вадыхал полной грудью; чистое бледное лицо было спокойно, и ветер, врываясь в окно, слегка шевелил его белокурые волнистые волосы...

Из записной книжки архивиста.

Подготовка к наступлению на Петроград.

Среди документов личного архива б. пом. командующего Петроградским военным округом в октябре 1917 года кап. А. И. Козьмина сохранились некоторые материалы, относящиеся к организации Керенским контр-революционных сил против Петрограда в дни Октябрьского восстания. А. И. Козьмин, участник Красноярского восстания 1905 года, с.-р., личный друг Керенского, в Октябрьские дни находился в Гатчине вместе с Керенским. В его архиве сохранилась полевая книжка с копиями писем-приказов, которые он от имени Керенского и своего писал разным лицам в поисках опоры в борьбе с восставшими петроградскими рабочими и солдатами. В числе адресатов Козьмина — Керенского: полковник Краковецкий, граф Ребиндер, командир стрелкового увечных воинов полка и др. Помимо полевой книжки, в архиве Козьмина сохранилось несколько документов, рисующих некоторые мероприятия военных властей перед Октябрьскими событиями. Останавливает на себе внимание документ, состоящий из четырех пунктов, адресованный Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов (№ 1). Документ этот, напечатанный на пишущей машинке, никем не подписанный, повидимому, представляет собой проект программы действий штаба Петроградского военного округа против Военно-Революционного Комитета. Содержащиеся в этом проекте предложения об аннулировании обращения Петроградского Совета к гарнизону, получении от окружного комиссара санкции на назначение полковых комиссаров и т. д. звучат очень наивно в той боевой обстановке, когда проект этот был написан. 23 октября Военно-Революционным Комитетом уже повсюду были назначены комиссары, было опубликовано объявление В.-Р. К. о том, что «приказы и распоряжения властей подлежат исполнению лишь по утверждении их комиссаром» и т. д. В тот же день Керенским было отдано распоряжение начальнику штаба Петроградского военного округа о передаче Военно-Революционному Комитету ультимативного требования отменить разосланную в воинские части телефонограмму о неподчинении штабу округа. Все это фактически знаменовало собой начало военных действий. Рапорт командира стрелкового увечных воинов полка начальнику штаба Петроградского военного округа и приложения к нему (№ 2) как нельзя более красноречиво говорят о том, что время всякого рода совещаний, «контактных комиссий» и пр., о чем говорится в проекте штаба, прошло, что в воздухе запахло порохом. Рапорт датирован 24 октября. Он является ответом на телеграмму штаба военного округа, присланную командиру полка накануне, о выступлении войск в Петроград в «виду тревожного политического момента». Военные власти перешли в наступление. И с первых же шагов должны были почувствовать свое бессилие перед революционным настроением масс. Командир полка рапортует, что «в силу технических условий, а р а в н о у г-

розы со стороны местной Царскосельской военной секции исполнить вашего приказания полк не в состоянии» (разрядка наша. *Ред.*) То же он пишет и о добровольческом батальоне рабочих Обуховского завода, прикомандированном к его полку. Приложения к рапорту дают надлежащий комментарий к этому документу. Оказывается, военная секция «предложила» командиру «воздержаться от вывода полка в г. Петроград». И «предложение» военной секции Совета для командира полка звучало более авторитетно, чем прямое приказание начальника штаба военного округа. Фактически еще 21 октября власть над Царскосельским гарнизоном находилась в руках военной секции Царскосельского Совета, без санкции которого «требования на воинские наряды, откуда бы таковые ни исходили, не могли быть выполняемы».

«Секретно-боевой» приказ № 171 3-му конному корпусу от 25 октября 1917 года, за подписью ген. Краснова (№ 5), насколько нам известно, не был до сих пор опубликован. Между тем это первый официальный приказ об объявлении военных действий против Петрограда, содержащий в себе к тому же две чрезвычайно ценные телеграммы: Керенского о направлении 1 Донской казачьей дивизии с фронта в Петроград и комиссара северного фронта Войтинского с призывом к «донцам и приморцам» исполнить «свой долг перед родиной» — итти на Петроград, куда «Временное Правительство в полном согласии с Центральным Комитетом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов стягивает верные революции и долгу перед родиной войска».

Следующие два документа — запрос Комитета Спасения родины и революции, адресованный «главковерху Керенскому», — «когда его войска будут в Петрограде», — и ответ ген. Краснова: «Завтра в 11 ч. выступаю на Петроград, буду итти, сбивая и уничтожая мятежников» и т. д. — в комментариях не нуждаются. Через четыре дня, разбитый наголову ген. Краснов писал на имя того же Комитета Спасения родины и революции, что «кровопролитие не является задачей наших действий, и мы готовы его прекратить». В этом же духе им написано и обращение в Военно-Революционный Комитет (№ 21).

Все печатаемые документы взяты из фонда А. И. Козьмина, хранящегося в Центральном Архиве Октябрьской Революции в Москве.

1.

В Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

1. При главном начальнике Петроградского военного округа должно быть совещание из членов Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов; состав совещания безразличен, желательно старый.

2. Необходимо издание обращения от Петроградского Совета Р[абочи]х и С[олдатских] Депутатов, аннулирующее его обращение к гарнизону, разосланное в ночь на 22 октября.

3. Цель совещания при главном начальнике Петроградского военного округа — предварительное осведомление Совета о всех распоряжениях по гарнизону и округу, отдаваемых штабом округа, равно как и осведомление штаба о всех распоряжениях Совета, отдаваемых гарнизону.

4. Полковые комиссары должны получить санкцию окружного комиссара, после чего [sic!] должны быть отданы приказом по штабу.

2.

Начальнику штаба Петроградского военного округа[1]).

В. срочно.

Рапорт.

Доношу, что минувшею ночью на мое имя была получена ваша телеграмма с

[1]) Документ написан на бланке со штампом: «Командир стрелкового увечных воинов полка. 24 октября 1917 г. № 702. Царское Село».

приказанием вверенному мне полку и даже части его немедленно выступить в Петроград, в виду тревожного политического момента.

В силу технических условий, а равно угрозы со стороны местной Царскосельской военной секции, исполнить вашего приказания полк не в состоянии.

Кроме того, считаю своим долгом упомянуть, что в прикомандировании к вверенному мне полку состоит 1-й добровольческий батальон рабочих Обуховского завода, который так же, как и вверенный мне полк как в боевом, так и в техническом отношениях, еще далеко не подготовлен.

Своим большинством вверенный мне полк и батальон Обуховского завода всецело стоят на платформе Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского Совета Солдатских и Крестьянских и Рабочих Депутатов.

Приложение. Предписание Царскосельского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов сего года № 1593 и воззвание военной секции того же Совета к частям гарнизона.

Командир полка
подполковник *Купов*.
И. д. полкового адъютанта
поручик [подпись].

3.

В комитет стрелкового увечных воинов полка[1]).

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов предлагает вам воздержаться от вывода полка в гор. Петроград до выяснения этого вопроса военной секции [sic!].

Председатель *Шаусе*.
Секретарь *Татаринцев*.

4.

Срочно.

В комитеты всех частей и учреждений Царскосельского гарнизона.

Исполнительный комитет военной секции Царскосельского Совета Р. и С. Д., в виду переживаемого тревожного момента и упорно циркулирующих слухов о предстоящих погромах и выступлениях, просит вас быть особо бдительными.

Исполнительный комитет просит вас: 1) усилить дежурства членов комитета; 2) установить связь между частями гарнизона и Царскосельским Советом Р. и С. Д. и, если возможно, и с Петроградским Советом.

3) Бдительно следить, чтобы не производилось погромной и черносотенной агитации среди солдат.

4) Все требования на воинские наряды, откуда бы таковые ни исходили, должны быть выполняемы после санкционирования таковых военной секцией Царскосельского Совета.

Требования и предписания о передвижении воинских команд и частей должны производиться по личному требованию или письменному предписанию только следующих членов Совета: Шаусе, Замятина, Татаринцева, Столярова, Швец и Королева.

На письменных требованиях должно быть не менее двух подписей вышепереименованных лиц.

5) Патрули, циркулирующие по г. Царскому Селу, обязаны исполнять приказания как переименованных шести лиц, так и особых комиссаров Совета, каковые имеют при себе соответствующие удостоверения.

6) Исполнительный комитет, кроме того, предлагает комитетам частей устроить общее собрание солдат части для выяснения вопросов о текущем моменте и о необходимости сохранять спокойствие. По желанию частей, докладчики по текущему моменту и для соответствующих разъяснений будут военной секцией командированы по первому на то требованию.

Тов. председателя военной секции
Шаусе.
Секретарь *Замятин*.

21 октября 1917 г.
г. Царское Село.

[1]) Документ написан на бланке со штампом: «Царскосельский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. 24 октября 1917 г. № 1593. Гор. Царское Село».

5.

Приказ 3 конному корпусу № 171/20. Секретно-боевой.

Г. Остров.
25 октября 1917 года.

Верховный главнокомандующий Керенский, и. д. председателя Союза казачьих войск войсковой старшина А. Греков телеграфируют:

«Приказываю с получением сего все полки 1-й Донской казачьей дивизии со своей артиллерией, находящейся на северном фронте, под общей командой начальника 1-й Донской казачьей дивизии направить по железной дороге в Петроград на Николаевский вокзал в распоряжение главного начальника Петроградского округа полковника Полковникова, о времени выступления донести мне шифрованной телеграммой. В случае невозможности перевозки по железной дороге части направить поэшелонно походным порядком. № 1688».

Комиссар северного фронта Войтинский телеграфирует:

«Передайте донцам и приморцам: Временное Правительство, в полном согласии с Центральным Комитетом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, стягивает в Петроград верные революции и долгу перед родиной войска. Петроградские полки, упорно отказавшиеся от выступления на фронт, под предлогом защиты свободы в тылу, оказались неспособными оградить Петроград от бесчинств и анархии. Создалась опасность срыва Учредительного Собрания. В числе других войск, призванных в этот грозный час на спасение России, одно из первых мест занимают казачьи полки.

«Пусть злобствуют против казаков окопавшиеся в тылу дезертиры, но казаки свой долг перед родиной исполнят до конца.

«Комиссар северного фронта *Войтинский*».

Во исполнение этих телеграмм 1-й Донской дивизии сегодня спешно направиться по железной дороге в район Гатчина — Александровская. Принять меры для сосредоточения дивизии в районе Пулково — Царское, откуда походным порядком двигаться к Петрограду всей дивизии одновременно, согласно данных мною указаний.

Подписал: командующий корпусом генерал-майор *Краснов*.

Верно:

Начальник штаба корпуса генерального штаба генерал-майор *Солнышкин*.

6.

Ген. Краснову.

1917 года 27 дня октября месяца.
7 ч. 5 м. № 146 из . . . . .

Приказываю вам вступить в командование всеми вооруженными силами Российской Республики Петроградского округа на правах командующего армией.

Министр-председатель и верховный главнокомандующий *А. Керенский*.

7.

Главковерху Керенскому.

«Комитету Спасения родины и революции крайне необходимо знать, когда ваши войска будут в Петрограде. Положение крайне тяжелое. Отвечайте. Член Совета при восьмом — Мартинов».

Подпись удостоверяю.

Завтра в 11 час. выступаю на Петроград. Буду итти, сбивая и уничтожая мятежников. Буду занимать позицию по рубежам. Прибытие в Петроград вполне зависит от активности верных присяге войск гарнизона, по прибытии в Петроград вы должны занять все караулы, посты и принять на себя разведочную службу. В виду сильного утомления моих людей и лошадей прошу ответ дать до 9 часов завтрашнего дня.

Ген.-майор *Краснов*.

27/X 1917 г.

8.

Александру Алекс. Овсянникову. Петроград, Зверинская, № 2 (Петроградская сторона). (В случае отсутствия адресата Н. Д. Миронову) [1].

Шура, я и Алекс[андр] Федорович находимся в Гатчино — казармы 23 арт. бригады.

Приезжай немедля или пришли кого-либо из политического отдела. Крайне необходимо. Здесь войска наши.

Андрей.

Пришли Доммазьянца.

27 октября.

9.

Гор[одскому] голове Григорию Ильичу Шрейдер для полковн[ика] Краковецкого. Городская дума. Петроград [2].

Прошу вас, господин полковник, снестись со мной для разрешения вопросов, связанных с избавлением г. Петрограда и его окрестностей от большевиков. Вы обо мне, вероятно, слыхали как о старом работнике и до сего времени занимающего [sic!] пост помощника главнокомандующ[его] войсками П[етроградского] в[оенного] о[круга] капитана Андрея Козьмина. Пишу вам на основании сведений, полученных от товар[ища] Горштейна, делегирован[ного] в Лугу. Снестись необходимо в наивозможно кратчайшее время. Желательно в течение сегодняшней ночи и не позже утра завтра. Я нахожусь в Гатчино на положении командующ[его] войсками П[етроградского] в[оенного] о[круга]. Во главе всех войск, находящихся в Гатчино и прибывающих сюда, находится А. Ф. Керенский. Ответьте мне или — еще лучше — пришлите ко мне делегата для связи вместе с моим курьером. Через него сговоримся мы относительно дальнейшего нашего совместного образа действий.

Капитан *Козьмин.*

Адрес: Гатчино, казармы 23 арт. бригады, штаб 3-го конного корпуса.

10.

Коменданту гор. Луги. Воинскому начальн[ику] и... [1].

1917 г. 27 дня октября месяц[а].
Из Гатчины. Войтинскому [2].

Прошу подателю сего оказывать всякое содействие по предоставлению ему бензина и других горючих материалов для мотоцикла.

Помощник главнокомандующ[его] П[етроградского] в[оенного] о[круга] капитан *Козьмин.*

11.

1917 г. 27 дня окт[ября] месяц[а].
Из Гатчины.

Викентий Викентьевич.

Прошу вас немедля снестись со мною по нашему общему делу борьбы с большевистской анархией. Прошу вас приехать ко мне или прислать делегата, которого я бы знал.

Адрес: Гатчино. Казармы 23 арт. бригады. Штаб 3-го конн. корпуса.

Приехать прошу до ночи. Капитан *Андрей Козьмин.*

Здесь же находит[ся] и А. Ф. Керенский. *Андрей Козьмин.*

12.

Прошу вас, граф [3], немедля снестись со мною. Лучше, если вы приедете сами. Я нахожусь в Гатчино. Казармы 23-й арт. бригады.

Здесь же и А. Ф. Керенский. Очень прошу вас приехать или, в крайнем случае, прислать кого-либо мне знакомого.

Капитан *А. Козьмин.*

27 октября.

[1]) На конверте надпись карандашом: «Сообщите семье А. Ф. Керенского».

[2]) Адрес на конверте.

[1]) Далее следует одно неразобранное слово.

[2]) Адрес на конверте.

[3]) На конверте адрес: «Графу Ребиндеру, командиру гвард. запасн. конн. арт. бригады. Павловск».

13.

В комитет добровольцев Обуховского завода. (Царское, стрелковый увечных воинов полк.)

Сообщаю, что А. Ф. Керенский находится в Гатчино во главе войск, верных правительству и верховным органам демократии. Эти войска имеют задачей избавить Петроград и его граждан от ужа[со]в большевистской анархии. От имени своего и нашего общего товар[ища] Мартынова, призываю вас оказать нам всю возможную для вас поддержку в нашем общем деле.

Я также нахожусь в Гатчино. Прошу вас связаться со мною.

Помощн[ик] главн. П[етроградским] в[оенным] о[кругом] капитан *Козьмин*.

Гатчина. Казарма 23-й арт. бригады.

14.

Главнокомандующему Кавказск[ой] армией.

Никогда не сомневался в глубоком патриотизме Кавказской армии. Передайте ей, что вера в великую силу разума России и непобедимую мощь революции ведет меня и верные родине войска к сокрушению предателей и изменников. Рад засвидетельствовать, что вся действующая армия охвачена тем же порывом.

Верховный главнокомандующий
Керенский.

15.

Коменданту Гатчины.

1917 г. 28 дня окт[ября] месяц[а].
Из дер. Перелесино.

Прошу вас немедля прислать с моим посланным мое обращение к солдатам. В типографию сдано еще вчера вечером.

Капитан *А. Козьмин*.

16.

Командиру стрелкового увечных воинов полка.

1917 г. 28 дня [октября месяца].
Из Красной Слободки.

По приказанию командующего армией под Петроградом, прошу вас прибыть немедля в Красную Слободку для представления ему.

А. Козьмин.

17.

Пр[апорщику?] Кищуку.

1917 г. 30 дня октября.

1) Сговориться с Гинтовтом и направить агитаторов в части.

2) Установить связь с коменд[антом] Гатчины и 1) торопить с присылкой сюда эшелонов. 2) Сообщать обо всем происходящем в Гатчину.

3) Телеграммы, имеющие политич. агитацион[ный] характер, пере[пи]сывать и отправл[ять] ко мне.

4) То же с телеграмма[ми] не пропупущенными.

18.

Командующему армией.

1917 г. 30 дня октября месяца.
Царское Село.

Доношу, что 150 снар[ядов] 3″ находятся во дворе штаба в Царс[ком Селе], 100 шт[ук] в Павловске, винтовочн[ые] патроны — во дворе штаба.

Обращаться к подполковнику Малевскому.

А. Козьмин.

19.

Петроград. Комитету Спасения родины и революции. Копия Викжель.

Защищая волю страны, выявленную в постановлениях всех руководящих общественных организаций, охраняя завоевания великой революции и возможность созыва в срок Учредительного Собрания, Временное Правительство, по долгу присяги, во главе с верными родине и революции войсками, приняло все меры к подавлению мятежа, приостановившего всю государственную жизнь.

Обороняя существование, свободу и честь страны, вынужденное не по своей воле к пролитию братской крови, Временное Правительство еще раз призывает все силы страны сплотиться в борьбе с насилием меньшинства.

Вместе с тем, озабоченное скорейшим восстановлением обороноспособ-

ности армии и законной жизни в стране, правительство готово приостановить подавление восстания силой оружия и ликвидировать мятеж путем переговоров Временного Правительства в полном составе с руководящими общественными организациями и партиями о воссоздании законной революционной власти в стране.

Министр-председатель *А. Керенский*.

31. X 1917 г. [1])

20.

Комитету Спасения родины и революции.

В ответ на телеграмму за № 1167 от председателя совещания Викжеля о прекращении междоусобной войны мы, представители верных законному правительству войск, заявляем: кровопролитие не является задачей наших действий, и мы готовы его прекратить при выполнении нижеследующего: все арестованные члены правительства и все другие, верные ему, освобождаются, равно как мы освобождаем арестованных и захваченных во время военных действий большевиков.

Законное правительство, восстановившись, вступает в переговоры с представителями всех партий о реорганизации власти на основах: преимущественного значения большинства, необходимости продолжать оборону страны и созыва в установленное время Учредительного Собрания, которое одно только должно разрешить вопросы о земле и воле, о войне и мире.

Командир 3-го конного корпуса генерал-майор *Краснов*.

Председатель дивизионн. комитета 1-й Донской дивизии подъесаул *Ажогин*.

Помощник главнокомандующего войсками Петроградского военного округа капитан *Козьмин*.

Гатчина. 31 октября 1917 г.

[1]) Далее следует рукописная приписка: «Если связи с Петроградом нет, передать до той станции, конечной к Петрограду, которая работает.»

[Подпись не разборчива.]

21 [1]).

В Военно-Революционный Комитет.

Совещание, созванное Центральным Исполнительным Комитетом Всероссийского железно-дорожного союза из представителей Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Комитета Спасения родины и революции, Петроградской городской думы, Центрального Комитета Партии социал-демократов-меньшевиков объединенных, Ц. Б. с.-д. интернационалистов объединенных, Центрального Комитета с.-д. большевиков, Центрального Комитета социалистов-революционеров, Петроградской Конференции левых социалистов-революционеров, Еврейской Социалистической Рабочей Партии, Польской Социалистической Партии, Объединенной Еврейской Социалистической Партии, Всероссийского Центрального Совета войсковой организации при военном министре и Викжеле,— по вопросу о прекращении вооруженных столкновений между частями войск и рабочих, приняло положение: для окончательного соглашения о форме и конструкции новой государственной власти приняло [2]) необходимым установить немедленное перемирие и обращение к враждующим сторонам о прекращении кровопролитий и вооруженных столкновений.

Верховный главнокомандующий, не желая проливать братскую кровь, согласился на переговоры и установление естественных отношений между войсками правительства и мятежниками, почему предлагаю штабу отряда мятежников отозвать свои войска в Петроград, установить линию Лигово—Пулково—Колпино нейтральной и допустить беспрепятственно для

[1]) Документ написан на бланке со штампом: «Командир 3-го конного корпуса . . . октября 1917 г.»

[2]) Так в подлиннике.

обеспечения спокойствия в Царском Селе конные авангарды правительственных войск. Ответ на это предложение передать с парламентером не позже 8 часов 1 ноября с. г.

Генерал-майор *Краснов*.

Романовы в первые дни революции *).

Письмо О. В. Палей Александре Романовой 3 марта 1917 г.

3 марта 1917 г.

Palais de S. A. J. le Grand Duc Paul. Tzarskoè-Sèlo.

Ваше императорское величество, 3-го дня вечером вел[икий] князь [1]) был сильно встревожен слухами о назначении в[еликого] кн[язя] Мих[аила] Алекс[андровича] — регентом [2]). Весь вчерашний день он был в угнетенном состоянии, т[ак] к[ак] не было ни поездов, ни телефонов, верный нам человек, кот[орый] держал нас в контакте с Гос[ударственной] Думой, — не появлялся. Наконец, стало невмоготу, и мы послали человека пешком (моторы реквизируются везде в Петрограде) к в[еликому] князю Кириллу Владимировичу [3]) с письмом след[ующего] содержания:

«2 марта 1917 г.

Дорогой Кирилл.

Ты знаешь, что я через Н. И. [4]) все время в контакте с Государст[венной] Думой. Вчера вечером мне ужасно не понравилось новое течение, желающее назначить Мишу [5]) регентом. Это недопустимо, и возможно, что это только интриги Брасовой [6]). Может быть, это только сплетни, но мы должны быть на-чеку и всячески, всеми способами, сохранить Ники [7]) престол. Если Ники подпишет манифест, нами утвержденный, о конституции **), то ведь этим исчерпываются все требования народа и Временного Правительства. Переговори с Родзянко [8]) и покажи ему это письмо. Крепко тебя и Ducky [9]) обнимаю.

Твой дядя *Павел*».

Наш человек дошел к утру до города, и т[ак] к[ак] сегодня поезда ходят, то привез прилагаемый ответ Кир[илла] Влад[имирови]ча.

Сегодня утром, прочитав с трепетом сердечным сегодняшнюю газету, которую решаюсь послать вам на прочтение, т[ак] к[ак] считаю, что в такой момент ваше величество должны знать все, какие бы там ни писались дерзости и ужасы (главное — речь Милюкова), сегодня, говорю, прочитав газету, мы с в[еликим] князем сообща составили и послали сегодня в 12 час. дня нашего вахтера с письмом к Родзянко, след[ующего] содержания:

«3 марта 1917 г.

Глубокоуважаемый Михаил Владимирович.

Как единственный оставшийся в живых сын царя-Освободителя, обращаюсь к вам с мольбой сделать все от вас зависящее, дабы сохранить конституционный престол государю. Знаю, что вы ему горячо преданы и что всякий ваш поступок проникнут глубоким патриотизмом и любовью к дорогой родине. Я бы не тревожил вас в такую минуту, если бы не прочитал в «Известиях» речь министра иностр[анных] дел Милюкова и его слова о регентстве в[еликого] кн[язя] Михаила Александровича [10]). Эта мысль о полном устранении государя меня гнетет. При конституционном правлении и правильном снабжении армии государь несомненно поведет войска к победе. Я бы сам приехал к вам, но мой городской мотор реквизирован, а силы не позволяют итти пешком. Да

*) Публикуемые документы воспроизводятся здесь с подлинников, хранящихся в Моск. Центр. Архиве Окт. Рев., Особый отдел.

**) Речь идет о манифесте, составленном вел. кн. Павлом Александровичем и подписанном группой великих князей 1 марта 1917 г. Факсимиле этого документа напечатано в № 1 журнала «Огонек» за 1923 г.

поможет нам господь и да спасет он нашего дорогого царя и нашу родину!

Искренно вас уважающий и преданный вел[икий] князь *Павел Александрович*».

Как только будет какой-нибудь ответ от Родзянки, я сообщу вашему величеству, а пока — молю вас на коленях быть спокойной и верить, что до последней капли крови, до последних сил будем с вами!

Целую ваши дорогие ручки, извиняюсь за почерк, рука дрожит и остаюсь ваша всем сердцем, всеми помыслами.

Ольга Палей [11]).

По прочтении великий князь просит вернуть письмо Кир[илла] Влад[имировича], газету, а также мы молим два слова — как здоровье наследника и великих княжен, и есть ли известия от государя? Во Пскове ли он или уехал и куда и на что он решился?

О. П.

Письмо Кирилла Романова Павлу Романову 2 марта 1917 г.

Дорогой дядя Павел!

Относительно вопроса, который тебя беспокоит, до меня дошли одни лишь слухи. Я совершенно с тобой согласен, но Миша, несмотря на мои настойчивые просьбы, работает ясно и единомысленно с нашим семейством, он прячется и только сообщается секретно с Родзянкой. Я был все эти тяжелые дни один, чтобы нести всю ответственность перед Ники и родиной, спасая положение, признавая новое правительство. Обнимаю.

Кирилл.

2 марта 1917 г.

Письмо Николая Михайловича Романова [12]) А. Ф. Керенскому [13]).

Многоуважаемый

Александр Федорович.

За сегодняшний день я получил согласие на отказ от престола и на отдачу удельных земель от великих князей Кирилла Владимировича (легко), от в[еликого] к[нязя] Дмитрия Константиновича [14]) (туго) и от князей Гавриила [15]) и Игоря Константиновичей [16]) (оч[ень] легко). Телеграмма, которую я сварганил для брата Александра [17]), вам известна от М. И. Терещенко [18]) по ее содержанию. Остается убедить Павла Александровича, брата Георгия [19]), живущего у М[ихаила] А[лександровича] в Гатчине, и брата Сергея [20]), находящегося в Могилеве.

Неизвестно, где находятся Николай [21]) и Петр Николаевичи [22]), Борис Владимирович [23]) и князь Константин Конс[тантинович] [24]).

Наша вчерашняя беседа оставила во мне самое светлое и отрадное впечатление. Моя лепта в каком угодно размере на памятник декабристов обеспечена от всей души.

Бог вам в помощь.

Весь ваш *Николай М.*

9/III. [1917 г.]

Заявление Георгия Романова 12 марта 1917 г.

Относительно прав наших, а в частности и моего, на престолонаследие, я, горячо любя свою родину, всецело присоединяюсь к тем доводам, которые изложены в акте отказа великого князя Михаила Александровича.

Что касается до земель удельных, то я вполне готов подчиниться решению правительства, которое несомненно имеет в виду благо родины.

Великий князь *Георгий Михайлович.*

12 марта 1917 года.

Заявление—Кирилла Романова.

Относительно прав наших, и в частности и моего, на престолонаследие, я, горячо любя свою родину, всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа великого князя Михаила Александровича.

Великий князь *Кирилл Владимирович.*

Примечания.

[1]) Павел Александрович, великий князь, сын Александра II.

[2]) Михаил Александрович, вел. кн., сын Александра III.

[3]) Кирилл Владимирович, вел. кн., сын вел. кн. Владимира Александровича.

[4]) Н. И. — расшифровать не удалось.

[5]) См. прим. 2.

[6]) Брасова, Наталья Сергеевна, графиня, жена вел. кн. Михаила Александровича.

[7]) Ники — Николай II.

[8]) Родзянко, Михаил Владимирович, председатель Государственной Думы.

[9]) Ducky — Виктория Федоровна, жена вел. кн. Кирилла Владимировича.

[10]) 2 марта Милюков, выступая на митинге в Екатерининском зале Таврического дворца, на вопрос о судьбе династии Романовых ответил: «Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен, власть перейдет к регенту, вел. кн. Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей». Заявление это вызвало бурю негодования против Временного Правительства. В тот же день Милюков сделал заявление, что его слова о династии являются его личным мнением.

[11]) Палей, Ольга Валериановна, княгиня, жена вел. кн. Павла Александровича, по первому мужу фон-Пистолькорс.

[12]) Николай Михайлович, вел. кн., сын вел. кн. Михаила Николаевича.

[13]) Александр Федорович Керенский, министр юстиции Врем. Правительства.

[14]) Дмитрий Константинович, вел. кн., сын вел. кн. Константина Николаевича.

[15]) Гавриил Константинович, князь, сын вел. кн. Константина Константиновича.

[16]) Игорь Константинович, князь, сын в. кн. Константина Константиновича.

[17]) Александр Михайлович, вел. кн., сын вел. кн. Михаила Николаевича.

[18]) М. И. Терещенко, министр финансов Временного Правительства, позже министр иностранных дел.

[19]) Георгий Михайлович, вел. кн., сын вел. кн. Михаила Николаевича.

[20]) Сергей Михайлович, вел. кн., сын вел. кн. Михаила Николаевича.

[21]) Николай Николаевич, вел. кн., сын вел. кн. Николая Николаевича старшего.

[22]) Петр Николаевич, вел. кн., сын вел. кн. Николая Николаевича старшего.

[23]) Борис Владимирович, вел. кн., сын вел. кн. Владимира Александровича.

[24]) Константин Константинович, князь, сын вел. кн. Константина Константиновича.

Ответственная редакция: В. Адоратский. Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Июльские дни в Петрограде (окончание)	3—70
Октябрь на фронте (окончание)	71—107
Иностранные дипломаты о революции 1917 г. С предисловием *А. Л. Попова*	108—163
Запрещенный рассказ В. Короленко. С предисловием *В. Полянского*	164—200

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

Подготовка к наступлению на Петроград	201—208
Романовы в первые дни революции	208—210

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1928 ГОД

НА ЖУРНАЛ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АРХИВНОГО ДЕЛА, ИЗДАВАЕМЫЙ ЦЕНТРАРХИВОМ РСФСР,

„АРХИВНОЕ ДЕЛО“

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

М. С. Вишневского, В. В. Максакова, А. А. Сергеева

в 1928 году выйдет 4 тома

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА **6** РУБЛЕЙ В ГОД

Подписка принимается Ред.-Изд. Отделом Центрархива РСФСР

Москва, улица Маркса и Энгельса, д. 20.

Телефон редакции: 3-72-91.

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

Адоратский В. В., Алексеев В. П., Андреев А. И., Анфилов Б. И., Ахун М. И., Бельчиков Н. Ф., Богоявленский С. К., Буржен Ж. (Франция), **Валк С. Н., Вишневский М. С., Воинова К. И., Гераклитов А. А., Гиваргизов А. П., Голубцов И. А., Домбровский В. А., Егоров Д. Н., Жданович Я. Н., Зекцер А. Л., Иодко А. Р., Истнюк Д. Г., Константинов М. М., Кубалов Б. Г., Кудрявцева А. И., Левин Л. М., Лихачев Н. П., Любавский М. К., Любименко И. И., Максаков В. В., Маяковский И. Л., Нечаев В. Н., Павлова Н. А., Пичета В. И., Покровский А. А., Покровский М. Н., Пушкин Б. С., Рахлин А. М., Рождественский С. В., Русинов Н. В., Сениовский Е. Ф., Сергеев А. А., Сергиевский Н. Л., Соколова А. А., Сэ А.** (Франция), **Тарле Е. В., Хрипач И. В., Чулков Н. П., Шереметевский В. В., Шилов А. А., Шмидт Ш.** (Франция), **Эйнгорн В. О., Яхонтов С. Д. и др.**